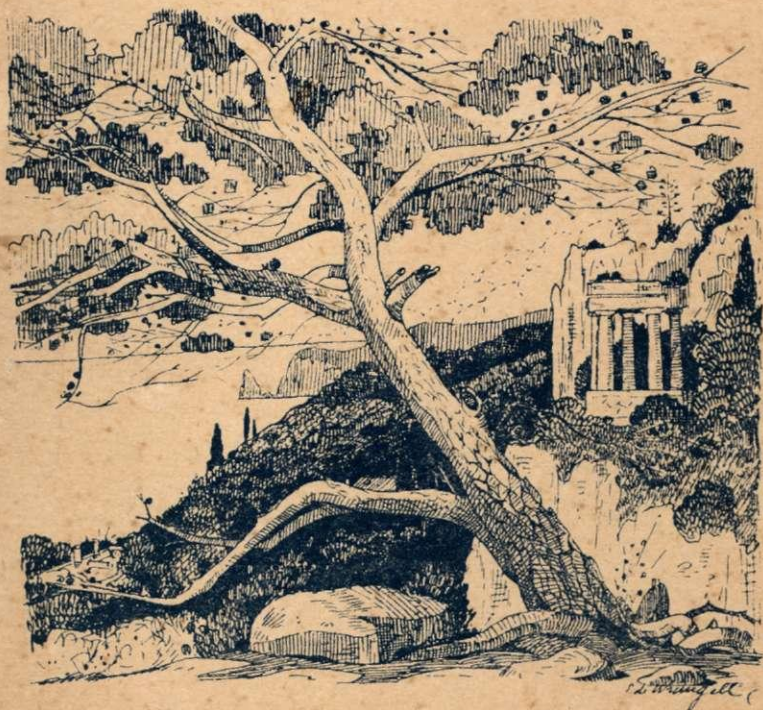

61.077
к/х

Врангель
Бар. ЛЮДМИЛА ВРАНГЕЛЬ

К Р Ы М Ъ

YMCA-PRESS
PARIS

22

научит
государственный
институт
профессора
А. Прохорова
23 июня 1952

В. Чапман

Бар. ЛЮДМИЛА ВРАНГЕЛЬ

К Р Ы М Ъ

Памяти моихъ родителей,
Людмилы Ивановны и
Сергѣя Яковлевича
Елпатьевскихъ.

Авторъ.

YMCA-PRESS

PARIS

Въ тѣхъ же минуты сѣрагають о Родины,
Камни тобу селенды и носки, мухи - зѣя камина
двучаеа утѣ шенемъ дѣз, мѣдѣ, камина
и тѣмъ сѣмъ тоу баула мѣдѣ оу дѣмъ баула мѣдѣ
и истосковавшемъ Оу дѣмъ.

17/4 June 1901. Nairobi (Kenya)
ВВЕДЕНІЕ. S. Starikoff

Народы смѣняли народы,
Лицо, измѣнилось земли...

Гр. Ал. Толстой.

Едва ли есть на земномъ шарѣ земля болѣе замѣчательная въ историческомъ и особенно этнографическомъ отношеніи, чѣмъ Крымъ.

Безпрестанная смѣна однихъ народовъ другими... Они шли сюда изъ Греціи, изъ блестящаго Рима, съ Балтійскаго моря, изъ азіатскихъ степей, изъ Венеціи, Генуи...

Каменный вѣкъ, тяжелой поступью пробивающійся къ свѣту, жилища доисторическаго человѣка...

Блестящіе вѣка античныхъ греческихъ колоній, богатые города-крѣпости генуэзцевъ, съ пестротой и роскошью ихъ торговли...

Самобытный въ своемъ затворническомъ уютѣ татарскій Крымъ, и наконецъ, молодая Русская Имперія, плѣнившая его.

Памятенъ мой первый вѣздъ въ Крымъ.

Бѣлыя, снѣжныя поля кругомъ. Они безграничны и сливаются съ небомъ, подъ сѣткой густо падающаго снѣга. Его хлопья слѣпятъ наши вагонныя окна, а въ флюгерахъ на потолокѣ свиститъ вьюга.

Printed in France.

Поѣздъ, скрипя по каленымъ рельсамъ, сталъ. Мы застряли въ снѣжныхъ заносахъ гдѣ-то подъ Синельниковымъ, въ безпредѣльныхъ южныхъ степяхъ, гдѣ лѣтомъ солнце выжигаетъ каждую былинку, а зимой бушуетъ вьюга, останавливая на пути своемъ поѣзда и засыпая проѣзжихъ и прохожихъ.

Внизу на насыпи подъ окнами вагона мелькаютъ закутанныя фигуры кондукторовъ и окрестныхъ мужиковъ, разгребающихъ лопатами снѣгъ съ пути.

Было уютно въ тепломъ вагонѣ, въ защитѣ отъ бушующей метели, и безпокоилъ только вопросъ о провизіи, если мы застрянемъ надолго въ этой снѣжной пустынѣ.

Но къ вечеру вьюга стихла, поѣздъ тронулся, и когда мы на другой день проснулись у Сиваша, отдѣляющаго Крымъ отъ Россіи, и вдохнули черезъ окно душистый запахъ весенней теплоты чернѣющихъ полей, — невѣроятнымъ показались и мятежь, и вьюга, окружавшія насъ всего нѣсколько часовъ тому назадъ.

Нашъ поѣздъ мягко катился въ чернотѣ южной ночи съ яркими звѣздами, какія у насъ на сѣверѣ бываютъ только на Рождествѣ, и весело свистѣлъ, проѣзжая маленькія станціи съ желтыми огоньками.

Мы въѣзжаемъ въ блѣдно-освѣщенныя звѣздами воды Сиваша и стукъ мчащагося поѣзда не можетъ заглушить кваканья и уханья лягушекъ.

Вотъ онѣ, степи Тавриды! — колыбель тавро-скивовъ, сарматовъ, хозарь, печенѣговъ, половцевъ, татаръ...

Была еще предразсвѣтная тьма, когда мы вѣхали съ вокзала Симферополя черезъ темное поле въ городъ. — Налѣво, въ большомъ саду, бѣлѣлъ особнячекъ архіерея, направо — смутно вырисовывался огромный острогъ. Душистый вѣтеръ летѣлъ откуда-то издалека, навѣрное съ тѣхъ горъ, что смутно чернѣли по другую сторону города, по направленію къ южному берегу Крыма.

Въ просторныхъ сѣняхъ бѣлаго дома, въ которомъ я остановилась, пахло яблоками: тутъ жили садовладѣльцы. Комнаты были большія, по провинціальному уютныя, — укладъ жизни, удивившій меня невозмутимымъ спокойствіемъ, страннымъ послѣ шумной, наполненной событіями, нервной жизни Петербурга.

На завтракъ намъ подали дрохву — невиданную птицу на сѣверѣ.

Эти большія, какъ индѣйки, бурья птицы истреблялись безошадно въ гололедицу, въ степяхъ Крыма. Усталыя, послѣ перелета черезъ море, дрохвы опускались на отдыхъ въ степяхъ, и бѣда, если попадали въ гололедицу. Тяжелыя птицы скользили, махая крыльями и не имѣя точки опоры, бѣжали по обледенѣлой землѣ и убивались просто палками.

Послѣ завтрака, я отправилась на базаръ — самое лучшее мѣсто для знакомства съ новой страной. Симферопольскій базаръ особенно красоченъ разнообразными народностями, до сихъ поръ населяющими Крымъ.

Татары, греки, армяне, грузины, евреи, караимы, русскіе, цыгане, нѣмцы... и каждый народъ специализировался въ своей національной торговлѣ. И такъ-же городъ. Онъ раздѣленъ на нѣсколько частей, живущихъ своей обособленной жизнью.

Центръ города таковъ, какъ всѣ южно-русскіе провинціальныя города. Дворянское Собраніе на Екатерининской улицѣ, обсаженной бѣлой акаціей, соборъ, магазины, бульваръ, гдѣ по вечерамъ собирается симферопольское общество и гдѣ играетъ оркестръ мѣстнаго полка, особняки помѣщиковъ, губернаторскій домъ, замкнутый и холодный.

Нѣмцы-колонисты, переселившіеся въ Крымъ изъ подъ Ганновера, изъ Баваріи, по зову Екатерины II, — давно обжились и разбогатѣли на черноземныхъ поляхъ сѣвера Таврической губерніи, вошли въ мѣстную земскую и общественную жизнь и слились съ русскимъ населеніемъ, такъ-же какъ евреи, армяне, караимы; но не то цыгане и татары.

Цыгане живутъ обособленно, въ предмѣстьѣ Симферополя, въ Цыганской Слободкѣ. Это таинственное племя, повидимому, родомъ изъ Индіи, долго бродило по Египту во времена фараоновъ, — почему и получило названіе фараоново племени, — перекочевало обратно въ Азію, въ Персію, гдѣ, соединившись съ Батыевыми полчищами, вошли въ Европу и расселились въ ней, повсемѣстно кочуя.

Въ Крыму они поселились первоначально у Бахчисарая, въ пещерныхъ горахъ, — кто только не жилъ тамъ! — а затѣмъ, большею частью въ Симферополѣ. Въ 1867 г. ихъ было въ Крыму около пяти тысячъ человѣкъ.

«Они барышничаютъ лошадьми торгуютъ курами и яйцами, скупая ихъ по деревнямъ, дѣлаютъ рѣшета изъ телячьей кожи, корзины и разныя плетушки; прекрасныя лудильщики, кузнецы и музыканты, прежде составлявшіе оркестръ при ханскомъ дворѣ, а теперь играющіе на всѣхъ деревенскихъ свадьбахъ татаръ и русскихъ, и на всяческихъ народныхъ праздникахъ. Живутъ они обособленно, не дружатъ съ семьями другихъ народовъ, не перенимаютъ чужихъ обычаевъ. Они равнодушны къ жизненнымъ удобствамъ. Принявъ въ Крыму магометанство, они не ходятъ въ мечеть, не учатъ своихъ дѣтей религіи. Татары говорятъ о нихъ: — «На свѣтѣ есть 72 съ половиной различныхъ религій; семьдесятъ двѣ принадлежатъ разнымъ народамъ, а половинка — цыганамъ».

«Цыгане никогда ни на кого не жалуются, не отказываются ни отъ какой работы, отъ которой отказался бы гордый татаринъ, и напротивъ, благодарны каждому дающему имъ заработокъ.

«Прекрасный семьянинъ, никогда не расстающійся со своей семьей, онъ не ревнуетъ свою жену, любя ее, и невзыскателенъ къ поведенію своихъ дочерей»*).

Любя свободу и не мысля своего существованія безъ нея, они послушны начальству той страны, въ которой жи-

*) Кондараки. Крымскіе Очерки.

вуть, вѣчно кочуя по бѣлу свѣту. Они невзыскательны къ пищѣ и къ одеждѣ и, кажется, вообще къ благамъ міра сего; выдерживаютъ и холодъ и голодъ, и въ концѣ концовъ, живутъ очень долго.

Татары, бывшіе владѣльцы Крыма и составляющіе 82% всего деревенскаго населенія, полностью сохранили свое національное, самобытное лицо. Не считая нѣсколькихъ мурзъ и беевъ*) наѣзжавшихъ изъ своихъ старыхъ татарскихъ гнѣздъ горнаго Крыма на Дворянскія и Земскія Собранія, татары живутъ въ Симферополѣ своей обособленной жизнью, въ своемъ кварталѣ старой Акъ-Мечети.

Завладѣвъ Крымомъ, татары построили свою крѣпость Керменчикъ на мѣстѣ древняго скиѣскаго города Неаполисъ и около нея поселокъ Акъ-Мечеть, названный по мечети, впервые въ Крыму — выбѣленную известью. Эта старинная мечеть, разоренная русскими войсками въ 1736 году, все же сохранилась до нашего времени, такъ же, какъ и фонтанъ, впоследствии перестроенный. Узенькія пустынные улочки, съ каменными бѣлыми стѣнами по обѣимъ сторонамъ, за которыми скрыты отъ глазъ невѣрныхъ татарскія семьи, ведутъ къ старой Акъ-Мечети. Улицы ослѣпительно бѣлы подъ лучами южнаго солнца; иногда звенитъ засовъ маленькой калитки въ стѣнѣ, и татарка, укутанная съ ногъ до головы въ бѣлый халатъ, выходитъ къ сосѣдкѣ, стуча деревянными каблукками.

Въ ханскія времена, вблизи этой мечети, окруженный бѣлыми минаретами, липами, орѣхами и зелеными тополями, стоялъ дворецъ Калги-хана, наслѣдника Бахчисарайскаго престола**).

Около дворца, между двумя липами, стояла висѣлица, а передъ окнами — трапеція со всякими приспособленія-

*) Мурза — дворянинъ, бей — князь.

**) Бахчисарайскій ханскій престолъ наслѣдовалъ старшій въ роду Гиреевъ, а не сынъ хана.

ми для акробатовъ, на фокусы которыхъ и танцы баядерокъ любилъ смотрѣть изъ окна своего дворца Калга-ханъ.

Кондараки въ своей интересной книгѣ рассказываетъ, какъ въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, онъ встрѣтилъ столѣтнюю татарку, отлично помнившую жизнь послѣдняго Калги-хана въ Акъ-Мечети. Старуха даже работала нѣкоторое время въ его дворцѣ.

По ея словамъ, послѣдній Калга-ханъ былъ кротокъ, любилъ музыку, любилъ слушать рассказы о старинѣ, о похоженіяхъ древнихъ героевъ и о несчастныхъ любовникахъ, какъ напримѣръ, Ашикъ-Керимъ, Чера-батырь, и др. Десять сказочниковъ жили постоянно при его дворцѣ, пользовались большимъ почетомъ и получали богатые подарки отъ своего господина.

Старуха татарка рассказывала далѣе, что Калга-ханъ былъ ужасный врагъ распутныхъ женщинъ, такъ-же какъ и послѣдній ханъ Шагинъ-Гирей. Будь то жена бей, мурзы, или простого мусульманина, онъ отправлялъ ее обыкновенно на корабль въ Египетъ или Константинополь и промѣнивалъ тамъ на рисовое зерно.

По вторникамъ Калга-ханъ выѣзжалъ со своею свитой въ одинъ изъ многочисленныхъ своихъ загородныхъ дворцовъ на охоту съ соколами, а по четвергамъ съ борзыми на зайцевъ. Въ пятницу, послѣ вечерней молитвы въ своей Акъ-Мечети, онъ приглашалъ присутствовавшихъ къ себѣ во дворецъ и угощалъ ихъ роскошнымъ ужиномъ.

Дворецъ его былъ такъ прекрасенъ, по словамъ столѣтней старухи, что невозможно было пройти мимо, не полюбовавшись на него лишній разъ.

Было чудесное мартовское утро, когда намъ подали лошадей, запряженныхъ въ огромное почтовое ландо, чтобы ѣхать въ Ялту.

За ночь прошелъ дождь, и лошади съ подкрученными хвостами, весело фыркая, бѣжали по мокрому шоссе, чавкая копытами по лужицамъ жидкой грязи. Темно-лиловые

рванья облака неслись мимо встававшаго солнца, и южный вѣтеръ приятно обвѣвалъ лицо.

Мы ѣхали по откосу горы вдоль Салгира, единственной рѣчки Крыма, впадающей въ Азовское море.

Лѣтомъ, она мѣстами пересыхала частью отъ засухи, частью разбиралась на поливку фруктовыхъ садовъ, безпрерывно тянувшихся вдоль по рѣчкѣ, вплоть до отроговъ Чатырь-Дага, отдѣляющаго Сѣверный Крымъ отъ южнаго его берега.

Правильными рядами, въ шахматномъ порядкѣ, черные стволы яблонь и группъ четко выдѣлялись на желтовато-изумрудной весенней травѣ.

Направо отъ дороги высилась скала испещренная криптами первобытныхъ доисторическихъ обитателей Крыма. Надъ ними на верхнемъ плато скалы, — слѣды древняго тавро-скиѣскаго города, Неаполиса.

Далѣе, въ котловинѣ, среди зеленой заросли, сѣрбли куполообразныя развалины монетнаго двора Калги-хана.

Налѣво, въ долину Салгира — дворецъ, гдѣ жилъ извѣстный натуралистъ ХУШ в. — академикъ Палласъ. Онъ служилъ впослѣдствіи лѣтней резиденціей намѣстнику Новороссійскаго края, гр. Воронцову, а затѣмъ — школой садоводства Министерства Земледѣлія.

Въ глубинѣ большого луга, смотрѣлъ на дорогу своими огромными окнами, съ колоннами, этотъ Екатерининскій дворецъ съ монументальной каменной террасой. — Внутри, громадный залъ-библіотека, прекрасные книжные шкафы краснаго дерева съ бронзой, потолки разрисованные художественными античными фресками, разноцвѣтный штучный паркетъ — маркетри ХУШ в., стеклянныя масляныя люстры и амфилада огромныхъ комнатъ съ палисандровой мебелью, онъ сохранилъ до нашего времени весь ароматъ стараго благороднаго стиля.

А далѣе, опять зеленые сады съ уютными усадьбами, а передъ подъемомъ въ буковой лѣсъ, покрывающій склоны Чатырь-Дага, опять сѣрлыя развалины массивныхъ

стѣнь съ венеціанскими амбразурами оконъ и готической колоннадой, заросшія плющемъ и разной зарослью, на фонѣ которой такъ художественно вырисовывались эти загадочныя развалины давно отжившаго дворца.

И недалеко оттуда, въ урочищѣ Гурлюкъ, еще остатки стѣны, построенной Имп. Юстиніаномъ въ VI в. по Р. Хр., для защиты южнаго берега Готіи отъ сѣверныхъ кочевниковъ.

Къ вечеру, переѣхавъ Чатырь-Дагскій переваль, въ густотѣ лѣса дубовъ и буковъ, свѣтлые стволы которыхъ бѣлѣли, какъ колонны въ темномъ храмѣ, мы спустились на южный берегъ къ Алуштинской долини.

При спускѣ — фонтанъ, гдѣ мы поили лошадей, фонтанъ Кутузова, съ высокимъ тополемъ и надписью: — «Близъ сего мѣста въ сраженіи противъ турокъ, Михаилъ Илларионовичъ Кутузовъ, что послѣ былъ фельдмаршаломъ и княземъ Смоленскимъ, раненъ въ глазъ». Сраженіе произошло въ 1784 году, здѣсь, въ десяти верстахъ отъ Алушты, уже послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, когда отрядъ турокъ, не зная, или не желая знать о немъ, высадился въ Алуштѣ и внезапно напалъ на Кутузова.

Мы крутились по спуску, то приближаясь, то удаляясь отъ привѣтливыхъ огоньковъ мерцающихъ внизу въ Алуштѣ и, наконецъ, въѣзжаемъ въ нее въ чернотѣ поздняго вечера, и я впервые, въ волненіи, услышала шелестящій и призывный, могучій и властный шумъ моря.

Я видѣлъ море, я измѣрилъ
Очами жадными его,
И въ силу духа моего,
Передъ лицомъ его, повѣрилъ.

Полежаевъ.

Море огромное, голубое, блестяло передо мной, и голова кружилась отъ восторга, когда я утромъ вышла на

балконъ гостиницы, висѣвшій надъ моремъ. А вдали, Су-даксія горы, фантастическія и воздушныя, какъ облака.

На столѣ стоялъ букетъ розъ, какихъ нѣтъ на сѣверѣ, восхитительныхъ, елейный запахъ ихъ, смѣшанный съ лимоннымъ запахомъ моря, запечатлѣлся на долгіе годы...

Мой фэтонъ, плетеная коляска подъ зонтикомъ-балдахиномъ, легко катился по чудесному Крымскому шоссе.

Внизу, при каждомъ поворотѣ, новая изумрудная бухточка съ темнымъ паркомъ чьей нибудь бѣлой дачи, или курорта. А вправо — Яйла, съ сосновымъ лѣсомъ и серебряными скалами. По шоссе, то и дѣло, встрѣчаются уютныя татарскія деревни съ бѣлыми минаретами, темными кипарисами, голубымъ дымкомъ надъ плоскими крышами сакль, съ розовыми цвѣтущими персиками и миндалями — все ласкаетъ взоръ и манитъ къ себѣ путника.

И море — море, заполняющее весь горизонтъ Южнаго берега и омывающее эти древніе берега, вплоть до такихъ-же древнихъ береговъ Малой Азіи.

И глядя на эти, слѣдующіе одинъ за другимъ, зеленые мысы: Кастель, Паргенитъ, Аю-Дагъ, Гурзуфъ съ развалинами греческихъ и генуэзскихъ крѣпостей, вспоминаются слова Гильома Рубруквиса, монаха, посланнаго въ 1253 году изъ Сиріи Людовикомъ Святымъ къ Крымскому хану Менгу-Темиру. — «Есть большіе мысы», — писалъ онъ, — «на этомъ морѣ, начиная отъ Корсуни, до устьевъ Танаиса (Тамани), и около 40 замковъ между Херсонесомъ и Солдаей». «И еще больше древнихъ крѣпостей и храмовъ».

Тогда казалось, что эти татарскія гнѣзда и русскія бѣлыя дачи, и курорты, — заняли, опустошенное исторіей, чужое мѣсто.

Къ вечеру, я пріѣхала въ Ялту и осталась жить въ Крыму, съ краткими перерывами на всѣ двадцать лѣтъ моей дальнѣйшей жизни.

Особенно много жила я въ Байдарской долинь, ко-
зайничала тамъ, иногда въ полномъ одиночествѣ, окру-
женная татарскимъ и греческимъ населеніемъ, въ тѣсномъ
сотрудничествѣ съ нимъ.

БАЙДАРСКАЯ ДОЛИНА И ТАТАРЫ.

Байдарская долина, прославленная своими уютными чаирами, Черной рѣчкой съ изумрудными бережками и веселыми мельницами, садами и мягкими очертаніями окружающихъ горъ, дѣлится небольшимъ озеромъ на двое.

Это озеро заросло тростникомъ, съ журавлями и дичью, и множествомъ пѣвокъ, которыя Байдарскіе цирюльники употребляли для медицинскихъ надобностей; у татаръ, какъ и у многихъ другихъ народовъ, цирюльники совмѣщали свое парикмахерское мастерство съ медициной.

По одну сторону озера лежитъ Ялтинское шоссе, съ большой деревней Байдары, съ прекрасной земской полиціей и школой, почтой, сельской полиціей, — однимъ словомъ, столица Байдарской долины. Здѣсь жилъ и земскій гласный татаринъ, важный, всегда аккуратно одѣтый въ черный суконный татарскій костюмъ, въ барашковой шапочкѣ, вышитой золотомъ, съ серебряной цѣпочкой на груди. Онъ цѣлые дни сидѣлъ на террасѣ своей излюбленной кофейни, милостиво принималъ привѣтствія татаръ и привычнымъ взглядомъ слѣдилъ за проѣзжавшими колясками, а потомъ, автомобилями, безпрерывной вереницей везшихъ съ сѣвера на южный берегъ Крыма больныхъ и здоровыхъ, ищущихъ солнца и тепла, людей.

Россія такъ огромна и такъ нуждается въ тепломъ маленькомъ Крыму!

По другую сторону озера, въ глубинѣ долины, въ

своихъ горныхъ гнѣздахъ, съ вѣковѣчнымъ неизмѣннымъ укладомъ жизни, расположились татарскія и греческія поселенія.

Центромъ Байдарской долины въ древнія времена, доисторическія и эллинскія, была деревушка Скеле, лежащая у истоковъ Черной рѣчки. Имя свое она получила отъ греческаго слова «Скала» — лѣстница*). Отъ нея шла съ незапамятныхъ временъ дорога внутрь Яйдинскихъ горъ, с-переваломъ на южный берегъ циклопической постройки въ ущельи огромныхъ скалъ.

Въ Байдарской долинѣ все по-крымски: одна культура смѣняла другую, одни народы уходили, и приходили новые, оставляя послѣ себя вѣчные слѣды. Такъ, при вѣздѣ въ деревню Скеле, въ зеленомъ огородѣ грека, стоятъ и по сіе время двѣ большія каменные бабы-истуканы доисторическихъ народовъ, и тутъ же, въ оградѣ греческой церкви — долмены, раскопки которыхъ производилъ Эрмитажъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Вся деревня была окружена стѣной съ двумя башнями византийскихъ временъ**). Дѣды помнили деревню богатой, обширной и цвѣтущей. Теперь, это — маленькое греческое селеніе, съ греческимъ священникомъ, церковью, мечетью съ мулой и муэдзиномъ для 5-6 татарскихъ дворовъ, съ земской школой, гдѣ училось 40 дѣтей грековъ, русскихъ и двухъ-трехъ татаръ. Деревня удивительно красива, — по своему уютному положенію при входѣ въ ущелье, утопаетъ въ огромныхъ грецкихъ орѣхахъ, подъ однимъ изъ которыхъ Екатерина II принимала въ своемъ шатрѣ привѣтствія мѣстнаго населенія.

Въ маленькую татарскую деревню Бага, у подножія Яйлы, со студенымъ ручейкомъ, о которомъ татары гово-

*) Эта лѣстница необычайная, по древней постройкѣ и красотѣ вида, — по прозванію Чортова, или Шайтанъ-Мердвень, была единственной дорогой, соединявшей Сѣверный Крымъ съ его южнымъ берегомъ.

**) Во второй половинѣ прошлаго вѣка, Кондараки еще видѣлъ фундаменты этихъ башенъ.

рять: — «такой сладкой воды, какъ въ Бага, нигдѣ нема», — съ чашей грецкихъ орѣховъ, гдѣ даже въ жару было прохладно, я любила приходиться по вечерамъ, послѣ лѣтнаго трудового дня.

Тамъ, на балконѣ, у журчащаго ручейка, моя милая Айшѣ угощала меня кофеемъ съ розовымъ вареньемъ. На пригоркѣ, сбоку, луна освѣщала позолоченныя розы на могильныхъ плитахъ татарскаго кладбища, и щелканье соловья прерывало нашу тихую бесѣду.

А далѣе, на плоскогорьѣ, раскинулась большая, сравнительно богатая деревня Уркуста, окруженная чаирами и небольшими пахотными полями. Въ центрѣ деревни стоитъ бѣлая высокая каменная стѣна, окружавшая со всѣхъ сторонъ домъ, гаремъ, абрикосовый садъ съ прудомъ, богатаго мѣстнаго аги. Недалеко отсюда «озись» въ зеленой лошинѣ — могила мѣстнаго святого. На могильномъ камнѣ надпись: «Да озаритъ Богъ ложе его свѣтомъ своимъ». На вѣточкахъ деревьевъ, у могилы, висятъ разныя кусочки матеріи. — Это больные, отрывая ихъ отъ своего платья и вѣшая тутъ, вѣрятъ въ свое исцѣленіе. Подъ могильнымъ камнемъ спитъ нищій-святой мусульманинъ. Онъ всю жизнь просилъ подаяніе и всѣ свои деньги отдавалъ дѣтямъ на ихъ забавы и сласти.

Всю котловину Байдарской долины, лучшія 14.500 десятинъ кн. Потемкинъ взялъ себѣ, оставивъ девяти татарскимъ и греческимъ деревнямъ долины всего 6.000 худшей горной земли.

Отъ кн. Потемкина, эта земля перешла къ гр. Мордвиновымъ, съ которыми тяжба изъ за земли продолжалась у татаръ послѣднія 50 лѣтъ.

Это обезземеливаніе и періодичныя голодовки заставляли татаръ переселяться въ Турцію, бѣгство иногда принимало массовый характеръ, несмотря на то, что Турція не давала возможности хорошо устроиться у себя своимъ единовѣрцамъ.

Конечно, татары не могли забыть, что эти поля и лѣ-

са сотни лѣтъ принадлежали имъ, и никто никогда не оспаривалъ это у нихъ.

И вдругъ пришли русскіе и заняли всѣ лучшія мѣста! Несмотря на то, что Екатерина II освободила татаръ отъ всякихъ податей, земельные беспорядки начались сразу-же, послѣ присоединенія Крыма къ Россіи, по свѣдѣтельству Де Рейи*).

И нужно все миролюбіе и лояльность крымскаго татарина, чтобы съ теченіемъ времени, въ душѣ его улеглись чувства обиды и нанесенной ему несправедливости.

Татары красивы, съ правильными чертами лица, черными бровями, свѣтлымъ цвѣтомъ кожи. Крымскій горный татаринъ болѣе турокъ, чѣмъ монголь, недаромъ, и нарѣчіе его ближе къ турецкому нежели къ ногайскому.

Не говоря уже о южно-бережныхъ татарахъ. Это по большей части омусульманившійся грекъ, генуэзецъ, готъ; это типичные итальянцы или греки. Много среди нихъ голубоглазыхъ и свѣтловолосыхъ, такъ крѣпко засѣла въ нихъ нѣмецко-готская кровь.

Этимъ и объясняются названія многихъ мѣстъ на южномъ берегу, переведенныя съ греческаго, или итальянскаго языка на татарскій. Ай (святой) Тодоръ, Ай Василь, Ай Петри, Ай Даниль, и т. д. — Всѣ народы населявшіе одинъ за другимъ Крымъ влили много крови въ крымскаго татарина.

Татаринъ прекрасный семьянинъ. Къ женщинѣ и къ своей женѣ онъ относится съ уваженіемъ, цѣнитъ ее, хотя, можетъ быть, въ ихъ отношеніяхъ и нѣтъ той ласковости, которая встрѣчается иногда въ русскомъ народѣ.

Никогда я не видала драки въ татарской семьѣ, никогда родители не бьютъ дѣтей.

Несмотря на то, что разводъ простъ, что ни женщинѣ, ни мужчинѣ не ставятъ въ упрекъ число брачныхъ сою-

*) De Reuilly. Voyage en Crimée. — 1803 годъ.

зовъ, татаринъ рѣдко разводится, хотя стоитъ ему сказать имаму, что онъ или она не хотятъ болѣе называть себя мужемъ и женой — и разводъ совершенъ.

И все же, по словамъ одного татарина, «разводъ — гнусная прихоть невѣжественныхъ людей: недаромъ, въ Алькоранѣ сказано: Мужчина прелюбодѣй долженъ жениться на женщинѣ прелюбодѣйкѣ; безстыдные жены и мужья созданы для безстыдныхъ женъ и мужей. Гл. XXIII».

Всѣ магометане, перейдя средній возрастъ — женатые люди. Никогда юношѣ не придеть въ голову ухаживать за замужней женщиной, развратъ чуждъ ему, поэтому женатый татаринъ не ревнивъ и не допускаетъ мысли объ ухаживаніи за своей женой.

Жена свободна употреблять свое время въ отсутствіи мужа, какъ ей захочется. Часто встрѣчаешь по Крымскому шоссе мажары, наполненныя одними татарками въ яркихъ цвѣтистыхъ шаляхъ, вѣдушихъ въ гости въ далекую деревню.

Татары очень любятъ дѣтей. Мать осыпаетъ ласками новорожденное дитя, отецъ любитъ его развитіемъ и ростомъ, ходитъ въ лавочку за бубликами и конфетами для него.

Никогда не увидишь даже въ бѣдной семьѣ ребенка, одѣтаго въ отцовскую шапку, сапоги, платокъ матери, какъ это бываетъ въ русскихъ деревняхъ. На татарскомъ ребенкѣ всегда его собственная одежда; дѣтскіе чуваки, штанишки, кафтанчикъ, фартучекъ, рубашечка, фесочка.

Въ 6 лѣтъ, отецъ отводитъ сына къ муэдзину, для обученія. Въ школѣ, дома, въ кругу родныхъ, ребенокъ слышитъ славословіе Бога и пророка его.

Дѣти ходятъ въ школу, какъ въ церковь смиренные и серьезные, такіе непохожіе на шаловливыхъ школьниковъ европейскихъ странъ.

Такъ проводитъ татаринъ, обыкновенно, въ спокойномъ состояніи души и поэтому счастливо, свою жизнь.

ПЕРВЫЕ ХАНЫ ВЪ САЛХАТЪ

Какъ непохожъ горный и степной Крымъ на его южный берегъ географически, такъ различна исторія этихъ частей Крыма и народовъ ихъ населявшихъ.

Въ то время какъ древній Херсонесъ и Пантикапея (Керчь) блистали своей античной культурой а генуэзскія крѣпости города Кафа и Сугдайя*) роскошью и богатствомъ своей торговли, горный Крымъ съ его пещерными городами Чуфуть-Калѣ, Мангупъ-Калѣ и другими, а также степной Крымъ, были убѣжищемъ кочевниковъ и народовъ, шедшихъ съ сѣвера въ Тавриду.

Готы, гонимые гуннами, хозары, печенѣги, половцы — все побывали тутъ, пока пришедшіе монголо-татары не основались прочно на землѣ античной Тавриды.

Монголы и татары, объединенные общей религіей, общимъ государемъ, не похожи другъ на друга ни по внѣшности, ни по характеру и манерѣ жить.

Въ 1155 году, въ Китайскомъ Туркестанѣ, появился знаменитый Чингизъ-ханъ, покорившій и объединившій многіе народы и племена азіатскія подъ своею властью. Его внукъ Батый, разгромилъ Персію и присоединивъ къ своимъ войскамъ побѣжденных имъ персидскихъ татаръ, погналъ ихъ впереди своего войска на Русь, гдѣ въ битвѣ при р. Калкѣ разбилъ русскихъ славянъ, обложилъ ихъ данью, опустошилъ Польскія, Венгерскія, Болгарскія, Молдавскія, Валахскія земли, Крымъ и Кавказъ, — вернулся къ берегамъ Волги, основавъ здѣсь «Золотую Орду».

Послѣ его смерти, «Золота Орда» распалась и при раздѣлѣ, Кипчакскому хану Менгу-Темиру досталось Крымское ханство. Эти татары попавшіе въ Крымъ въ XIII вѣкѣ, смѣшались съ ранѣе бывшими здѣсь народностями, отчего и получился типъ крымскаго татарина,

ничего не имѣющаго общаго ни съ казанскимъ татаринкомъ, ни съ монголами-ногайцами, осѣвшими въ пустынныхъ южно-русскихъ степяхъ сѣвернаго Крыма.

«Ногайское населеніе», — говоритъ В. Д. Смирновъ въ своемъ трудѣ о Крымскомъ Ханствѣ, — «считавшееся въ Крымскомъ подданствѣ, никогда не питало тяготѣнія къ главному центру Крымскаго Ханства и смотрѣло на бродячую жизнь, какъ на средство сохраненія своей независимости отъ какой бы то ни было государственной власти».

Ногайцы были типичные монголы съ узкимъ разрѣзомъ глазъ, — ширококостные и широкоскулые, съ отсутствіемъ бороды и усовъ. Они оставались кочевниками до XIX столѣтія, жили въ войлочныхъ юртахъ, которыя представляли въ рядъ своей деревни. Юфдяя жизнь крымскихъ татаръ, ихъ города, мечети, фонтаны — все это было чуждо монголамъ, тогда какъ татары никогда въ Крыму не вели кочевого образа жизни.

И по характеру своему ногайцы не похожи на татаръ: они угрюмы въ своей семьѣ, никогда не ласкаютъ своихъ дѣтей. Они не находчивы въ словахъ, молчаливы, любятъ одиночество и степи, чѣмъ и объясняется то, что Батый, покоривъ прекраснѣйшія страны, вернулся и обосновался въ пустынныхъ южно-русскихъ степяхъ.

Впослѣдствіи ногайцы научились у татаръ земледѣлію, садоводству, мирному сожительству съ сосѣдями, но все-же своей внѣшней и духовной облику они сохранили до сего времени. Я знала одного ногайца въ Байдарской долинѣ. Онъ былъ зажиточенъ, занимался табаководствомъ и барышничалъ лошадьми. И мѣстное населеніе отличало его, «ногайца», отъ мѣстныхъ татаръ. Онъ удивительно сохранилъ свои національныя черты, какъ по внѣшности, такъ и по характеру. Это тоже былъ угрюмый, суровый въ своей семьѣ, молчаливый и непонятный человѣкъ.

Екатерина II поручила графу де Мезону — фран-

*) Феодосія и Судакъ.

дузскому эмигранту на русской службѣ — перевести ногайцевъ на осѣдлый образъ жизни. Графъ основалъ на сѣверѣ Таврическаго полуострова городъ Ногайскъ, существующій и понынѣ, и вѣроятно, хоть отчасти, достигъ цѣли, такъ какъ академикъ Палласъ, приглашенный въ Крымъ императрицей, пишетъ, что ногайцы начинаютъ строить постоянные дома и деревни.

(Самъ графъ де Мезонъ поселился въ своемъ имѣніи у теперешней желѣзнодорожной станціи Алма).

Когда хану Менгу-Темиру досталось по раздѣлу земель, завоеванныхъ Батыемъ, Крымское ханство, онъ основалъ свою столицу въ Салхатѣ, теперешнемъ Старомъ Крыму, по сосѣдству съ тогдашней Кафой, Карасубазаромъ и Судакомъ.

Остались его первыя чеканныя монеты 1266 года и преданіе о томъ, какъ въ первыя времена занятія Крыма, Менгу-Темиръ-ханъ садился по утрамъ въ арбу и объѣзжалъ въ степь окружающую Салхатъ; объѣзжалъ свои новыя владѣнія и смотрѣлъ — все ли справедливо и правильно устроено...

И въ позднѣйшія ханскія времена, народъ продолжалъ творить легенды о своихъ ханахъ, надѣвавшихъ одѣяніе пилигрима или нищаго и въ такомъ видѣ ходившихъ въ народъ, дабы узнать истинную нужду населенія.

Кордельерскій монахъ Рубруквисъ, будучи въ Салхатѣ, писалъ о тамошнемъ чудесномъ ханскомъ мраморномъ дворцѣ, съ золочеными украшеніями и многочисленными фонтанами. Онъ писалъ также о томъ, что Сугдайя и Кафа платили дань Батыю.

Конечно, при завоеваніи Крыма, съ оружіемъ въ рукахъ, монголо-татары были настроены первые годы воинственно и разбойно, и только впоследствии Крымское ханство обрѣло свой тихій земледѣльческій обликъ.

При покореніи Крыма татарами, весь южный берегъ его былъ занятъ греками, готами, генуэзцами и, отчасти, венеціанцами.

Богатая генуэзская колонія Сугдайя, или Солдайя, была разгромлена Мамаемъ, тѣмъ самымъ, что дрался съ Димитріемъ Донскимъ на Куликовомъ полѣ въ 1380 году. — По преданію, между Салхатомъ и Кафой былъ погребень Мамай, убитый генуэзцами, заманившими его въ Кафу и убившими по дорогѣ, въ отместку за его разбойный набѣгъ на ихъ богатую колонию.

Впрочемъ, богатую Солдайю грабили и татары, и русскіе, пока, въ 1365 году, между татарами и генуэзцами не былъ заключенъ договоръ, по которому Солдайя, вмѣстѣ съ 18-тью окружавшими ее селеніями, перешла во власть генуэзцевъ, а въ 1387 году, по послѣдующему договору, генуэзцамъ перешель во власть весь южный берегъ Крыма, входившій въ составъ Готіи, или, какъ тогда говорили, Готейской епархіи, бывшей подъ протекторатомъ Византии.

Столкнувшись съ блестящей культурой генуэзцевъ, татары, конечно, не могли не подпасть подъ ея вліяніе, насколько имъ это позволяла различная религія и ихъ болѣе низкая степень развитія.

Беи, мирзы и простые татары скоро начали предпочитать генуэзскіе суды своимъ и ѣздили изъ Солхата судиться въ Кафу. Многіе ханы строили себѣ въ этомъ городѣ роскошные дворцы и бани, гдѣ предавались необузданнымъ излишествамъ.

Соприкосновеніе примитивнаго народа съ высококультурными генуэзцами не всегда и не во всемъ было на пользу татарамъ, которые не въ состояніи были взять отъ этой культуры ея духовное богатство, но за то съ жадностью набросились на ея расточительную роскошь и свободные нравы.

Занявъ сѣверный и горный Крымъ, татары не заселяли южнаго берега, ханы не строили тамъ своихъ двор-

цовъ. Имъ чужды были морская торговля и море — эта невиданная стихія въ степяхъ Средней Азіи, — со скалами южнаго берега и неудобной для земледѣлія землей, съ отсутствіемъ степныхъ пространствъ, уютныхъ долинъ.

Поэтому, обложивъ данью генуэзцевъ, грековъ и готовъ, и предоставивъ имъ полную свободу въ развитіи ихъ богатыхъ приморскихъ колоній, татары направились въ Бахчисарай, а Старый Крымъ — Салхатъ, можетъ быть, давшій названіе всему матеріку, превратился въ маленькій городокъ съ великолѣпнымъ ханскимъ дворцомъ, куда ханы изрѣдка наѣзжали и о которомъ французскій ориенталистъ Дегинъ писалъ въ ХУШ вѣкѣ: — «Чарующій городъ, съ чистыми домиками на фонѣ зелени садовъ, со множествомъ старинныхъ развалинъ...

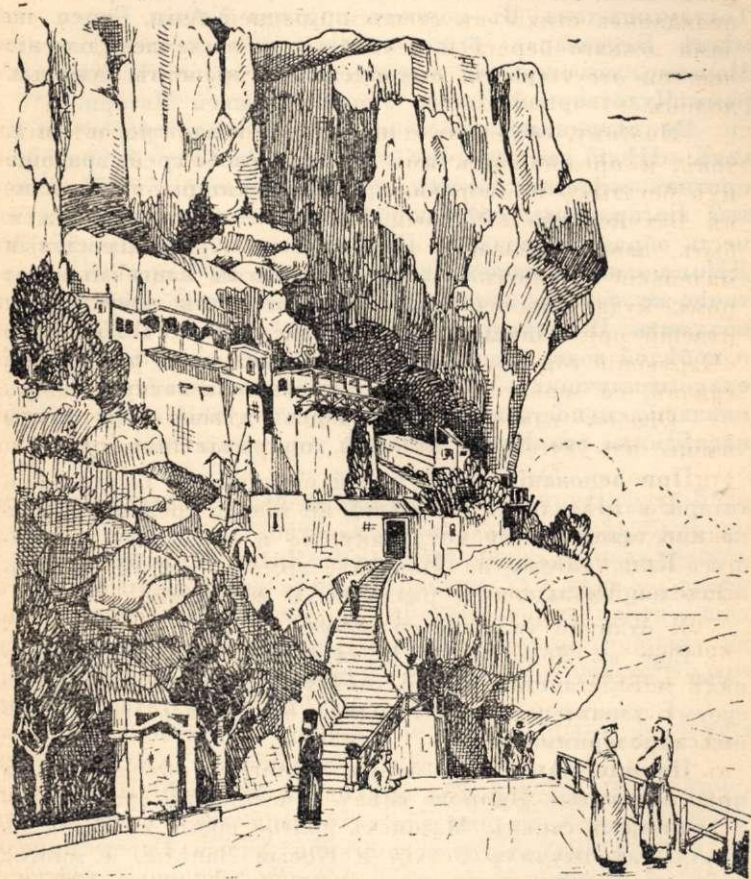
Особой славой пользовались здѣшнія цвѣточныя ванны изъ луговыхъ цвѣтовъ, покрывавшихъ окрестности города...»^{*)}).

Въ 1433 году, Хаджи-Гирей былъ возведенъ крымскими беями и мирзами въ ханство.

При поддержкѣ Польши и Литвы, онъ отвоевалъ у Золотой Орды свою независимость и перевелъ свою столицу изъ Салхата въ Бахчисарай. Съ этого времени, крымскіе ханы стали избираться исключительно изъ семьи Гиреевъ, и власть ихъ стала наследственной.

Бахчисарай такъ подходилъ ко вкусу татаръ своимъ мѣстоположеніемъ, съ источниками чистой воды, скрытый въ ложбинѣ отъ вѣтровъ, въ заманчивой уютиности старыхъ садовъ, грецкихъ орѣховъ и тополей. И цвѣтушія стени кругомъ, годныя для хлѣбопашества и пчеловодства.

И, кромѣ этого, несомнѣнно Хаджи Гирей привлекали недоступныя по тому времени пещерныя крѣпости Мангупъ-Калэ и Чуфуть-Калэ, окружавшіе Бахчисарай. Въ началѣ XIV вѣка, татарскіе ханы нѣкоторое время

Успенскій монастырь подлѣ Бахчисарая.

^{*)} Desguines. Histoire des Huns, Mongols et Tatares. (1756 г.).

жили въ Чуфуть-Калэ, гдѣ остался памятникъ дочери Тохтамыш-хана. Въ моментъ прихода Хаджи Гирей, на мѣстѣ Бахчисарая было небольшое греческое селеніе Марьяно, со старымъ, вырубленнымъ въ горѣ монастыремъ Чудотворной Иконы Успенія Божьей Матери.

Въ лѣтописяхъ этого монастыря говорится о томъ, какъ: «Нѣкій ханъ крымскій именемъ Али-Гирей, воююще противъ супостатъ своихъ, просилъ помощи отъ Пресвятыя Богородицы, обѣщаяще знаменитое приношеніе и честь образу ея воздати. Прекрасному образу Пресвятыя Дѣвы молились паче-же генуэзцы, иже въ Кафѣ жили; не точию-же сіи, но и татарове велію почестъ тому образу воздають. И воряще тако: Егда бо откуда съ корыстью и побѣдой возвращашеся, тогда избравъ коня, или двухъ, елико наилучшихъ, продаваше и накупивши воску и свѣщъ сдѣлавша и поставивше тамо черезъ цѣлый годъ, еже и наслѣдники его Крымскіе ханы многожды творяху».

При основаніи своей новой столицы — Бахчисарая, татары встрѣтили на его мѣстѣ не только грековъ, издавна населявшихъ эту котловину, но и караимовъ на Чуфуть-Калэ, готовъ на Монгулѣ, армянъ, людей различныхъ національностей, различныхъ вѣрованій...

И отлично ужились со всѣми.

Еще въ Золотой Ордѣ, татарскій ханъ Берке приналя магометанство, но по свойству своей религіи, и по своему характеру, татары всегда отличались чрезвычайной вѣротерпимостью.

Прежде чѣмъ дать новую религію, объединившую подъ знаменемъ Пророка всѣхъ кочевниковъ аравійскихъ и азіатскихъ странъ, Магометъ долгое время пробылъ въ Сиріи, гдѣ изучилъ Ветхій и Новый Заветы, и многое взялъ оттуда.

— «Мы вѣруемъ въ святія книги, которыя Моисей, Иисусъ, и другіе пророки получили съ неба»... — писалъ онъ.

Пещерную гору Чуфуть-Калэ*), стоящую подлѣ Бахчисарая, населяли хозары тюркского племени, которые появились въ Тавридѣ въ 679 году и оставались въ ней въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Тогда полуостровъ носилъ имя Хозаріи. Въ своей крѣпости на Чуфуть-Калэ, одно время жилъ ихъ каганъ (царь), глава обширнаго хозарскаго государства, простиравшагося на сѣверѣ отъ Волги до Днѣпра.

Часть хозарь приняла христіанство и ушла въ Венгрію, часть была обращена въ іудейство, вмѣстѣ съ караимами миссіонеромъ Исаакомъ Сунгари и слилась съ ними, оставшись въ Тавридѣ**).

Извѣстный археологъ, караимъ Фирковичъ на основаніи найденнаго имъ древняго свитка Торы (пятикнижія)***) полагаетъ, что караимы появились въ Крыму, въ IV-мъ вѣкѣ по Р. Х.

На мѣстномъ древнемъ кладбищѣ въ Чуфуть-Калэ, названномъ Исафатовой Долиной, гдѣ мечтали быть похороненнымъ всякій караимъ, Фирковичъ нашелъ могильныя плиты съ іудейскими надписями VIII вѣка — времени Хозарскаго Царства, — древній гробъ, почти ушедшій въ землю, съ датой VI вѣка, а также гробницу караимскаго раввина Исаака Сунгари, обратившаго хозарь въ VIII вѣкѣ въ іудейство.

На этомъ-же кладбищѣ покоится прахъ и самого Фирковича, столь чтимаго караимами.

При присоединеніи Крыма къ Россіи, генераль-губернаторъ Новороссійскаго Края, гр. М. С. Воронцовъ, обратился къ Фирковичу съ вопросами о происхожденіи караимовъ, о времени ихъ прихода въ Крымъ, и сохра-

*) Чуфуть-Калэ, по татарски: еврейская крѣпость.

**) Хозары столкнулись на сѣверѣ съ русскими славянами при Олегѣ, Святославъ разбилъ и разсѣялъ ихъ, а на югѣ, въ Тавридѣ, ихъ тѣснили печенѣги, которымъ одно время Таврія платила дань.

***) Приобрѣтенной у него Имп. Публичной Библиотекой.

нились-ли у нихъ историческіе документы по этому поводу, и, наконецъ, когда и по какой причинѣ они отдѣлились отъ раввинистовъ — евреевъ?

Фирковичъ отвѣчалъ, что исповѣдуемое караимами вѣроученіе ведетъ свое происхожденіе изъ древнихъ временъ, и они, кромѣ писаннаго Моисеемъ Закона, не признаютъ никакихъ комментарий (Талмуда).

Что Вавилонское плѣненіе и религіозныя несогласія обособили караимовъ отъ евреевъ.

Что предки ихъ, увведенные изъ Палестины въ плѣнъ Ассирійскимъ царемъ Салманассаромъ, двигаясь черезъ Персію на Кавказъ, добрались до Тавріи, гдѣ застрѣвали всѣ народы*) и гдѣ застряли и они.

Что онъ, Фирковичъ, предполагаетъ, что теперешніе караимы суть остатокъ сплава отъ слиянія ветхозавѣтныхъ караимовъ съ хозарами. Караимы, легко сближаясь съ окружающими народами, приняли татарскій языкъ въ своемъ семейномъ обиходѣ и стали такіе-же страстные любители садоводства, какъ и татары **).

*) Готы, Куманы, Аланы, Скиѣны, Сарматы, Хозары, Печенѣги, Половцы, Татары.

**) «Однажды, у подножія Чуфуть-Калѣ, на виноградникѣ, рабочий караимъ убилъ своего хозяина. Его судили при ханскомъ дворѣ и приговорили къ смертной казни. Телаль-глашатай бѣгалъ по всѣмъ улицамъ Бахчисарая, предлагалъ большую сумму денегъ тому, кто возьмется привести въ исполненіе приговоръ. Но на это дѣло никого не нашлось въ Бахчисараѣ... Судьи-татары, желая спасти несчастнаго, обратили его въ магометанство и говорили хану, что магометанинъ, по турецкому закону, не можетъ быть выданъ на казнь иновѣрующимъ.

Максудъ-Гирей-ханъ сказалъ: — «Я-бы выдалъ караимамъ моего собственнаго брата, если бы онъ былъ виновенъ. Пусть Провидѣніе награждаетъ новообращеннаго, если только онъ искрененъ въ своемъ обращеніи, я-же долженъ быть на стражѣ закона».

И караимы побили камнями несчастнаго, согласно закону Ветхаго Завѣта, не проливая крови въ субботу. «Ужасная смерть закончила эту тягостную исторію» — заканчиваетъ свой рассказъ баронъ де Тоттъ, французскій посоль при Бахчисарайскомъ Дворѣ, въ царствованіе Людовика XVI-го.

И въ ханскія времена, и въ послѣдующій Россійскій Императорскій періодъ, караимы пользовались особыми привилегіями и благосклонностью обоихъ правительствъ.

Ханы давали ярлыки Караимской Общинѣ въ Чуфуть-Калѣ, ограждая ея обычаи, нравы и земельную собственность отъ своихъ беевъ и отъ грековъ.

Ханская грамота дана купцу караиму Самуилу, который «будучи среди сыновъ своего рода мужемъ почтеннымъ, опытнымъ, честнымъ и способнымъ къ исполненію возложенныхъ на него порученій... а по сему, Я соизволилъ назначить его Управляющимъ Моего государственнаго Монетнаго Двора».

По Высочайшему повелѣнію, дана грамота Таврическому ген.-губернатору Зубову, объ оказаніи, по возможности, — «многихъ выгодъ и облегченій» караимамъ. А по ходатайству Фирковича, въ 1863 году, послѣдовало полное уравненіе правъ караимовъ съ русскимъ населеніемъ.

Въ 1783-мъ году, во время перехода Крыма къ Россіи, въ Чуфуть-Калѣ осталось всего 70 караимскихъ семействъ, такъ какъ послѣ открытія порто-франко въ Теодосіи, караимы массами стали переселяться туда, бросивъ Чуфуть-Калѣ и возвращаясь, въ Иосафатову Долину, для погребенія.

Въ XIV вѣкѣ, литовскій великій князь, Витовтъ, разграбивъ Крымъ, перевелъ въ Литву, вмѣстѣ съ горстью крымскихъ татаръ и караимовъ, поселивъ ихъ въ городѣ Троки Виленской губерніи, гдѣ это смѣшанное населеніе существуетъ и по сію пору. Въ 1833 году, караимскій раввинъ, Султанскій, передавалъ академику Кеппену, что остались три старца, переселившіеся изъ Монгуца въ Бахчисарай и Евпаторію. Они слышали отъ своихъ предковъ, что караимы переселились въ Крымъ вмѣстѣ съ татарами изъ Персіи, Бухаріи и Черкесіи.

Поселившись въ Чуфуть-Калѣ и въ сосѣдней готской столицѣ, на Мангупѣ, караимы, кромѣ занятій земледѣ-

лиемъ и садоводствомъ дубили кожу. Подъ стѣнами старинной крѣпости, еще замѣтны бассейны съ ключевой водой, въ которой они мочили кожу. Палласъ видѣлъ на Монгулѣ кенасу и дома караимскихъ кожевниковъ, прославившихъ Бахчисарай своими кожевенными издѣліями.

ГОТЫ.

Нигдѣ въ Европѣ нѣтъ такихъ пещерныхъ горъ, пещерныхъ городовъ и крѣпостей, какъ въ Крыму. Эти пещеры естественныя и вырытыя въ мягкихъ мѣловыхъ горахъ Инкермана, Мангуль-Калэ, Тепе-Кермень, Черкезъ-Кермень*), и другихъ, глубочайшей древности.

Недаромъ Гомеръ говорилъ, что древнѣйшіе обитатели нашей планеты, троглодиты-диклопы, жили въ горныхъ пещерахъ.

Внизу, у подошвы горы, пещеры служили убѣжищемъ скоту, повыше — человѣку, съ высѣченными въ нихъ лежанками, очагомъ, водохранилищемъ, соединенныя между собой внутренними каменными лѣстницами на много этажей.

Въ пещерахъ жили, умирали, строили храмы и укрѣпленія. Въ пещерныхъ городахъ, люди долинъ укрывались во время набѣговъ кочевниковъ; онѣ же стали пріютомъ первыхъ христіанъ.

Обиліе лѣсовъ, ключей, мягкой климатъ и легкость устройства жилища должны были привлекать въ эти пещерныя горы всякіе народы, начиная съ доисторическаго человѣка. — Разные народы, совершенно намъ неизвѣстные, не оставившіе послѣ себя никакого слѣда, по очереди, вѣроятно, обитали тутъ.

Эти горы, начиная отъ Инкермана у Севастопольской

*) Пещеры Черкезъ-Кермена были заняты въ XV-мъ вѣкѣ черкесами, пришедшими съ Кавказа.

бухты, тянутся цѣпью на сѣверо-востокъ, служа великолѣпной естественной крѣпостной стѣной противъ народовъ, двигавшихся черезъ Перекопъ въ Крымъ, защищая горную часть Крыма и ея приморскія колоніи. Почти всѣ онѣ — «столовыя горы», съ гладкой ровной поверхностью, около 2000 футовъ высоты.

Ихъ каменные, обрывистыя и недоступныя стѣны, какъ природныя баціоны, выдвинутыя впередъ, представляютъ замѣчательныя естественныя крѣпости, съ которыхъ можно обстрѣливать необозримыя пространства.

Съ вершины Мангула видны всѣ пути въ складкахъ Таврическихъ горъ, и видъ оттуда на горныя зеленыя долины, прорѣзанныя серебристыми рѣчками, на далекое море, на вершины Яйлы, — изумителенъ.

Недаромъ европейскій путешественникъ и сотрудникъ Палласа, Кларкъ, восклицаетъ передъ открывшейся передъ его глазами панорамой съ Мангула: «Ничто, въ какой бы то ни было части Европы, не превосходитъ ужасной величественности этого мѣста».

Самые значительныя слѣды изъ всѣхъ народовъ, населявшихъ Мангуль, оставили послѣ себя готы, основавшіе свое княжество наверху этой горы, со столицей «Теодоро».

Разсѣянные по всему южному берегу Крыма, готы сохранили только тутъ свое маленькое княжество, называемое «Дори», съ прилегающею къ Мангулу горной частью, — разрушенное турками въ XV-мъ вѣкѣ.

Ни гунны, ни печенѣги, ни половцы не беспокоили готовъ въ ихъ горной столицѣ.

До сихъ поръ, въ ближайшихъ горахъ отъ Мангула, существуетъ горная татарская деревня Ай-Тодоръ, принадлежавшая готскому княжеству и омусульманившаяся, какъ это видно по названію, во время владычества турокъ въ Крыму. Раскопки на мѣстномъ старинномъ кладбищѣ могли бы дать интересный археологическій матеріалъ.

Готы германскаго племени появились въ Крыму въ III-мъ вѣкѣ по Р. Х.

Они спустились на югъ изъ Прибалтійскихъ странъ, дошли до Крыма и подъ натискомъ гунновъ*), маленькая горсточка ихъ ушла въ таврическіе пещерные города, а оттуда распространилась по всему побережью Тавріи, носившему въ международныхъ трактатахъ среднихъ вѣковъ имя Готіи.

Византійскій писатель VI вѣка, Прокопій, градоначальникъ Царьграда, обстоятельно описываетъ Готію своего времени.

«Есть тамъ, на морскомъ побережьи, — пишетъ онъ, — страна, называемая «Дори». Въ ней издавна живутъ Готы, которые не были увлечены Теодорикомъ въ Италію и добровольно остались здѣсь, и еще при мнѣ продолжаютъ быть союзниками римлянъ**)...»

Самая область Дори лежитъ высоко въ горахъ, между Чембало (Балаклавой) и Судакомъ. Страна не дика и сурова, напротивъ, пріятна и богата прекрасными плодами.

Въ этой странѣ Императоръ (Юстиніанъ) нигдѣ не строилъ городовъ, потому что тамошніе жители (готы) не терпятъ, чтобы ихъ запирали въ стѣнахъ, но болѣе всего любятъ жить въ поляхъ. Только въ тѣхъ пунктахъ, которые казались легко доступными непріятелю, онъ заградилъ входы длинными стѣнами и освободилъ готовъ отъ опасностей нашествія дикихъ народовъ.»

По описанію Прокопія, готы были такіе-же прекрасные хлѣбороды, какъ и воины и отличались довѣрчивостью ко всему иностранному.

*) Гунны — тюркскаго племени, перешли Донъ въ 370 году, громя все на пути. Небольшая ихъ часть попала въ Таврію и, разгромивъ Босфорское царство, осѣла не надолго въ Феодосіи, гдѣ ихъ царь Горда принялъ христіанство. Остальные гунны ушли въ Западную Европу.

**) Столица римлянъ была тогда уже Византія.

Прокопій считаетъ, что въ его время готовъ въ Тавридѣ было 3000.

Готы прожили въ Крыму болѣе тысячи лѣтъ, почти долѣе всѣхъ народовъ, населявшихъ Крымъ, и не оставили послѣ себя въ памяти окружавшихъ ихъ народовъ своего національнаго лица: ни пѣсенъ, ни легендъ, и только нѣсколько бѣдныхъ готскихъ кладбищъ напоминаютъ о нихъ. Ихъ архитектурные памятники на Мангулѣ, Инкерманѣ, въ Гурзуфѣ, и прочихъ мѣстахъ, носятъ чисто греческій византійскій характеръ.

Эта бѣдность оставленнаго ими историческаго наслѣдства, отсутствіе вліянія на окружавшіе ихъ народы объясняется отчасти тѣмъ, что готы очень скоро, въ теченіе перваго-же вѣка своего поселенія въ Крыму, потеряли свой національный обликъ.

Чувствуя свое безсиліе передъ нашествіемъ варваровъ, они скоро отдались подъ покровительство могущественной тогда Византіи, тѣсно сжились съ ней духовно, навѣки связавъ свою судьбу съ нею. Они приняли греческую вѣру и письменность, забыли свой родной нѣмецкій языкъ, и переселенные Екатериной въ Приазовскія степи, вмѣстѣ съ потомками древнихъ грековъ, эти высокіе, бѣлокурые и голубоглазые тевтоны искренно считали себя греками, даже не подозрѣвая своего нѣмецкаго происхожденія.

Въ XV-мъ вѣкѣ, турки разгромили Константинополь, а потомъ и Крымъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Готское Мангупское княжество, переставшее существовать.

Тѣсными и хозарами, и татарами, и генуэзцами, готы должны были довольствоваться своимъ маленькимъ Мангупскимъ княжествомъ — мѣстопребываніемъ готскихъ князей и готскаго архіепископа.

Готская, или готѣйская епархія, раздѣленная на Босфорскую, Сугдейскую и, собственно, готскую, съ IV-го вѣка подчиненная Византіи, просуществовала 1000 лѣтъ, вплоть до завоеванія Крыма Екатериной и присоединенія ея готской епархіи къ російской церкви.

Однимъ изъ первыхъ готскихъ архіепископовъ былъ Унила, возведенный въ санъ Византійскимъ патріархомъ, знаменитымъ Іоанномъ Златоустомъ. Самыми извѣстными готскими епископами были блаженный Стефанъ Сурожскій и Іоаннъ Готскій (Партенитскій).

Оба жили въ VIII-мъ вѣкѣ, оба были ревностные распространители христіанства среди окружавшихъ ихъ язычниковъ, оба вели упорную борьбу съ осаждавшими Готію хозарами*), оба пріѣхали изъ Византіи, гдѣ претерпѣли гоненія отъ иконоборцевъ.

Въ VIII-мъ вѣкѣ пріѣхала делегація изъ Сурожа (Судака) въ Константинополь къ патріарху Гермогену съ просьбой поставитъ имъ новаго епископа.

— «Въ городѣ нашемъ, — говорили сурожане, — мало христіанъ, а множество поганыхъ еретиковъ**), весьма злыхъ».

Въ «Житіяхъ святыхъ» о блаженномъ Стефанѣ Сурожскомъ говорится, какъ онъ съ исключительнымъ успѣхомъ насаждалъ христіанство.

«Множество людей въ градѣ и по мѣстамъ тѣмъ, ови отъ нихъ жряху капищемъ, а другіе, инако, не вѣдуще коему быся подобало Богу молити и кланитися. Слышавше же люди поганіи о блаженномъ Стефаніи, яко чудеса творить дивныя и вѣроваша въ Господь и крестисася безчисленно и постави имъ множество пресвитеръ и діаконовъ***).

Преподобный Іоаннъ Партенитскій, память котораго Православная Церковь чтитъ 26-го іюня, былъ заключенъ въ Византіи иконоборцами въ темницу, а затѣмъ препода-

валъ Законъ Божій царицѣ Иринѣ въ царствованіе имп. Льва и Константина Копронима. Онъ родился и умеръ въ Партенитѣ и построилъ храмъ подѣ Аю-Дагомъ у рѣчки Партенитъ; фундаментъ его существуетъ и теперь, съ пышной, въ византійскомъ вкусѣ, надписью: «Всечестный и божественный храмъ святыхъ, славныхъ, всевольныхъ и первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла, построенъ отъ основанія въ древнее время иже во святыхъ отцомъ нашимъ и архіепископомъ города Θεодоро (Мангуль) и всей Готіи Іоанномъ проповѣдникомъ».

«Нынѣ-же возобновленъ въ настоящемъ его видѣ преосвященнѣйшимъ митрополитомъ города Θεодоро и всей Готіи владыкой Даміаномъ въ сей лѣто 6930 въ 6-ой индикціонъ, мѣсяца сентября въ десятый день».

Полъ въ церкви мозаичный, мраморный у алтаря, капитель съ мраморными колоннами...

А рядомъ, на вершинѣ Аю-Дага, въ античныя времена стоялъ Храмъ Діаны. И его мраморную колону, упавшую въ море, буря выбросила 30 лѣтъ тому назадъ на пляжъ въ имѣніе моего знакомаго.

Юстиніанъ Великій особенно покровительствовалъ овизантійствовавшимся готамъ. Онъ защитилъ всѣ плодородныя долины Бельбека, Качи, Салгира крѣпостями и стѣнами и всѣ горныя проходы южнаго берега, каждый заливчикъ замкомъ, — такъ что Рубруквисъ, говоря о 40 замкахъ, защищавшихъ Готію, былъ точенъ въ своемъ описаніи южнаго берега, а пришедшіе генуэзцы воспользовались готовыми крѣпостями, расширили ихъ въ Судака, Θεодосіи и Балаклавѣ, украсивъ ихъ генуэзскими гербами и эмблемами*). Рубруквисъ пишетъ, что въ XIII-мъ

*) Прокопій записалъ всѣ укрѣпленія, построенныя Юстиніаномъ Великимъ. «Возстановивъ укрѣпленія Босфора и Херсонеса, онъ построилъ замокъ въ Гурзобитѣ (Гурзуфѣ) и Алустонѣ (Алушта) и огородилъ большими стѣнами Готеовъ отъ набѣговъ».

*) Въ IX вѣкѣ готы уже освобождены отъ власти хозаръ.

**) «Поганыхъ» — въ смыслѣ: языческихъ, Паганиззмъ — язычество.

***). Въ отдохновеніе отъ мірскихъ дѣлъ, еп. Стефанъ удалялся въ горы лѣсныя надъ Судакомъ, въ свой скитъ (теперешній Кизилташскій монастырь), гдѣ и былъ убитъ язычниками. Его тѣло было похоронено въ Сурожскомъ Храмѣ св. Софіи.

вѣкъ онъ все еще встрѣчалъ готовъ, удержавшихъ свой нѣмецкій родной языкъ.

Въ XIII-мъ вѣкѣ, пришедшіе татары подчинили себѣ готовъ, какъ и весь Крымъ, но не притѣсняли ихъ ни въ ихъ греческой вѣрѣ, ни въ ихъ родномъ нѣмецкомъ языкѣ, и только приходъ турокъ уничтожилъ послѣдніе остатки готскаго княжества на Мангупѣ.

Въ прошломъ вѣкѣ, старикъ-грекъ, священникъ, можетъ быть, по крови тоже готъ, рассказывалъ, что во время осады турками Крыма, въ Мангупѣ жили два послѣдніе «греческіе» князя: дѣдъ и внукъ, владѣтели готскаго княжества.

Баронъ Бюзбекъ, посоль императора Фердинанда въ Константинополь въ 1562-мъ году разговаривалъ на нѣмецкомъ діалектѣ съ депутатами Татаріи, которыхъ прислали изъ Тавриды, вѣроятно, какъ образованныхъ людей, послы въ Константинополь.

— «Готы — записалъ этотъ нѣмецкій посоль — по манерамъ и рѣчамъ, чистый грекъ».

«Татарскій царекъ беретъ съ нихъ 800 человекъ въ свое войско. Главный городъ у нихъ Мангупъ».

Баронъ Бюзбекъ записалъ много готскихъ словъ, сохранившихъ нѣмецкіе корни*).

Въ XVI-мъ вѣкѣ, Мартинъ Броневскій, посоль Стефана Баторія при Бахчисарайскомъ дворѣ, видѣлъ еще въ Мангупѣ Акрополь, красивыя мраморныя ворота съ греческой надписью, и высокой каменный дворецъ готскихъ князей.

— «Въ Мангупѣ было два замка, драгоценныя греческіе храмы и зданія, много ручейковъ, свѣжихъ и чистыхъ, бьютъ изъ скалы»...

Всѣ эти остатки когда-то цвѣтущаго города, послѣ

*) Баронъ де Бай (De Baye), написавшій изслѣдованіе о готахъ, говоритъ, что раскопки готскихъ могилъ въ Крыму дали: «серьги, поясныя застежки, точъ въ точъ такія-же, какъ найдены во франко-меровингскихъ могилахъ».

разгрома Турціей, пришли въ запусѣніе и забвеніе. Татарскіе ханы превратили дворецъ въ тюрьму-каземать, заложивъ окна камнями, оставивъ маленькія отверстія для свѣта.

Здѣсь были заключены крымскимъ ханомъ — московскій посоль Іоанна Грознаго, Афанасій Нагой съ товарищами, и черезъ пять лѣтъ — любимецъ царя, Василій Грязной*), захваченный татарами въ плѣнъ. До этого, русскій царь Іоаннъ III посылалъ своего посла Беклемишева къ готскому царю Исайкѣ, узнать, богаты ли онъ, и сколько онъ, Исайка, дастъ тысячъ золотыхъ въ приданое за свою дочь, если русскій царь возьметъ ее въ жены своему сыну?**) .

Извѣстны въ Крыму Готскія поселенія, какъ на примѣръ, Біюкъ-Сюрень***) и Кучукъ-Сюрень, старыя готскія пенелица, носившія ранѣе нѣмецкое названіе («Schuren»).

Сестренкевичъ****) пишетъ, что видѣлъ нѣсколько семействъ готовъ въ Мангупѣ: «бѣдныхъ, одинокихъ, нѣкъмъ незнаемыхъ... Вотъ все, что осталось сейчасъ отъ этой націи, которая прошла всю Европу!» — восклицаетъ онъ.

Русскому писателю 70-хъ годовъ, Евгенію Маркову, посчастливилось найти одинъ изъ рѣдкихъ памятниковъ готской жизни въ Крыму. — Проѣзжая татарскую деревню Біа-Сала, на рѣкѣ Кача, въ горной части Крыма, онъ

*) Въ рукописной Бархатной книгѣ (гл. 36) сказано: «Во дни В. К. Дмитрія Донскаго (между 1362—1389 гг.), прибылъ въ Россію князь Стефанъ Васильевичъ изъ своей вотчины изъ Судака, да изъ Мангуна, да изъ Кафы. Отъ его сына Григорія Ховры пошелъ родъ Ховриныхъ и Головиныхъ, а отъ нихъ Грязныхъ».

**) Въ замѣчательномъ литературномъ памятникѣ XII вѣка. «Слово о Полку Игоревѣ», упоминается «о красивыхъ готскихъ дѣвушкахъ, которыя на брезѣ сиваго моря поютъ, бряцающія русскимъ златомъ».

***) Біюкъ — по татарски, «большой», кучукъ — «малый».

****) Сестренковичъ: «Исторія Тавриды». 1800 г.

нашелъ на мѣстномъ старинномъ кладбищѣ каменные гробницы готовъ, съ двурогими и однорогими украшеніями. На крышкахъ гробницъ были высѣчены эмблемы языческія и христіанскія, очевидно, очень древняго происхожденія.

На вопросъ у мѣстнаго русскаго старожила — «Какое это кладбище? Греческое?» — получилъ отвѣтъ: — «Нѣтъ, старики наши сказываютъ, что слышали отъ грековъ, будто бы это готейское кладбище... Сказываютъ, готѣа какая-то прежде грека тутъ находилась»...

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО.

Крымское ханство было такимъ-же феодальнымъ государствомъ, какъ и Западно-Европейскія; обнимая огромное пространство Крыма, Кубани, части Черкесіи и отъ Таганрога до Молдавіи, отдѣляя Россію этой линіей отъ Чернаго моря, — оно было равно по количеству своего населенія современной ей Франціи времени Людовика XVI-го.

Власть хановъ была ограничена «Диваномъ» — родомъ государственнаго совѣта и сената, состоявшимъ изъ пяти представителей именитѣйшихъ татарскихъ княжескихъ родовъ*) и представителей мурзь-дворянъ; они, совместно съ министрами выбирали хановъ, рѣшали всѣ судебныя, законодательныя и военныя дѣла страны.

Владѣя огромными помѣстьями, эти князья-бей представляли собою вассальныхъ князей со своимъ независимымъ управленіемъ, своими печатами, гербами. «Ханы не имѣли права нарушать привилегіи дворянства» — пишетъ де-Пейссонель въ своей интересной книгѣ: «Замѣтки о гражданскомъ, политическомъ и военномъ положеніи Малой Татаріи» (изд. 1755 г.). «Татарскіе бей и

Татары время Крымскаго ханства.

мурзы», — пишетъ онъ, — «воспитанные въ благородномъ достоинствѣ, живутъ въ своихъ помѣстьяхъ, принимая у себя со всей восточной вѣжливостью иностранцевъ, проѣзжающихъ по ихъ землямъ. Всѣ земли, такъ же какъ въ феодальной Франціи, раздѣлены на вотчины принадлежащія дворянству, чиновникамъ, вакуфу и поселянамъ».

Каждый бей получалъ отъ хана ярлыкъ на княженіе, гдѣ указывались его обязанности по отношенію къ государству и населенію живущему на его землѣ.

Поселяне, жившіе на земляхъ беевъ и мурзь*) не были крѣпостными, хотя должны были отбывать барщину своему помѣщику и военную повинность.

*) Мурзь-дворянъ было около 200, и они владѣли также большими имѣніями.

*) Ширинъ, Мансуръ, Седжугъ, Аргинъ и Барунъ.

У ногайцевъ не было и барщины. Они платили 1/10 часть своихъ доходовъ губернатору своей провинціи.

Такъ-же какъ и наше російское дворянство, мурзы считали для себя унижительнымъ всякое другое занятіе, кромѣ военного. — «Если бы мурза сталъ заниматься какими нибудь коммерческими дѣлами, онъ навсегда потерялъ бы уваженіе» — говорить де Пейссонель.

Послѣ мурзъ шелъ чиновный міръ — аги, челеби и духовенство съ муфтіемъ во главѣ.

Купечество, какъ вообще на Востокѣ, — пользовалось всеобщимъ уваженіемъ.

Ремесленники дѣлились на цехи *), у которыхъ были свои кофейни для собраній; они слѣдили за добросовѣстностью своихъ членовъ. Производство въ мастера сопровождалось торжествомъ, называсомъ Реваномъ. Послѣдній Реванъ былъ въ 1827-мъ году.

Въ Бахчисараѣ выдѣлывалось замѣчательное холодное оружіе: кинжалы, сабли, луки и стрѣлы, не хуже дамасскихъ, кованые изъ истоптанныхъ подковъ; шагреневая кожа, обувь, мѣдная посуда, барабаны, рѣшета, сбруя, все, чѣмъ издавна славился Бахчисарай.

Духовенство пользовалось большимъ вліяніемъ въ странѣ: на его содержаніе, а также на его благотворительныя учрежденія татары отдавали одну десятую часть своихъ доходовъ.

На эти «вакуфныя» деньги **) содержались не только мечети, пріюты для нищихъ, калѣкъ, вдовъ и сиротъ, но и школы-медрессе. Особенно былъ извѣстенъ пріютъ для юродивыхъ и калѣкъ въ Карасубазарѣ.

Татары очень внимательны къ больнымъ и дѣтямъ. По закону, обученіе дѣтей отъ 6-15 лѣтъ обязательно, поэтому въ самой маленькой деревушкѣ есть медрессе.

Бахчисарай славился своими медрессе, наставниками

*) Родъ Магдебургскаго права.

**) Болѣе 100.000 десятинъ принадлежали вакуфамъ.

молодежи, которая отличалась учтивостью, изысканностью нарядовъ, краснорѣчіемъ*).

Много денегъ шло на дороги и фонтаны.

Почта въ Татаріи даровая. Ханъ оплачиваетъ ее изъ своихъ средствъ, но на почтовыхъ лошадяхъ развѣзжаютъ только съ разрѣшенія хана. При послѣднемъ ханѣ Шагинъ-Гирей, Суворовъ, при содѣйствіи хана, установилъ 16 почтовыхъ станцій, отъ Бахчисарая до Перекопа, для правильнаго почтоваго сообщенія съ Россіей.

Придя въ Крымъ въ то время, когда долины рѣкъ и даже степи — какъ на примѣръ, около Херсонеса, теперь безплодныя, — были покрыты садами и виноградниками, татары получили въ наслѣдство отъ древнихъ обитателей Крыма, любовь къ шелководству, пчеловодству, въ особенности къ садоводству, а впослѣдствіи и къ табаководству.

Бахчисарай, какъ и теперь, являлся центромъ плодородства, окруженный чудесными долинами рѣкъ: Качи, Бельбека, Алмы, Черной рѣчки.

Ханъ командовалъ 100.000 всадниками, Калга-ханъ — 60.000, Нурединъ-султанъ**) — 40.000.

Воины были вооружены саблями (позднѣе — ружьями), арканами, луками, а бей и мурзаки надѣвали шлемы, русскую кольчугу и персидскіе доспѣхи***).

Было много знаменъ, но главное, ханское шелковое знамя зеленого священнаго цвѣта съ краснымъ и бѣлымъ лошадинымъ хвостомъ. (Не отсюда-ли переняли хвосты и

*) Современные татары сохранили удивительную способность ризмованія и составленія пѣсенъ на разныя событія дня. Въ настоящее время появилась замѣчательная драматическая артистка изъ старинной татарской княжеской семьи.

**) Намѣстникъ хана.

***) Въ настоящую гражданскую войну, «бѣлые», роя окопы въ Перекопѣ, откопали такого татарскаго витязя въ шлемѣ и кольчугѣ.

опричники Иоанна Грозного, какъ многое другое было перенято русскими отъ татаръ и обратно?). Пѣхоты было мало, зато великолѣпна была конница на горбоносыхъ кабардинкахъ, сѣрыхъ арабскихъ, золотистыхъ карабахскихъ, и маленькихъ выносливыхъ байдарскихъ лошадахъ.

Послѣ побѣды, добычу дѣлили по строго разработанному плану. Ханъ получалъ 1/10 часть всего добра и лучшихъ плѣнницъ и плѣнниковъ, среди которыхъ особенно цѣнились прекрасныя черкешенки и малороссы.

Менгли-Гирей, извѣстный своими дружественными отношеніями съ русскимъ царемъ Иоанномъ III, обращаетъ особое вниманіе на образованіе: языкъ и философію арабовъ, изящную турецкую литературу и архитектуру, и татарскій литературный стиль полчаетъ всю прелесть арабско-Востока: — «Самая сладчайшая въ мірѣ вещь есть человѣческій языкъ»... «Сорви розу съ вѣтки, съ которой еще никто не рвалъ цвѣтовъ, розу, которой никто не нюхалъ запаха»... Школа въ Дерекѣ носитъ названіе «Goudje-Mearif» — «Цвѣтникъ Науки» и т. д.*).

Богадыръ Гирей-Ханъ» (1637) былъ типичнымъ представителемъ татарскаго «ренессанса». Легкомысленный, расточительный, онъ былъ большой любитель легкой литературы и юмористики. Нѣкоторые-же ханы были выдающіеся люди, особенно Гази-Гирей-Ханъ (1644), принимавшій участіе въ борьбѣ Богдана Хмѣльницкаго съ Польшей; онъ отличался самостоятельностью и независимостью отъ Турціи.

Справедливый, великодушный, отличный полководецъ и администраторъ, онъ получилъ прекрасное образованіе въ Персіи, бывшей тогда въ славѣ своими искусствами, и написалъ знаменитое стихотвореніе: «Роза и Соловей» (Гюльве-Бюль-бюль), переведенное Пушкинымъ и поло-

*) Поговорки: «Надъ умершимъ не поплачетъ и живымъ не улыбнется»; «Кто хочетъ быть счастливымъ, тотъ молится Богу и не противорѣчитъ чорту» и т. д.

женное на музыку Римскимъ-Корсаковымъ и Гречаниновымъ.

Утромъ, ханъ обыкновенно выѣзжалъ верхомъ на охоту или прогулку въ одинъ изъ своихъ загородныхъ дворцовъ, и по дорогѣ, бросалъ деньги дѣтямъ и нищимъ.

По возвращеніи, ханъ шелъ въ дворцовую мечеть, и каждый мусульманинъ могъ въ это время приблизиться къ нему съ прошеніемъ.

Послѣ молитвы, окруженный членами «Дивана», ханъ шелъ въ свой кабинетъ и занимался государственными дѣлами.

Въ столовой, обитой оранжевымъ сукномъ, съ видами Босфора и Стамбула, обѣдъ подавался на двухъ круглыхъ столахъ. Ханъ садился за свой столъ одинъ, если у него не гостить государь чужой страны, или родственникъ хана, «султанъ», почтенный годами.

За другимъ столомъ сидѣли члены семьи хана, министры, муфтій и послы, аккредитованные при ханскомъ дворѣ.

Во время обѣда, Гирей любилъ разговоры о жизни прежнихъ хановъ, о войнахъ, о чужихъ странахъ...

Послѣ обѣда, краткой молитвы, омовенія рукъ и полосканія рта, ханъ шелъ отдыхать на женскую половину, гдѣ никто не могъ уже болѣе его беспокоить.

Тамъ, въ комнатахъ съ рѣзными позолоченными стѣнами, со шифонными, турецкаго шелка обоями, съ журчащимъ фонтаномъ посреди мраморнаго бассейна, на диванахъ вдоль стѣнъ, ханы предавались семейнымъ удовольствіямъ: здѣсь рѣшались вопросы о воспитаніи дѣтей, о выдачѣ дочерей замужъ, совершались надъ дѣтьми религиозные обряды, прочитывались молитвы за здоровье ханской семьи. Куря кальянъ, ханъ любовался своими дѣтьми, какъ всякій татаринъ, и отдыхалъ, зачастую засыпая, т. к. большинство хановъ было почтеннаго возраста.

Своихъ сыновей ханъ отсылалъ для воспитанія или въ Черкессію, или въ Адрианополь, гдѣ для нихъ былъ

построенъ дворецъ, подъ названіемъ «Чингизъ-Сарай». Своихъ дочерей ханъ часто выдавалъ замужъ за князей Ширинскихъ, Мансуровыхъ, и др. Эти князья дорого платили за свое родство съ ханскимъ домомъ. Желаясь на принцессѣ, они теряли свою свободу и гаремъ, и должны были покорно искать склонности своей супруги.

Приданое принцессѣ было очень значительно: многія деревни принадлежали имъ и ханскимъ женамъ, являвшимся полными хозяйками въ своихъ имѣніяхъ.

Ханши занимались благотворительностью, хотя рѣдко выходили изъ сераля. Онѣ дружно жили между собой, были ласковы съ прислугой; ткали, вышивали шелками и золотомъ прелестныя ткани по рисункамъ, вывезеннымъ еще изъ Китая и Персіи; розы, стилизованныя въ китайскомъ вкусѣ, ковры и вышивки по персидскимъ мотивамъ 12-го вѣка и пр.

Но недолго жило независимой жизнью Крымское ханство. Въ 1475 году, турецкій султанъ Магометъ II-ой, желая захватить Крымъ и побережье Чернаго моря, высадилъ десантъ въ богатой Кафѣ, разгромилъ ее и Сугдаю и подчинилъ своей власти Татарію.

Первымъ крымскимъ ханомъ, ставшимъ вассаломъ Турціи былъ Менгли-Гирей. Онъ долженъ былъ выѣхать въ Стамбуль, чтобы получить ярлыкъ на Бахчисарайскій престолъ. Въ зданіи «Свѣтлаго Дивана», въ Стамбулѣ, въ присутствіи султана, Менгли-Гирей поклялся въ вѣрности Портѣ. Его облекли въ кафтанъ шитый золотомъ, надѣли чалму съ брилліантовымъ перомъ, опоясали саблей съ золотой ручкой, осыпанной брилліантами, надѣли на плечи колчанъ со стрѣлами и торжественно вывели на крыльцо. Подали коня, убраннаго драгоцѣнными камнями, и облеченный верховной властью надъ Татаріей, Менгли-Гирей поѣхалъ верхомъ въ отведенный ему дворецъ и черезъ нѣсколько дней вернулся черезъ Евпаторію обратно въ Крымъ.

Въ родномъ Бахчисараѣ Менгли-Гирей былъ принятъ враждебно: татары не хотѣли надъ собой господства чужой страны.

Но турки своей ловкой и умной политикой скоро расположили къ себѣ татаръ — своихъ единовѣрцевъ. Особенно способствовало этому сближенію турецкое духовенство.

Своей военной мощью Порта охраняла Крымское ханство съ сѣвера, возбуждая чувства преданности общей идеѣ ислама, а также татарскій патриотизмъ — столь необходимый для войны, особенно съ Россіей.

Порта благоволила къ народу, поощряла чувства независимости въ бегахъ, держала на жалованіи нѣкоторыхъ мурзъ, дабы они слѣдили, чтобы ханы не эксплуатировали населенія, и не стѣснялась смѣщать ихъ въ данныхъ случаяхъ.

Впервые, татары стали ѣздить массами черезъ Стамбуль въ Мекку; по дорогѣ, видѣли все великолѣпіе султанскаго дворца, мечетей Стамбула, и приобщались къ той турецкой культурѣ, которая имѣла такое вліяніе въ то время даже на западно-европейскую жизнь. Одежда турокъ, восточная роскошь турецкаго обихода, оружіе — оказывали вліяніе на художниковъ всѣхъ странъ.

Порта стала поставлять въ Крымъ своихъ ученыхъ муллъ, своихъ архитекторовъ, своихъ поэтовъ, сказочниковъ, — все, что сдѣлало связь Крыма съ Турціей родственной и крѣпкой, чему способствовали и общая религія, и общій языкъ.

Бахчисарай шумень: его кофейни полны народу. Садовладѣльцы и купцы совершаютъ здѣсь свои сдѣлки. Торговля оживлена; мастера сидятъ въ своихъ открытыхъ на улицу лавочкахъ-мастерскихъ и продаютъ все, чѣмъ славился Бахчисарай: мѣдную посуду, кинжалы и сабли, обувь, сбрую, коженныя издѣлія и барашковыя шапочки.

Вечеромъ муэдзины призываютъ съ высоты своихъ бѣлыхъ минаретовъ всѣхъ правовѣрныхъ мусульманъ къ молитвѣ.

Тогда закрываются лавочки, пустѣютъ кофейни и всѣ спѣшатъ къ фонтанамъ, совершить омовеніе и чистыми войти въ домъ Аллаха.

Броневскій, посоль Стефана Баторія при Бахчисарайскомъ Дворѣ въ 1578 году, оставилъ интересное описаніе Бахчисарая того времени. — «Въ лѣсахъ — писалъ онъ — много оленей, сернь, вепрей и медвѣдей; въ степяхъ верблюды, барашки съ чудесной смушкой, козы, изъ кожъ которыхъ вырабатывается знаменитый бахчисарайскій сафьянъ*).

Множество павлиновъ и лебедей въ садахъ съ фундуками, персиками и грушами четырнадцати сортовъ».

«Ханъ ихъ доступенъ каждому», — пишетъ далѣе Броневскій, — «но татары такъ тактичны, что никогда не манкируютъ ни хану, ни своимъ князьямъ. Они очень гостепріимны и неподобострастны, держатся съ достоинствомъ: народъ не угнетенъ. Юношество воспитывается быть щедрыми; училища ихъ многочисленны, дѣти хорошо одѣты, татарки прекрасныя рукодѣльницы и очень заботливы къ своей семьѣ».

Отецъ и мать не бьютъ дѣтей, а дѣти сразу переходятъ въ суровую возмужалость, минуя отроческую пору».

«Ханскій дворецъ древними татарскими государями великолѣпно украшенъ зданіями, мечетями, гробницами и банями».

Зимой въ этихъ баняхъ парились ханы и отдыхали, кура наргилѣ**), лакомьясь сластями и «Мусселесомъ» — варенымъ небродившимъ виномъ.

Въ бани приводились рабыни и баядерки, танцовавшія передъ своими повелителями.

*) Даже въ ХУІІІ в. въ лѣсахъ, въ окрестностяхъ Севастополя, еще охотились на оленей.

**) Кальянъ.

Бахчисарайскій дворецъ первоначально былъ построенъ въ китайскомъ вкусѣ «a la chinoise», какъ писалъ баронъ де Тоттъ.

Это и понятно, если вспомнить, что татары-монголы пришли изъ прикитайскихъ степей и кромѣ китайской и персидской другихъ культуръ не знали, какъ и не знали ни мавританскаго, ни турецкаго стиля.

«Отуреченіе» Крыма началось только съ 1475 года, когда турецкій султанъ Магомедъ ІІ, завоевавшій Крымъ, сдѣлалъ крымскаго хана своимъ вассаломъ.

Ханскій дворецъ горѣлъ много разъ, требовалъ починокъ и перестроекъ, и на его видоизмѣненія налагала печать соотвѣтствующая эпоха.

Въ расцвѣтъ могущества генуэзцевъ въ Крыму, ханъ Менгли-Гирей, восемь лѣтъ воспитывавшійся у нихъ въ Кафѣ (Феодосіи), расширилъ Бахчисарайскій дворецъ, при помощи итальянскаго архитектора — воздвигъ множество фонтановъ и началъ грандіозную постройку новаго дворца въ итальянскомъ вкусѣ, у подножія Чуфутъ-Калэ, но не окончилъ постройку, испугавшись огромной стоимости дворца.

Во время турецкаго владычества, положившаго конецъ и блестящей генуэзской культурѣ, и независимости Татаріи, дворецъ перестраивался на турецкій ладъ. Были построены впервые бани, кіоски и пр.

Ханы любили охоту, джигитовку юношей, войну, щедрость при своихъ пышныхъ выѣздахъ; они любили также журчанье фонтановъ, пѣніе соловьевъ и религію отцовъ своихъ.

У входа въ гаремъ, передъ стекляннмъ кіоскомъ съ журчащимъ фонтаномъ — надпись: «О, отворяющій двери! — отвори намъ наилучшую дверь!».

Изъ гарема женщины могли выходить только въ сады дворца и на Соколиную башню, съ высоты которой смотрѣли на уличную жизнь Бахчисарая и слушали городской шумъ.

Вымощенный разноцвѣтными плитами бассейнъ, въ которомъ купались невольницы, былъ окруженъ «нѣжными растениями».

Вьющийся виноградъ на каменныхъ столбахъ прикрывалъ его отъ солнца, и мраморныя скамьи стояли во кругъ него. Когда невольницы купались въ бассейнѣ, ханъ разсматривалъ ихъ станы изъ маленькой рѣшетчатой бѣсѣдки, прилѣпленной, какъ птичье гнѣздо, къ ханскимъ покоямъ въ верхнемъ этажѣ дворца.

Въ отдѣльномъ зданіи, въ небольшомъ дворѣ съ цвѣтникомъ, находится большой залъ «Дивана» — высшего административнаго управленія ханства и его канцелярія. Надъ кружевными дверями — надпись: «Двери Дивана сооружены Селяметъ-Гирей-ханомъ въ 1742 году».

Надъ заломъ «Дивана» — темная комната; у рѣшетчатого окна ханъ слушалъ тайкомъ пренія и постановленія Дивана, чтобы имѣть вѣрныя свѣдѣнія о дѣлахъ высшихъ сановниковъ государства.

«Les ministres et Divan veillent à la sûreté et contre les attentats du despotisme»*) — характеризуетъ дѣятельность Дивана бар. де Тоттъ.

Передъ Диваномъ, въ «фонтанной» комнатѣ, стояли два фонтана: «Золотой» («Магзугъ»), сооруженный ханомъ Капланъ-Гиреемъ, и знаменитый «Фонтанъ Слезъ».

Однажды, Капланъ-Гирею, стоявшему въ задумчивости въ этой комнатѣ, явился дервишъ и сказалъ: — «Покайся и запомни мои слова: будетъ война съ москвитями, и ты лишишься престола». Дервишъ исчезъ, а Капланъ-Гирей построилъ на этомъ мѣстѣ золоченый фонтанъ и пилъ воду только изъ него.

Предсказаніе дервиша исполнилось въ точности.

Другой — знаменитый «Фонтанъ Слезъ» — единственный въ своемъ родѣ — воспѣтый Пушкинымъ, по-

*) «Министры и Диванъ слѣдятъ за спокойствіемъ въ государствѣ и дѣлаютъ невозможнымъ проявленіе деспотизма».

крыть со всею тонкостью восточнаго вкуса легкими золочеными арабесками. На бѣлой мраморной доскѣ вырублены маленькія чашечки, изъ которыхъ одна въ другую, сверху внизъ, капаютъ чистыя капли воды, какъ слезы, производя грустные мелодичные звуки. На немъ надпись: «Лицо Бахчисарая расцвѣло при благодѣтельномъ одиночествѣ Крымъ-Гирея. О, Блистательный! Твоя твердая рука напоила страну! — Если существуетъ фонтанъ, подобный этому — пусть онъ появится. Дамаскъ, Багдадъ видѣли много чудесъ, но никогда не встрѣчали подобнаго фонтана 1676 годъ».

Преданіе рассказываетъ, какъ однажды Крымъ-Гирей-ханъ, обошедши свой гаремъ, потребовалъ евнуха и сказалъ ему: — «Нашъ цвѣтникъ завялъ настолько, что я не слышу въ немъ никакого запаха... Пора-бы тебѣ позаботиться доставить мнѣ лучшее изъ наслажденій. Я знаю, на Кавказѣ живетъ христіанскій народъ, женщины котораго ничѣмъ не хуже райскихъ гурій. Достань мнѣ одну изъ этихъ красавицъ».

Евнухъ преклонилъ колѣни передъ своимъ повелителемъ и созвалъ во дворъ джигитовъ. Они потребовали денегъ на издержки и, раздѣлившись на два отряда, поѣхали искать красавицъ для сераля. Одни — на Кавказъ, къ черкесамъ, другіе — къ польскимъ границамъ. Мѣсяцъ спустя, джигиты привезли двухъ прекрасныхъ дѣвицъ, схваченныхъ на дорогахъ. Одна — дочь польскаго князя, другая — царевна Грузіи.

Когда ханъ увидѣлъ польку, къ которымъ у него лежало сердце, онъ въ очарованіи, помѣстилъ ее отдѣльно, окруживъ всевозможной роскошью и назвалъ ее «Далира-бикечъ» (дѣвица).

Все, что хотѣла она — было закономъ для хана и дворцовыхъ служителей. Оставаясь христіанкой, она сохранила за собой всѣ свои привычки и свободу, не поддаваясь страстямъ хана. Истомленный любовью, обнимая однажды трепещущими руками ея восхитительный станъ,

Крымъ-Гирей сказалъ: — «Далира, ты принадлежишь къ неблагодарному племени: я сдѣлалъ для тебя все, что можетъ безумно влюбленный государь. Я забылъ изъ за тебя мое царство, дѣтей, и блага будущей жизни. Ты единственная женщина, съ которой я ласково говорилъ и передъ прихотью которой унижался. Но ты не хочешь быть моей отрадой... Насильно пользоваться твоими прелестями, при той любви, которой наполнена моя душа, я не могу. Довольно страданій! Чтобы сохранить прежнее спокойствіе, я рѣшилъ разстаться съ тобой: ты сегодня-же отправишься на родину, гдѣ, быть можетъ, тоскуетъ избранный тобой твой единовѣрецъ, другъ дѣтства... Богъ съ тобой, красавица».

Сказавъ это, ханъ отвернулся отъ нея и хотѣлъ уйти.

Полька опомнилась и съ распростертыми объятіями бросилась мгновенно къ уходящему владыкѣ.

Съ этого дня, между ханомъ и Далирой почти не было разлуки. Всѣ роптали на любовь хана къ гяуркѣ, и она готовилась принять исламъ, чтобы сдѣлаться женою его.

Но смерть сторожила ее: Далира умерла, и безутѣшный ханъ похоронилъ ее въ одномъ изъ дворовъ сераля, воздвигъ въ искупленіе ея грѣховъ зеленую мечеть, а передъ комнатою «Дивана» — Фонтанъ Слезъ.

Съ тѣхъ поръ лицо хана никогда не улыбалось, и единственнымъ его развлеченіемъ была война, гдѣ онъ искалъ смерти, чтобы соединиться съ той, которая доставляла ему райскія наслажденія.

ФРАНЦУЗСКІЙ ПОСОЛЬ ПРИ ХАНАХЪ МАКСУДЪ-ГИРЕЪ И КРЫМЪ-ГИРЕЪ.

До поздняго вечера горять желтые огоньки въ кофейняхъ и саляхъ Бахчисарая. Жители юга отдыхаютъ отъ дневного зноя въ прохладѣ тихихъ вечеровъ.

Особенно хорошо въ такія ночи въ Бахчисарайскомъ Дворцѣ. Луна сіяетъ на темно-синемъ небѣ и длинныя тѣни потемнѣвшихъ тополей лежатъ на свѣтломъ дворѣ и клумбахъ цвѣтовъ. Свѣтъ и тѣни прячутся и мерцаютъ въ кружевныхъ балконахъ дворца, манящаго таинственностью своей. Его минареты, тополя, фонтаны полны очарованія. Все говоритъ о неизъяснимой прелести существованія, а утомленный жизнью человѣкъ находитъ здѣсь душевную отраду, ибо все располагаетъ здѣсь къ мудрымъ и поэтическимъ мыслямъ.

Такъ восхитительна эта красота, казалось воплотившая все, что было прекраснаго въ душѣ магометанина.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ 1766 года, у калитки сада съ бѣлымъ домикомъ, остановилась коляска-дормезъ, и изъ нея вышли нѣсколько человѣкъ одѣтыхъ по-европейски.

Домъ принадлежалъ французскому консулу Форнетти, прожившаго десять лѣтъ въ Бахчисараѣ и возвращавшагося во Францію, чтобы уступить мѣсто барону де Тотту, посланному Шуазелемъ.

Политика герцога де Шуазель стремилась «réduire la Russie dans ses justes bornes», — такъ какъ правительства Швеціи, Даніи, Пруссіи и Англии, по его словамъ, были «attachés au char de Catherine II»*).

— «Надо, — писалъ онъ французскому послу въ Портѣ, — все сдѣлать, чтобы разорвать эту цѣпь, чтобы опрокинуть колоссъ»...

Съ этой цѣлью и посланъ былъ къ крымскому хану баронъ де Тоттъ.

Война между Турціей и Россіей началась, и крымскій ханъ долженъ былъ открыть военныя дѣйствія. Въ результатъ этой войны, Россія получила доступъ къ Черному морю, и Крымъ сдѣлался русской губерніей.

Но ни баронъ де Тоттъ, ни ханъ Крымъ-Гирей не были виновниками этого пораженія турокъ...

*) «привязанны къ колесницѣ Екатерины II».

Баронъ де Тоттъ прїѣхаль въ Бахчисарай, въ сопровожденїи двухъ секретарей и своего метръ д-отеля. Старшїй секретарь Рюффенъ (Ruffin), его будущїй замѣститель, получилъ прекрасное образованїе въ королевскомъ колледжѣ им. Людовика Великаго (въ настоящее время, Lycée Louis le Grand), жилъ долгое время въ Константинополѣ, такъ-же какъ и баронъ де Тоттъ*), гдѣ они оба отлично изучили турецкїй языкъ.

Баронъ увеличилъ домъ, принадлежавшїй Форнетти, его метръ д-отель оказался прекраснымъ обойщикомъ, и эти хозяйственныя заботы и веселый нравъ обоихъ молодыхъ секретарей дѣлали пребыванїе въ чуждой и далекой странѣ легкимъ и прїятнымъ.

Впослѣдствїи, баронъ де Тоттъ искренно привязался къ хану Крымъ-Гирею и сумѣлъ найти много интереснаго и прекраснаго въ Крымскомъ ханствѣ, и о своей жизни въ немъ онъ написалъ свои воспоминанїя**).

Въ день врученїя своихъ ввѣрительныхъ грамотъ, визирь ожидалъ барона въ вестибюлѣ дворца. Онъ провелъ его въ прїемную комнату, гдѣ ханъ Максудъ-Гирей ожидалъ его, сидя въ углу софы. Барону подали кресло напротивъ хана.

Въ концѣ церемонїи, Максудъ-Гирей пригласилъ барона приходитъ почаще во дворецъ и вскорѣ принялъ его въ число своихъ интимныхъ куртизановъ. Ханъ сталъ приглашать его также на соколиную охоту и на парфорсную, въ свои многочисленныя охотничьи замки, раскинутыя по горному Крыму.

Около 500 всадниковъ сопровождало хана; онъ особенно любилъ соколиную охоту, полную движенїя и прелести въ этой прекрасной странѣ.

*) Будучи инженеромъ, бар. де Тоттъ возвелъ Дарданелльскїя укрѣпленїя, которыя гр. Орловъ не могъ форсировать своимъ Черноморскимъ флотомъ.

***) Mémoires du baron de Tott sur les Turcs et les Tatares. Amsterdam. 1785.

Въ своемъ дворцѣ, въ Бахчисараѣ ханъ принималъ приближенныхъ своихъ, послѣ вечерней молитвы, и засиживался съ ними до полуночи. Ханъ Максудъ-Гирей, недовѣрчивый по традиціи, съ легкостью и удовольствїемъ отдавался всему, что могло быть ему прїятнымъ и внести покой въ его душу. Онъ любилъ литературу и съ удовольствїемъ говорилъ о ней.

Въ числѣ приближенныхъ присутствовалъ обыкновенно, кромѣ министра, Ширинъ-бей — самый именитый князь ханства, Нурединъ-султанъ, родственникъ и наместникъ хана, и еще нѣсколько мурзъ.

Султанъ Нурединъ говорилъ мало, и если говорилъ, то только о своей Черкесїи, гдѣ онъ былъ воспитанъ; одинъ мурза, хотя и мало образованный, но остроумный весельчакъ, веселилъ общество; онъ подтрунивалъ надъ учеными, якобы всезнающими, бесполезно отнимающими у него «сладостный покой». Ширинскїй рассказывалъ о дневныхъ происшествїяхъ, а баронъ де Тоттъ — о европейскихъ дѣлахъ, и отвѣчалъ на множество вопросовъ, сыпавшихся на него со всѣхъ сторонъ.

Ханъ Максудъ-Гирей много спрашивалъ о Мольерѣ и никакъ не могъ понять типа Bourgeois Gentilhomme. — По его понятїю, странныя претензїи купца или ремесленника походить на дворянина. Человѣкъ родится въ извѣстномъ классѣ и остается въ немъ всю свою жизнь. Но зато ханъ очень хорошо оцѣнилъ Тартюфа, сказавъ, что онъ вездѣсуущъ, и въ Татарїи такъ-же, какъ и у другихъ народовъ, и въ заключенїе просилъ барона перевести Мольера на татарскїй языкъ и сыграть его пьесы при дворѣ.

Къ сожалѣнїю, баронъ де Тоттъ не успѣлъ исполнить желанїя хана изъ за надвигающейся войны съ Россїей.

По вечерамъ, въ пятницу, — по рассказамъ барона, — ханскїй дворецъ былъ сказочно прекрасенъ. Придворный оркестръ изъ 12 музыкантовъ игралъ прелестныя восточныя и татарскїя пѣсни, акробаты показывали на

грапейяхъ свои фокусы, баядерки танцовали свои страстные танцы. Всѣ балконы дворца были иллюминированы длинными, складными фонарями изъ бѣлой навощенной матеріи, съ фантастически раскрашенными цвѣтами и разными фигурами.

Ужинъ подавался на огромныхъ серебряныхъ подносахъ и аякъ-капы (лакеи) стояли за спинами ужинавшихъ съ большими восковыми свѣчами въ рукахъ, освѣщая столъ и комнату.

Послѣ ужина и умовенія рта и рукъ, ханъ выходилъ съ гостями на балконъ, куда всѣмъ подавались золоченые кальяны, и всѣ любовались иллюминаціей, пѣньемъ и танцами, а стоявшій подлѣ «чубукчи» подавалъ новый чубукъ хану и его гостямъ.

Одинъ изъ такихъ феерическихъ вечеровъ, когда гости, по обыкновенію, далеко за полночь, засидѣлись на балконѣ, курия кальянъ и дружески разговаривая, бар. де Тоттъ описалъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

«Ханъ любилъ вызывать на споры меня и Кади-Лескера (министра юстиціи) о законахъ нашей и ихъ страны.

Наши взгляды были такъ далеки другъ отъ друга, но, тѣмъ не менѣе, нашъ разговоръ былъ всегда очень оживленный. Мы спорили одно время почти каждый день, и ханъ съ удовольствіемъ и интересомъ подзадоривалъ наши дебаты.

Иногда министръ, явно въ ущербъ правильности своихъ сужденій, говорилъ вещи съ цѣлью позабавить хана, я тоже изощрялся, стараясь понравиться.

Однажды я замѣтилъ министру, что не видѣлъ ни одной страны, гдѣ бы было такъ мало преступленій какъ въ Татаріи, несмотря на то, что преступнику ничего не стоитъ скрыться въ окружающихъ горахъ и степяхъ Крыма, а Бахчисарай не имѣетъ никакихъ предосторожностей только гвардія охраняла хана и его дворецъ.

На это Кади-Лескеръ отвѣтилъ мнѣ, что нравы простого народа гораздо чище, чѣмъ такъ называемыхъ ци-

вильзованныхъ народовъ... И эти слова заставили меня покраснѣть.

Я успѣшилъ сказать, что ихъ народъ дѣйствительно очень добръ и челоѣколюбивъ.

— «Да, — сказалъ министръ, — идя на помощь несчастному, котораго бѣдность дѣлаетъ застѣнчивымъ, мы по праву предоставляемъ удовольствіе ему помочь тому, кто первый пришелъ на помощь...»

Нельзя выполнить съ большей точностью законъ Магомета. Но турки не такіе вѣрные послѣдователи Корана. — замѣтилъ я.

— «Мы тоже не считаемъ, выполняя свой долгъ, что слушаемся этой святой книги, — сказала министръ. — Мы люди прежде, чѣмъ мусульмане, челоѣколюбіе диктуетъ намъ наши обычаи: они болѣе древни, чѣмъ законъ».

Ханъ былъ большой любитель фейерверка, и въ день его рожденія, баронъ устроилъ ему чудесный фейерверкъ, а также нѣкоторые опыты по электричеству... Эти опыты вызвали всеобщее изумленіе. Максудъ-Гирей, видимо, понялъ объясненія; ему захотѣлось попробовать на себѣ разрядъ электричества, и баронъ пустилъ маленькій токъ; придворнымъ-же пускалъ болѣе сильный, что очень веселило хана.

На другой день весь городъ говорилъ о чудѣ электричества, и баронъ долженъ былъ продемонстрировать у себя электрическую машинку тѣмъ, кто не могъ быть у хана.

Однажды вечеромъ баронъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, когда кто-то постучалъ и вошелъ татаринъ одѣтый въ черный костюмъ и барашковую шапочку.

Онъ назвалъ себя и разсказалъ барону, что въ его семьѣ издавна пишется историческій журналъ-хроника событій Бахчисарайскаго ханства, что эта хроника не прерывалась уже нѣсколько столѣтій, и что теперь пришла очередь ему продолжать ее.

Для этой цѣли посѣтитель пришелъ къ бар. де Тотту, чтобы получить у него свѣдѣнія о его посольствѣ.

Такимъ образомъ, баронъ узналъ объ этой замѣчательной семьѣ и ея исторической хроникѣ.

«Я предлагалъ десять тысячъ экю за рукопись, но, конечно, эта огромная сумма не соблазнила владѣльца лѣтописи и къ сожалѣнію, обстоятельства не дали мнѣ времени использовать и сдѣлать выписки изъ этого рѣдчайшаго манускрипта», — писалъ баронъ въ своихъ мемуарахъ.

Газеты приносили тревожныя вѣсти о волненіяхъ въ Польшѣ и о столкновеніяхъ между Россіей и Портой, — и Максуд-Гирей находился въ центрѣ этого пожара.

Онъ понималъ размѣры надвигающихся событій и предвидѣлъ замѣну себя болѣе молодымъ ханомъ Крымъ-Гиреемъ.

Русскій посоль былъ заключенъ Портой въ Семибашенный Замокъ, и тотчасъ-же Порта назначила ханомъ Крымъ-Гирея и вызвала его къ себѣ для совѣщанія о совмѣстныхъ военныхъ операціяхъ противъ Россіи.

Новый ханъ увѣрилъ барона въ своемъ расположеніи къ нему и пригласилъ его слѣдовать за собой на театръ военныхъ дѣйствій, въ Бессарабію.

Баронъ выѣхалъ навстрѣчу за городъ и встрѣтилъ Крымъ-Гирея, окруженнаго большой свитой.

Новому хану было около 55 лѣтъ; величественная внѣшность, благородная манера держаться, быстрый взглядъ, въ которомъ свѣтилась то ласковая кротость, то импонирующая строгость — произвели неотразимое обаяніе на французскаго дипломата.

Въ роскошномъ шатрѣ ханъ переодѣлся съ дороги: надѣлъ шапочку съ двумя эгретами, усыпанными брилліантами, сѣлъ на коня, на головѣ котораго красовался

султанъ со знаменемъ Пророка и, въ сопровожденіи всего двора поѣхалъ во дворецъ, гдѣ, сидя на тронѣ, принималъ присягу членовъ «Дивана», беевъ, мурзъ и прочихъ своихъ вѣрноподданныхъ.

Баронъ хотѣлъ угостить новаго хана французскимъ блюдомъ. Доставили прекрасную рыбу съ Дифпра, и поваръ барона, и поваръ хана старались перещеголять другъ друга. Но французская кухня и особенно соусъ въ винѣ къ отваренной рыбѣ взяли верхъ, и послѣ этого ужина, поваръ барона частенько долженъ былъ готовить и для ханскаго стола.

Новый ханъ любилъ не только поѣсть, онъ любилъ вообще всѣ жизненныя удовольствія. Большой оркестръ, труппа актеровъ и «баладиновъ», которыхъ онъ содержалъ, по очереди наполняли его вечера, и онъ отдыхалъ съ ними, работая весь день надъ приготовленіями къ войнѣ.

Много работая самъ, онъ былъ требователенъ къ другимъ.

— «Къ своимъ развлеченіямъ онъ допускалъ и меня, — пишетъ баронъ. — Я же съ большимъ любопытствомъ присутствовалъ на пикантныхъ картинахъ, которыя были при дворѣ».

Крымъ-Гирей строго слѣдилъ за порядкомъ въ Польшѣ и Бессарабіи и однажды, нѣсколько ногойцевъ получили по его приказанію удары палкой у двери церкви, за то что глумились и испортили икону Христа.

— «Надо, — говорилъ ханъ, — выучить ногойцевъ уважать пророковъ и прекрасное искусство».

Въ мѣстечкѣ Савраны, около Брадлава, послѣ сраженія, доставившаго много плѣнныхъ, ханъ съ барономъ стояли у шоссе и смотрѣли на толпы плѣнниковъ, пѣшихъ и на лошадахъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ помѣщались цѣлыя семьи съ корзинами, изъ которыхъ за плечами матерей выглядывали бѣлокурыя головки славянскихъ дѣтей.

Баронъ и ханъ были одѣты въ одинаковыя шубы, когда къ нимъ приблизился ногаецъ и, не зная кто изъ нихъ ханъ, низко кланяясь, сталъ жаловаться на кражу у него лошади.

Баронъ отошелъ назадъ, тогда ханъ, быстро спрятавшись за его спину, шепнулъ разсудить дѣло по своему, и потомъ весело смѣялся надъ рѣшеніемъ барона.

— «Однажды, — рассказываетъ баронъ, — узнавъ, что ханъ намѣревается казнить одного мародера, я, желая отвратить казнь, приблизился къ Крымъ-Гирею и хотѣлъ поцѣловать его руку, чего я никогда не дѣлалъ.

Ханъ отдернулъ ее и съ неудовольствіемъ спросилъ, почему я такъ интересуюсь судьбой этого негодяя. — Я отвѣтилъ, что хотѣлъ отвратить кровь отъ любимаго владыки... И ханъ вдругъ смирился и даровалъ жизнь преступнику».

Баронъ де Тоттъ очень высоко цѣнилъ Крымъ-Гирея. — «Я долженъ признать выдающійся умъ и способности этого хана: я много разъ удивлялся его философскому уму. Онъ много говорилъ мнѣ о томъ, какое вліяніе оказываетъ климатъ на характеръ народовъ, о злоупотребленіяхъ свободой, о благѣ и принципѣ чести, объ основахъ государственной власти и управленія, о предразсудкахъ, какъ источникѣ множества преступленій. Эти свои мысли онъ выражалъ, по словамъ барона: *d'une manière qui aurait fait honneur à Montesquieu lui-même. (page 418)**).

Жестокость турокъ возмущала хана, и обычай доставлять головы убитыхъ враговъ выводилъ его изъ себя: «Я бы повѣсилъ татарина, посмѣваша явиться передо мной въ образѣ палача. Я не понимаю также, какъ можетъ существовать нація, настолько жестокая, чтобы содержать и оплачивать палачей, и какъ могутъ народы лицедрѣть съ удовольствіемъ подобныя зрѣлища».

*) Его образъ мыслей могъ бы сдѣлать честь самому Монтескье.

Конечно, было масса злоупотребленій при раздѣлѣ добычи и плѣнниковъ, среди которыхъ особенно цѣнились жители Малороссіи.

Хану досталось 2000 рабовъ, и когда онъ сталъ ихъ дарить направо и налево, баронъ хотѣлъ остановить ханскую расточительность. — «Мнѣ всегда останется достаточно, мой другъ, — сказалъ ему ханъ. — Жажда молодости прошла у меня, но я Васъ не забылъ. Вы раздѣляли съ нами всѣ тяжести похода и по справедливости должны получить Вашу часть. Я Вамъ предназначилъ шесть молоденькихъ мальчиковъ красивой внѣшности и такихъ, какихъ я бы выбралъ для себя».

— «Я подавленъ Вашей добротой, Государь, — отвѣтилъ баронъ, — но стою-ли я ее, разъ я не могу оцѣнить Вашего подарка».

— «Я не претендую на Вашу признательность, — возразилъ ханъ, — я Вамъ даю рабовъ, они Вамъ понравятся: это все, что мнѣ надо».

— «Но Ваша Милость развѣ не находитъ препятствія въ моемъ положеніи? Ваши рабы всѣ русскіе. Какъ могу я принять ихъ, подданныхъ державы, дружественной моему королю?»*).

— «Я не хочу обсуждать Ваши обязанности, Вамъ надо ихъ выполнять. А чтобы придти къ соглашенію, я обмѣняю Вамъ шестерыхъ русскихъ на шесть молодыхъ грузинъ, и все обойдется».

— «Не такъ-то легко, какъ Вы думаете, Государь. Есть еще одно препятствіе — моя религія».

— «Этого вопроса я отказываюсь касаться, — живо перебилъ ханъ, — конечно, съ ней надо считаться. Но сознайтесь, по крайней мѣрѣ, что это тяжело».

— «Я даже скажу болѣе, — поспѣшилъ баронъ, — если бы Вы мнѣ предложили шесть молоденькихъ дѣвусекъ, я бы забылъ, можетъ быть, мой долгъ».

*) Баронъ де Тоттъ былъ австріецъ по происхожденію.

— «Этот соблазнъ я имѣлъ въ виду, и я бы его употребилъ, если бы также не моя религія, которая разрѣшаетъ дарить христіанамъ рабовъ мужского пола и запрещаетъ дарить женщинъ, которыхъ христіане легко обрѣтать въ свою вѣру. Мудрость Пророка нашего все предвидѣла. Въ самомъ дѣлѣ, мужчина независимъ по своей натурѣ, даже въ рабствѣ. Онъ знаетъ свою силу: надъ нимъ дѣйствуетъ мораль. Одинъ Богъ можетъ повліять на нее. Переходъ мужчины изъ одной религіи въ другую — всегда чудо. У женщинъ же, наоборотъ, это самая простая вещь на свѣтѣ: онѣ всегда исповѣдуютъ религію своихъ любовниковъ... — Да, мой другъ, любовь, это великій миссіонеръ, когда она появляется, онѣ не спорятъ съ чувствомъ...»

Поздно вечеромъ ушелъ баронъ изъ шатра Крым-Гирей задумчивый, а черезъ два дня, штабъ тронулся въ Бендеры.

Всѣ жестокости войны были отвратительны хану: видъ разоренныхъ и сожженныхъ деревень, трупы, которыми были усыяны дороги, кровь, льющаяся въ изобилии повсюду...

Среди заботъ сборовъ новыхъ войскъ, Крым-Гирей испытывалъ болѣе частые приступы ипохондріи, которой онъ страдалъ и ранѣе.

Къ несчастью, врачъ Валахскаго Воеводы, по имени Сиропулло, предложилъ свою помощь и далъ выпить хану питье, приготовленное имъ самимъ.

Въ этотъ моментъ баронъ, бывшій около хана, вздрогнулъ такъ сильно, что Крым-Гирей замѣтилъ это и сказалъ ему, улыбаясь: — «Что Вы, мой другъ — Вы боитесь?» — «Конечно, — быстро вставилъ баронъ, — подумайте о положеніи этого человѣка, подумайте о своемъ, и посудите сами, правъ ли я бояться». — «Какіе пустяки», — возразилъ ханъ, проглатывая лѣкарство.

Но слабость хана, увеличившаяся на слѣдующій

день, подкрѣпила подозрѣнія барона: ханъ не смогъ даже встать съ постели и не выходилъ изъ своего гарема.

Всѣ министры раздѣляли ужасъ барона, тѣмъ болѣе, что докторъ внезапно исчезъ.

«Мы уже потеряли надежду на выздоровленіе хана, и я думалъ, что не увижу болѣе Крым-Гирей, когда вдругъ онъ призвалъ меня къ себѣ», — рассказываетъ баронъ.

«Введенный въ гаремъ, я встрѣтилъ нѣсколькихъ его женъ, отчаянныя и общая растерянность которыхъ заставили ихъ забыть обычай уйти при видѣ посѣтителя.

Я вошелъ въ комнату, гдѣ лежалъ Крым-Гирей.

Онъ только что кончилъ отдавать свои распоряженія секретарю «Дивана». Показывая на бумаги лежавшія около него, онъ сказалъ: — «Вотъ моя послѣдняя работа, и я Вамъ отдаю мое послѣднее время».

Но увидѣвъ, что, несмотря на всѣ мои усилія, я не могъ преодолѣть горе охватившее меня, — прибавилъ тихо: — «Разстанемся, Ваша чувствительность меня растроиваетъ, а я хочу постараться уснуть повеселѣе»...

Онъ сдѣлалъ знакъ шести музыкантамъ, стоявшимъ въ глубинѣ комнаты, начать концертъ, и черезъ часъ я узналъ, что несчастный государь умеръ при звукахъ любимой имъ музыки».

«Горе, причиненное смертью этого необыкновеннаго государя было всеобщимъ», — писалъ баронъ де Тоттъ.

Между тѣмъ, симптомы яда ясно проявились, когда бальзамировали тѣло.

Страшная усталость душевная, и физическая, неизвестность будущаго, — заставила барона вернуться въ Константинополь, чтобы тамъ ждать дальнѣйшаго приказанія своего правительства.

Большой блескъ, который баронъ придалъ своей миссіи, былъ непріятенъ Турціи. Присутствіе спеціальнаго посланника французскаго короля слишкомъ поднималъ престижъ крымскаго хана — турецкаго вассала.

Но французскій посоль въ Константинополь, кавалеръ Санктъ-Пріестъ, имѣлъ на этотъ счетъ свое мнѣніе. Онъ хотѣлъ поддержать представительство Франціи въ Крыму и съ этой цѣлью назначилъ замѣстителемъ барона де Тотта его бывшаго секретаря, Руффена.

Впечатлѣніе произведенное Крымъ-Гиреемъ на молодого Руффена осталось неизгладимымъ во всю его жизнь. Въ одномъ изъ своихъ писемъ написанныхъ барону, Руффенъ пишетъ: — «Вы сообразовали поставить мое скромное имя, рядомъ съ Вашимъ и съ этимъ героемъ, безсмертнымъ Крымъ-Гиреемъ. Это было самое прекрасное время моей жизни» *).

Съ большимъ трудомъ, новому представителю Франціи удалось закрѣпить за собой прежнее положеніе у новаго хана, ничтожнаго въ сравненіи съ покойнымъ.

Но вскорѣ Руффенъ заболѣлъ, попалъ въ плѣнъ, а турки и съ ними татары — были совершенно разбиты русскими войсками.

Повсюду чувствовалось приближеніе весны: прозрачные лѣса были полны темныхъ фіалокъ и бѣлыхъ подснежниковъ. Они коврами покрывали всѣ проталинки и обочины дороги, по которой везли тѣло Крымъ-Гирея на родину. Черный катафалкъ, запряженный шестью лошадьми, эскортировался пятьюдесятью всадниками — мурзами и султаномъ, во главѣ.

Весь въ траурѣ, встрѣтилъ Бахчисарай своего хана.

Тѣло Крымъ-Гирея похоронили на ханскомъ кладбищѣ, подъ сѣною фигъ и столѣтняго винограда, посреди своихъ родныхъ, тамъ, гдѣ онъ былъ счастливъ, гдѣ все ему было дорого, у мраморной доски, увѣнчанной магометанскимъ тюрбаномъ.

*) Руффенъ, по возвращеніи въ Парижъ, былъ назначенъ профессоромъ въ колледжъ им. Людовика Великаго. Ксавье Біанчи, которому Руффенъ рассказывалъ о своей жизни въ Крыму, удостоверяетъ, что Руффенъ всегда говорилъ о Крымъ-Гиреѣ съ величайшимъ преклоненіемъ.

По ночамъ, луна освѣщала золоченую надпись изъ Корана:

«Эта жизнь есть нива для будущей жизни. Молитесь за душу усопшаго хана Крымъ-Гирея».

А вокругъ кладбища, родныя степи пѣли по ночамъ свои вѣчныя пѣсни.

ПРИСОЕДИНЕНІЕ КРЫМА КЪ РОССИИ.

Послѣ смерти талантливаго Крымъ-Гирея, война велась еще нѣсколько лѣтъ, но съ явнымъ успѣхомъ для русскихъ, пока не закончилась присоединеніемъ Крыма къ Россійской Имперіи.

Крымскіе татары такъ же, какъ и ногайцы изъ «Золотой Орды», во все время своего существованія не прекращали набѣговъ на Московское государство.

Огромный, невольничій рынокъ Кафы, гдѣ по свидѣтельству очевидца Де Боплана*) скоплялось иногда до 30.000 рабовъ, большею частью славянъ, показываетъ размѣры этихъ набѣговъ на Русь.

«Всѣ татарскіе рынки», — пишетъ литовецъ Михнеонъ, — «полны плѣнныхъ для продажи, для залога, для подарковъ. За все платятъ рабами».

Рабовъ выводятъ для продажи на площадь гуськомъ, цѣлыми десятками, прикованными за шею».

Иногда ханы мирились съ русскими государями и при Іоаннѣ III въ 1474 г. былъ заключенъ союзъ «въ любви, братствѣ и вѣчномъ мирѣ до внучатъ»... Тогда крымскіе купцы получали особыя льготы на торговлю въ Московіи и везли туда изъ Татаріи и богатыхъ генуэзскихъ колоній Кафы и Сурожа (Судака) шелковыя ткани, парчу, ковры, серебро, жемчуга, ладанъ и разныя пряности. Отсюда по-

*) Де Бопланъ: «Описаніе Украины». Руанъ, 1660годъ.

явилось названіе «суровскихъ-суроженскихъ» товаровъ, сохранившееся и понынь.

Въ обмѣнъ шли русскіе кожи, полотна, сѣдла, топоры и пр. Но по мѣрѣ того, какъ росла Русь и ея надобность въ теплое Черномъ морѣ, отношенія съ крымскими ханами стали портиться, пока не началась, такъ сказать, правильная осада Крымскаго ханства Москвою.

При Иоаннѣ Грозномъ въ 1555 г. Даніилъ Адашевъ, братъ знаменитаго любимца царя, побѣдоносно воевалъ съ ханомъ Девлетъ-Гиреемъ освободилъ много русскихъ невольниковъ и вернулся съ ними въ Москву.

Петръ Великій взялъ Азовъ и подошелъ вплотную къ Крыму, а при Аннѣ Иоанновнѣ талантливый фельдмаршалъ гр. Минихъ разгромилъ въ 1736 г. Бахчисарай и возможно присоединилъ бы тогда же Крымъ къ Россіи, если бы не завистники и интриганы двора этой императрицы, отозвавшіе фельдмаршала обратно въ С.-Петербургъ и аннулирувавшіе результаты его побѣды*).

Въ своемъ донесеніи въ С.-Петербургъ Минихъ писалъ о Бахчисараѣ:

«Городъ состоитъ изъ 3000 порядочно выстроенныхъ домовъ, въ томъ числѣ и дворецъ ханскій изящнаго и величественнаго вида... Мы получили полную викторію, въ то время наши люди были въ такомъ сердцѣ, что никакъ невозможно было ихъ удержать, чтобы въ Бахчисараѣ и въ ханскихъ палатахъ огня не подожгли, отчего четверть города и ханскія палаты, кромѣ кладбища и бань, сгорѣли».

*) По совѣту Запорожцевъ, гр. Минихъ выступилъ въ походъ ранней весной, «когда еще не высохла вода отъ снѣга и трава еще не выжжена солнцемъ».

70-ти тысячная армія вмѣстѣ съ Донскими, Украинскими казаками и Запорожцами встрѣтила сопротивление татаръ на Перекопѣ. Крымскій перешеекъ былъ перекопанъ рвомъ въ семь сажень глубины. Въ каменныхъ башняхъ турецкіе янычары защищали ровъ. Перекопъ былъ взятъ и янычары бѣжали вмѣстѣ съ 100.000 войскомъ въ глубь страны.

Въ этомъ пожарѣ была уничтожена библіотека и колледжъ іезуитской миссіи*).

Пожаръ Бахчисарая угнетающе подѣйствовалъ не только на татаръ, но и на Турцію.

Въ слѣдующемъ году фельдмаршалъ Ласси разгромилъ множество татарскихъ деревень, а когда кн. Долгорукій въ 1771 г. взялъ вновь Перекопъ, Евпаторію, Кафу, Керчь и Балаклаву, Селимъ-Гирей-ханъ преемникъ Крым-Гирея бѣжалъ въ Турцію.

Его мѣсто занялъ, по настоянію Россіи, благожелательный къ ней ханъ Шагинъ-Гирей, долго жившій въ С.-Петербургѣ, утвержденный на престолѣ собраніемъ «Дивана».

Подъ давленіемъ Россіи, онъ объявилъ Крымское ханство независимымъ отъ Турціи и уступилъ Россіи Керчь съ крѣпостью Эникале.

Власть Турціи, продолжавшаяся въ Крыму 300 лѣтъ — пала.

Султанъ призналъ дѣйствія Шагинъ-Гирея преступными и объявилъ Россіи войну.

Шагинъ-Гирей понималъ трагичное положеніе своего ханства. Онъ метался то въ сторону Россіи, желая добиться отъ нея наибольшихъ уступокъ, то собиралъ войско, стараясь дагъ ей отпоръ.

Отдача Керчи и Эникале вызвала среди татаръ броженіе и появленіе партизанскихъ отрядовъ.

Древніе старики, бывшіе свидѣтелями этихъ трагическихъ дней Крымскаго ханства, рассказывали объ одномъ изъ послѣднихъ историческихъ собраній «Дивана».

Въ послѣдній разъ Шагинъ-Гирей собралъ почти

*) Водвореніе іезуитовъ въ 1706 году въ Бахчисараѣ обязано французскому послу въ Константинополь, маркизу Керриаль и доктору Феррану, пользовавшемуся у хана Гази-Гирея особымъ расположеніемъ. Іезуитъ Бранъ построилъ въ Бахчисараѣ католическую церковь и колледжъ, въ которыхъ учились и молились дѣти армянъ и грековъ, лишенныхъ своей митрополіи.

всѣхъ мурзъ и ученыхъ муллъ съ цѣлью обсудить положеніе распадающагося государства.

«Но какъ только онъ заговорилъ, — повѣствуетъ старикъ, жившій во дворцѣ, — такъ на него посыпались со всѣхъ сторонъ упреки за обычай, приличные только гаурамъ, — которые ввелъ ханъ»^{*)}).

Его осуждали за то, что онъ отпустилъ себѣ волосы на головѣ и принялъ отъ русской царицы крестъ (орденъ) — символъ христіанства.

Оскорбленный упреками «Дивана», ханъ разразился гнѣвомъ, но вмѣсто извиненій, присутствующіе единогласно заявили, что они предпочтутъ умереть въ рабствѣ у русскихъ, съ сохраненіемъ обычая своихъ отцовъ, чѣмъ быть подданными измѣнившаго стариннаго хана».

«Собраніе «Дивана» объявило Шагинъ-Гирея отступникомъ отъ Алькорана и толпа, руководимая духовенствомъ и турецкими эмиссарами, разгромила ханскій дворецъ.

Шагинъ-Гирей бѣжалъ въ Кафу подъ защиту русскаго войска, подавившаго мятежъ въ Бахчисараѣ.

Вышло такъ, что Шагинъ-Гирей и «Диванъ» — оба готовы были принять верховную власть Россіи, — только среднее сословіе и простой народъ оказались непримиримыми патріотами, хотя и безсильными къ борьбѣ.

Недаромъ послѣ присоединенія Крымскаго ханства къ Россіи, народъ говорилъ, что ихъ страна не была завоевана русскими, а «была продана мурзами за 40 кантарій золота».

Когда Потемкинъ ввелъ свой флотъ въ Ахтіарскую (Севастопольскую) бухту, Шагинъ-Гирей бѣжалъ въ горы около Чатырь-Дага — это была его послѣдняя попытка организовать сопротивленіе Россіи, — но обманымъ образомъ выманенный изъ своего убѣжища генераломъ

^{*)} Шагинъ-Гирей европеизировалъ свое войско и свой дворецъ, ѣздилъ въ каретѣ, уменьшилъ расходы государства; воспитанный въ С.-Петербургѣ, онъ любилъ русскую культуру, и пр. и пр.

Игельстромомъ, онъ былъ отправленъ въ ссылку въ Воронежъ.

Тоска и суровый климатъ губительно дѣйствовали на Шагинъ-Гирея и русское правительство разрѣшило ему уѣхать въ Турцію на островъ Родосъ, гдѣ онъ вскорѣ умеръ насильственной смертію.

«Ушло отъ насъ блистательное солнце... Ей народъ, ей народъ, что будетъ съ нами?» — оплакивали его въ тревогѣ татары.

Въ Одесскомъ Историческомъ Музеѣ сохранился портретъ несчастнаго Шагинъ-Гирея. Въ халатѣ и чалмѣ зеленого цвѣта, смотря въ портрета его грустные, усталые глаза, видѣвшіе паденіе Крымскаго ханства.

Послѣ ссылки Шагинъ-Гирея въ Воронежъ, Екатерина выпустила манифестъ о присоединеніи Крыма къ Россіи.

Объ этомъ событіи и объ отношеніи къ нему иностранныхъ пословъ, аккредитированныхъ при С.-Петербургскомъ Дворѣ, Екатерина съ юморомъ писала одному изъ своихъ приближенныхъ:

«Вчерашній день здѣсь у меня ужиналъ весь дипломатическій корпусъ и любо было смотрѣть, какія были рожи друзей и недрузей.. Въ Россіи же повсюду радость примѣтна: въ простомъ народѣ говорятъ, что турки поддались».

Въ концѣ феерическаго путешествія въ Крымъ — изъ Кіева по Днѣпру на роскошныхъ галерахъ, обитыхъ китайскими шелками, по дорогѣ на широкую ногу проведенной Потемкинымъ, гдѣ въ пустынныхъ степяхъ возникали, какъ по мановенію волшебной палочки, дворцы, сады, цѣлыя деревни, — при въѣздѣ въ Перекопъ^{*)}, отдѣляющій Крымъ отъ Россіи, Екатерина II-ая остановилась со своей свитой на завтракъ.

^{*)} «Въ Крымъ въѣзжаютъ черезъ мостъ и дверь подъ сводомъ, около которой находится Перекопская крѣпость» — говоритъ де Рейи.

«На этомъ завтракѣ, — пишетъ кн. де Линь въ своихъ мемуарахъ, — императрица вдругъ сказала мнѣ: — «Знаете, Франція — неизвѣстно почему, протезируетъ всегда мусульманамъ». — Сегюръ поблѣднѣлъ, Нассау покраснѣлъ, Кобенцъ заволновался, Финцгербертъ нервно зѣвнулъ, а я засмѣялся».

Послѣ завтрака императоръ Іосифъ II-ой взялъ Сегюра подъ руку и они пошли прогуляться по этой равнинѣ, гдѣ не видно конца края.

При видѣ нѣсколькихъ верблюдовъ и кочевниковъ ногайцевъ, бродившихъ тамъ и сямъ, государь сказалъ:

«Какое странное путешествіе! Кто бы могъ ожидать увидѣть меня съ Екатериной II съ французскимъ и англійскимъ послами бродящими по татарскимъ пустынямъ. Это ново на страницахъ исторіи»...

«Мнѣ скорѣе кажется, — ему отвѣтилъ графъ, — что это страница изъ «Тысячи и одной ночи», что меня зовутъ Джафаръ и я гуляю съ халифомъ Гарунъ-аль-Рашидомъ». Въ сопровожденіи своей пышной свиты австрійскаго императора Іосифа II-го, принцевъ Нассау, де Линя, гетмана Потоцкаго, Потемкина, англійскаго посла и французскаго де Сегюра, Екатерина принимала въ Перекопѣ присягу отъ жителей Крыма.

На своихъ лучшихъ скакунахъ, пріѣхали именитые татары для изъявленія своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Здѣсь были: владѣтель Коккозской долины Меметша-бей, Кая-бей-Балатуковъ, члены «Дивана», мурза Крымтаевъ, Мансуръ-бей и мн. другіе.

Екатерина приняла ихъ чрезвычайно ласково, всѣхъ утвердила въ ихъ дворянскихъ достоинствахъ и выразила желаніе быть эскортируемой во все время своего пребывания въ Крыму только этимъ отрядомъ кавалеріи.

Почти всѣ бей и мурзы остались въ своихъ крымскихъ помѣстьяхъ, тогда какъ поселяне массами бѣжали въ Турцію, въ Румынію, въ Болгарію по морю и сухимъ путемъ. Съ цѣлью руссификаціи Крыма, а также ослабленія Крым-

скаго ханства, Екатерина поручила Суворову переселить потомковъ древнихъ грековъ и готовъ Тавриды, а также армянъ, въ Приазовскія степи; такъ возникли города Маріуполь и Нахичевань и множество греко-готскихъ поселеній, сохранившихъ свои старыя таврическія имена: Ялта, Ласпи, Керменчикъ, Гурзуфъ и пр. и пр.

Подати за переселенцевъ были уплачены русскимъ правительствомъ въ ханскую казну.

Со своимъ послѣднимъ готѣйскимъ митрополитомъ Игнатіемъ, забравъ свои древнія иконы Георгія Побѣдоносца и Успенія Божіей Матери*), — послѣдній образъ вывезли ночью тайкомъ, такъ какъ мѣстное населеніе и даже татары не хотѣли съ нимъ разстаться, — переселенцы двинулись въ путь. Когда они сажались на подводы въ Бахчисарафъ, къ нимъ подошелъ ханъ Шагинъ-Гирей, прослезился и грустно запѣлъ татарскую пѣсенку: «Вы ѣдете, да будетъ счастлива вашъ путь»...

Греки плакали въ свою очередь и братски обнимались съ татарами, съ которыми мирно уживались въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій. Такъ окончилась Готѣйская епархія, существовавшая 1000 лѣтъ, присоединеніемъ къ Російской Православной Церкви.

Татары были поражены присоединеніемъ ихъ отечества къ чуждой имъ по вѣрѣ и обычаямъ Россіи и долго-долго они не вѣрили случившемуся и все поджидали возвращенія своего хана, сперва изъ Воронежа, а потомъ съ острова Родосъ.

А когда этого не случилось, они массами стали подавать прошенія русскому правительству о своемъ желаніи переселиться въ единовѣрческую имъ Турцію.

Потемкинъ и Екатерина, желая ослабить Крымское ханство, съ удовольствіемъ шли навстрѣчу ихъ желаніямъ и двѣ трети всего татарскаго населенія покинуло Крымъ.

Ужасенъ былъ исходъ ихъ изъ родного края.

*) Первая икона, письма X-го вѣка, изъ Георгіевскаго монастыря, вторая — изъ Успенскаго монастыря при Бахчисарафѣ.

По рассказам стариковъ, въ моментъ перехода къ Россіи, Крымъ былъ въ прекрасномъ состояніи. Урожай многихъ лѣтъ подрядъ далъ массу зерна, скота. Была полная чаша плодовъ земныхъ и все же татары въ страхъ и отчаяніи, руководимые турецкими эмиссарами, бросали все и бѣжали въ Турцію.

Прощались поселяне со своими беями и мурзами, со своими деревнями и родными саклями. Рыдали женщины и дѣти, мужчины угрюмо готовились въ путь, говоря, что имъ все равно гдѣ погибать: въ дорогѣ-ли, или на чужбинѣ.

Въ суровую зиму нагружали они свои мажары, выѣзжали за околицу своей деревни, останавливались около кладбища, прощались съ дорогими могилами и брали себѣ въ узелокъ горсточку земли на память.

Бѣжали долго: всѣ дороги были запружены бѣглецами, развились эпидеміи, много дѣтей, погибшихъ въ пути, хоронили, зарывая просто у дороги въ снѣгъ.

Нѣкоторые утѣшали себя надеждою, что турецкій султанъ имъ приготовилъ «ласковую встрѣчу» и пѣли сложенную по дорогѣ пѣсню:

«Окрестности Стамбула всѣ въ садахъ
«Слава Аллаху, мы свободны отъ русскихъ.
«Ей народъ, пора намъ во-свои,
«Пора Пророка почитать!
«Привѣтъ нашъ ласковый готовъ,
«Въ Стамбулѣ правовѣрные!»...

И еще пѣли бѣженцы:

«Открылся намъ путь желанный
«И моремъ и сухимъ путемъ,
«Идутъ, бѣгутъ толпами наши братья,
«Бросая друзей и родныхъ.
«Смотрятъ имъ влѣдъ несчастныя матери
«Обливаясь кровавыми слезами...
«Окружности Крыма синимъ моремъ обведены
«И полны бѣло-крылыми кораблями...
«Съ Богомъ же, друзья и родные!».

Къ несчастью мечта о ласковомъ приѣмѣ не осуществилась. Падишахъ ничѣмъ не помогъ и ничего не приготовилъ для приѣма своихъ несчастныхъ единоверцевъ.

«Бахчисарай, — какъ пишетъ Кондараки, — бывший при послѣднемъ ханѣ полонъ мотовъ и щеголей, которые пируя въ баняхъ, возстанавливали народъ противъ Шагинъ-Гирея — опустѣлъ. Остались только греки, армяне и караимы; плѣнники и рабы разбѣжались».

Два года Бахчисарай былъ въ развалинахъ, пока бѣглецы, видя, что русскіе не посягаютъ ни на ихъ религію, ни на обычай, не начали возвращаться изъ горъ и вновь обстраиваться.

Екатерина II-ая начала новую главу исторіи русскаго Крыма, пока еще не прочитанную человѣчествомъ.

Русское правительство старалось замирить оставшійся покоренный народъ и Екатерина дала рескриптъ въ этомъ духѣ кн. Репнину:

«Находимъ Мы нужное примѣтить, чтобы вы о татарахъ точно держались силы и словъ мирнаго трактата, отзываясь безъ обиняковъ, что вольность и независимость татаръ въ гражданскомъ ихъ положеніи будемъ Мы всегда охранять, почитая оную лучшимъ огражденіемъ собственныхъ нашихъ границъ».

Русскимъ войскамъ данъ былъ приказъ не чинить безчинствъ, — и, дѣйствительно, не было никакихъ столкновений между войсками и татарами, съ ужасомъ ожидавшихъ появленія русскихъ войскъ.

«Протоколомъ вѣчнаго мира и дружбы, заключеннымъ между Имперіей Всероссійской и Оттоманской Портой при деревнѣ Кучукъ-Кайнаржи 10-го іюля 1774 года постановлено: «Всѣ татарскіе народы отъ обѣихъ Имперій имѣющихъ быть признаны вольными и совершенно независимыми отъ всякой посторонней власти, но пребывающими подъ самодержавной властью собственнаго ихъ хана Чингизскаго поколѣнія, всѣмъ татарскимъ обществомъ из-

браннаго и возведеннаго, который и управляетъ ими по древнимъ ихъ законамъ и обычаямъ, не отдавая ни въ чемъ отчета никакой другой посторонней державѣ. Призывать и почитать оную татарскую націю въ политическомъ и гражданскомъ состояніи ни отъ кого, кромѣ единого Бога независящую».

Все же послѣ Миниха, Ласси, Долгорукова это была эпоха такъ называемаго «просвѣщеннаго абсолютизма».

50.000 татаръ остались въ Крыму и многіе вернулись изъ Турціи обратно.

Историкъ Ключевскій въ своей блестящей характеристикѣ Екатерининской эпохи пишетъ:

«Въ эстетическомъ и этическомъ отношеніи, со стороны литературной обработки дипломатическихъ депешъ, эта политика безукоризненна и производитъ на изслѣдователя самое пріятное впечатлѣніе, высоко поднимаясь надъ современнымъ ей дипломатическимъ міромъ Западной Европы.

Въ этомъ мірѣ безсовѣстныхъ интригъ, грубой лжи и обмана, одна петербургская дипломатія сохранила нѣкоторую опрятность манеръ, политическую стыдливость; только въ депешахъ Панина можно было встрѣтить, нелюбимые дипломатами того и, пожалуй, всякаго времени, слова: «состраданіе», «человѣчность» и т. п.; отвращеніе къ праву сильнаго, призывъ сильныхъ къ союзу для защиты слабыхъ.

Но при своей благовоспитанности эта дипломатія лишена была технической подготовки. У нея были идеи, но не было трудолюбія и знанія; она о многомъ мечтала, но мало что изучала».

ЕКАТЕРИНА ВЪ БАХЧИСАРАѢ И СЕВАСТОПОЛѢ.

Торжествененъ былъ въѣздъ Екатерины съ блестящей свитой въ Бахчисарай. Городъ былъ иллюминированъ, золо-

то тратилось въ огромномъ количествѣ, что не могло не поразить воображеніе татаръ о великомъ могуществѣ съверной царицы и не вызвать унынія объ участи своего государства.

Бахчисарай, хотя и сдержанно, но враждебно встрѣтилъ Екатерину.

«Бахчисарай опустѣлъ; послѣ завоеванія осталось всего 9000 жителей, — пишетъ де Сегюръ. — Я былъ пораженъ равнодушіемъ, гордостью и апатичнымъ или аффектированнымъ безразличіемъ татаръ: старые и молодые сидѣли у дверей своихъ домовъ или въ глубинѣ своихъ лавокъ и несмотря на то, что нашъ въѣздъ былъ такъ необыченъ и импозантенъ, они равнодушно смотрѣли намъ вслѣдъ, зачастую поворачивая намъ спину. Эти фанатики смотрѣли на нашу побѣду, какъ на фатальность рока, сохраняя всю свою гордость...

Дворецъ былъ къ нашимъ услугамъ.

Налѣво во дворѣ, стояла большая ханская мечеть, далѣе виднѣлись конюшни. Направо — дворецъ сераля, окруженный садомъ, раздѣленнымъ на четыре терассы. Далѣе — ханское кладбище, чрезвычайно живописное, благодаря красотѣ деревьевъ его осѣняющихъ.

Императрица помѣстилась въ апартаментахъ хана. Князь де Линь и я — въ комнатахъ султаншъ, выходившихъ окнами въ прекрасный садъ, окруженный очень высокими стѣнами.

Въ каждой комнатѣ вдоль стѣнъ стояли комфортабельные диваны, а въ серединѣ, въ бѣло-мраморномъ бассейнѣ, билъ не переставая маленькій фонтанчикъ свѣжей и прозрачной воды.

Окна моей комнаты были фантастично разрисованы и когда я открылъ ихъ, въ нихъ ворвался лучъ солнца, черезъ вѣтви цвѣтушихъ розъ, лавра, жасмина, гранатовыхъ и апельсиновыхъ деревьевъ.

Усталый послѣ путешествія, лежа на моемъ роскошномъ диванѣ, я наслаждался нѣгой, свѣжестью журчаща-

го фонтана и запахомъ цвѣтовъ, воображая себя настоящимъ восточнымъ пашей... Какъ вдругъ передо мной появился маленький старичекъ, въ халатъ, съ бѣлой бородой. въ красной фескѣ на бритой головѣ.

Онъ мнѣ поклонился по азіатски, какъ настоящему восточному принцу. Говорилъ онъ на «франкскомъ» (franque) языкѣ, т. е. на плохомъ итальянскомъ, на которомъ говорятъ еще въ Кафѣ.

Оказывается это былъ старый садовникъ Шагинъ-Гирей, предлагающій мнѣ показать весь дворецъ. Потемкинъ очень забавлялся тѣмъ, что помѣстился въ гаремѣ.

Князь де Линь добавляетъ эти воспоминанія своими и они могли бы быть продолженіемъ первыхъ, до того имъ общъ характерный, благородный стиль XVIII вѣка.

«Я думалъ, приѣхавъ въ Тавриду, — пишетъ кн. де Линь, — возвысить мою душу воспоминаніями истинныхъ и фантастическихъ событій, происшедшихъ въ исторіи Тавриды. Мои мысли стремились къ героическому Митридату, къ миеологической Ифигеніи, къ военному гению римлянъ, къ прекрасному искусству грековъ, къ набѣгамъ татаръ, къ торговлѣ генуэзцевъ. Всѣ эти люди довольно извѣстны мнѣ и они всѣ отступаютъ передъ Тысячью и одной ночью.

Я въ гаремѣ послѣдняго крымскаго хана, который напрасно сложилъ оружіе и передалъ русскимъ четыре года тому назадъ самую прекрасную страну въ мірѣ.

Въ нашемъ дворцѣ мавританскаго вкуса, много арабскаго, китайскаго и турецкаго. Повсюду фонтаны, маленькіе садики, много позолоты, раскраски и надписей.

Я уже не знаю, гдѣ я, ни въ какомъ вѣкѣ я живу, мнѣ все это кажется сномъ.

Вотъ драмодеры, похожіе на колышущіяся горы, вотъ молодые кавказскіе князья, сплошь покрытые серебромъ на своихъ бѣлоснѣжныхъ скакунахъ; когда я гляжу на нихъ, вооруженныхъ луками и стрѣлами, я себя чувствую живущимъ во времена Кира.

Когда я встрѣчаю отряды черкесовъ, прекрасныхъ какъ день, талія которыхъ болѣе тонка, чѣмъ у М-ме де Л.; когда я вижу здѣсь мирзъ, лучше одѣтыхъ, чѣмъ герцогиня де Шуазель на балу у королевы, казачьихъ офицеровъ, задрапированныхъ въ накидки съ большимъ вкусомъ, чѣмъ M-elle Bertin и наконецъ мебель и платья такихъ же гармоничныхъ цвѣтовъ, какъ на картинахъ M-ме Лебренъ, я не могу придти въ себя отъ удивленія.

Мнѣ кажется — и это былъ сонъ — когда я находился въ шестимѣстной каретѣ, настоящей триумфальной колесницѣ, украшенной гербами изъ драгоценныхъ камней между двумя лицами говорящими: «У меня 30.000.000 подданныхъ, считая только мужчинъ».

«А у меня 22.000.000, считая всѣхъ», — отвѣчаетъ другое лицо.

«Мнѣ нужна армія по крайней мѣрѣ въ 600.000 чело-вѣкъ, начиная отъ Камчатки, кончая Ригой».

«А мнѣ нужна какъ разъ половина этого», — отвѣчаетъ другой.

Сепюръ можетъ рассказать, какъ ему было пріятно это высочайшее дружеское общеніе. Онъ очень понравился императору: этотъ монархъ приходитъ въ восторгъ отъ всего, что видитъ.

Любитель чудесной древности, я началъ говорить о возстановленіи Греціи, Екатерина желала воскресить Ликурга и Солона*), но Іосифъ II-ой, интересующійся болѣе будущимъ, чѣмъ прошлымъ, повторялъ:

«Какого чорта намъ дѣлать съ Константинополемъ?».

И бесѣда продолжалась непринужденная, откровенная и интересная.

Екатерина не только хотѣла изгнать турокъ изъ Европы, но имѣла романтическое желаніе воскресить Византійскую имперію, посадивъ на ея тронъ своего внука Константина, съ дѣтства окруженнаго съ этой дѣлью греческими дѣтьми.

*) Великихъ законодателей древней Греціи.

Потемкинъ дѣлялъ такъ называемый «греческій проектъ».

«Знаете ли вы, — улыбаясь спросилъ кн. де Линь гр. де Сегюра, — какой вопросъ теперь занимаетъ нашихъ двухъ монарховъ? Я уловилъ изъ ихъ разговора. Такъ вотъ, мол cher, они дружно обсуждали великолѣпный проектъ, проектъ возстановленія греческой республики»...

Императрица оставалась 5 дней въ Бахчисараѣ.

Однажды на балконѣ опустѣвшаго ханскаго дворца, во время ужина, настроеніе у всѣхъ упало: императрица сидѣла грустная, молчаливая и усталая, императоръ былъ погруженъ въ свои мысли, Потемкинъ — мраченъ и разсѣянъ. Разговоръ не клеился...

Гр. де Сегюръ, желая развеселить общество, началъ разсказывать о своей неудачной авантюрѣ, которую онъ и кн. де Линь потерѣли у татарочекъ, мывшихъ бѣлье на опушкѣ лѣса.

Екатерина строго поглядѣла на нихъ и сказала:

«Господа, эта шутка очень дурного тона и плохого примѣра.

Вы находитесь среди народа, покореннаго моимъ оружіемъ: я хочу, чтобы уважали законы, культъ, нравы этого народа».

На другой день Екатерина милостиво приняла въ аудіенціи племяннику бывшаго хана Шагинъ-Гирея. Оставшимся родственникамъ его Батырь-Гирею и Асланъ-Гирею повелѣно сдѣлать «приличную одежду и выдавать по 15 рублей серебромъ въ сутки на содержаніе».

Наслѣдникъ ханскаго престола Селимъ-Гирей, сынъ Крымъ-Гирея переселился на Кубань, издавна принадлежавшей Крымскому ханству, единственную область, оставшуюся въ вассальной зависимости отъ Турціи и продолжала борьбу съ Россіей.

Ему помогали турецкій султанъ, старавшійся возстановить Крымское ханство.

Вмѣстѣ съ 50.000 войскомъ, султанъ препроводилъ

слѣдующую инструкцію султану Селимъ-Гирею*): «Да будетъ извѣстно тебѣ, что султаны Чингиджи, переселившіеся изъ Крыма на Кубань, прибѣгнули подъ защиту моей славной Имперіи и какъ подобаетъ вѣрнымъ и ревностнымъ мусульманамъ оставили невѣрныхъ русскихъ. Нынѣ русскіе, враги нашего народа и нашей религіи, желаютъ разсѣять наши племена, разорить ихъ и не давать имъ покоя.

Ты разрушишь селенія, города и крѣпости русскихъ, обратишь въ рабовъ ихъ женъ и дѣтей, поработишь ихъ имущество и скотъ и опустошишь ихъ страну». (Дано въ маѣ 1789 г.).

Нѣсколько десятковъ лѣтъ продолжалась эта борьба на Кавказѣ, но ни Гирей, ни татары не вмѣстили въ свою душу эти призывы къ ненависти и мщенію. Любя свою страну, страну своихъ предковъ и обычай старины, они старались въ Крыму ужиться съ новыми пришельцами, крѣпко объединившись между собой подъ знаменемъ Пророка. Національный вопросъ всегда и у всѣхъ народовъ — очень сложный и деликатный...

Со временемъ крымскіе татары объединились съ Россіей и сохраняя въ неприкосновенности свое національное лицо, стали мыслить интересы своего народа неразрывными съ величіемъ Россіи.

Работая на культурномъ поприщѣ султанъ А. И. Крымъ-Гирей оказалъ большія услуги археологіи своего края.

Потомки Чингизъ-хана Султанъ-Гирей здравствуютъ по сіе время; стойко и благородно несутъ всѣ тяжести немовѣрно сложной русской исторіи**)...

«Выѣзжая изъ Бахчисарая въ Ахтіаръ, переименован-

*) Эта инструкция, какъ и многія другія свѣдѣнія, мнѣ были любезно сообщены Султаномъ К. Гиреемъ (авторъ).

**) Недавно опубликованы чрезвычайно интересныя воспоминанія о Лермонтовѣ его друга А. П. Шанъ-Гирея.

ный Екатериной въ Севастополь («величественный городъ»), мы попали въ прелестную долину съ красивыми скалами и очаровательными садами вдоль рѣки», — продолжаетъ свои мемуары де Сегюръ.

«Тамъ и сямъ видѣлись красивые дома татарскихъ помѣщиковъ, прекрасно обработанныя поля, уютныя деревни трудолюбиваго татарскаго населенія — все ласкало нашъ взоръ. Мы завтракали въ Инкерманѣ*), откуда спустились въ Севастопольскую бухту, въ античныя времена носившую названіе Ктенусъ».

Въ Севастополь, гдѣ разбитъ теперь историческій бульваръ, былъ выстроенъ насѣхъ дворецъ для Екатерины.

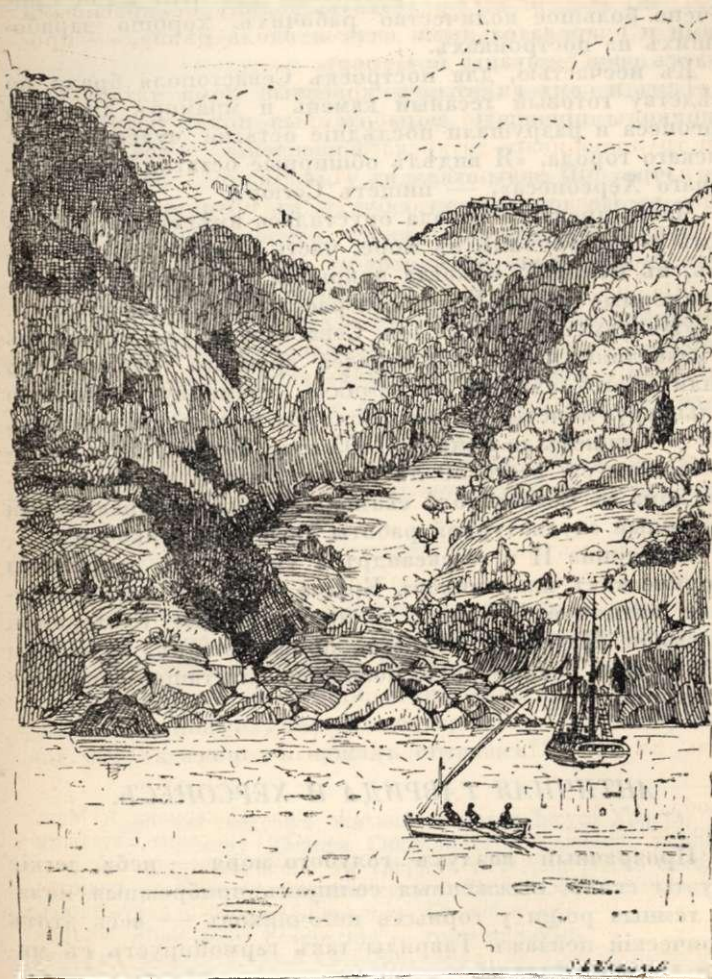
Здѣсь она праздновала присоединеніе Крыма роскошными балами, фейерверками и тутъ же пожаловала Потемкину тигутъ «Таврической».

«Удовлетвореніе и радость видѣть себя на тронѣ Татарин, бывшей когда то порабительницей Руси, свѣтились во всѣхъ чертахъ лица императрицы», — замѣчаетъ де Сегюръ.

По вечерамъ гремѣла музыка и черезъ открытыя двери дворца Екатерина любовалась магическимъ спектаклемъ. Въ этой единственной въ мірѣ бухтѣ въ боевомъ порядкѣ выстроился весь иллюминированный, вновь созданный Черноморскій флотъ въ 40 вымпеловъ, салютирующий своей Государынѣ, изъ всѣхъ пушекъ.

Магъ и чародѣй Потемкинъ, сразу оцѣнившій Севастополь, въ два года выстроилъ новый городъ въ 400 до-

*) Дюбуа де Монпере считаетъ укрѣпленія Инкермана и Мангупа, возведенными Скилмуромъ — царемъ Скиѳскимъ, взятыми войсками Митридата Понтійскаго и отданными Херсонесской республикѣ. Броневскій, посѣтившій Инкерманъ въ 1578 г., пишетъ: «Здѣсь крѣпость, мечеть, пещеры съ удивительнымъ искусствомъ высѣчены. Видно, что великолѣпная крѣпость Инкерманъ построена греками, ибо до сихъ поръ еще ворота и нѣкоторыя уцѣлѣвшія зданія украшены греческими надписями и гербами».

Мѣсто храма Ифигеніи (по Палласу).

мовъ, съ адмиралтействомъ, арсеналомъ, укрѣпленіями, портами, карантинномъ, госпиталями, для чего было привлечено большое количество рабочихъ, хорошо заработавшихъ на постройкахъ.

Къ несчастью, для построекъ Севастополя брали по сосѣдству готовый тесаный камень и мраморъ древняго Херсонеса и разрушали послѣдніе остатки чудеснаго эллинскаго города. «Я видѣлъ обширные остатки зданій античнаго Херсонеса», — пишетъ Сегюръ.

Часть древняго города опустилась вмѣстѣ съ Трахейскимъ полуостровомъ въ море, часть лежитъ въ развалинахъ, въ пустынѣ, нѣкогда покрытой цвѣтущими садами, а мраморные храмы Херсонеса растащены на казармы.

«Въ двухъ верстахъ отъ Севастополя уже вступаешь въ развалины улицъ и площадей древняго города. Тутъ нашли много надписей на камняхъ, мраморную античную скульптуру, монеты, медали. Солдаты и матросы торгуютъ ими», — пишетъ де Рейнъ въ 1803 году. Велики были остатки Херсонеса: всего 30 лѣтъ тому назадъ въ саду частнаго дома въ Севастополь скамейкой служилъ прекрасный мраморный скульптурной работы античный саркофагъ.

Екатерина II и Александръ I указами о сохраненіи историческихъ памятниковъ Крыма пріостановили разрушеніе античной Тавриды, а приглашенные Екатериной академики Палласъ, Кешенъ, проф. Кларкъ, археологи Дюбрюкъ и Бларамбергъ, положили блестящее основаніе ея исторіи.

АНТИЧНАЯ ТАВРИДА И ХЕРСОНЕСЪ.

Прозрачный воздухъ голубого моря — неба, легкіе силуэты скалъ, выжженные солнцемъ прибрежныя поляны, темныя рощи у горныхъ источниковъ — весь этотъ героическій пейзажъ Тавриды такъ гармонируетъ съ мифами древней Эллады.

Миническіе Ифигенія, Орестъ и Пиладъ, прославившіе во вѣки вѣковъ Тавриду!

Можетъ быть вотъ тутъ, какъ говоритъ Страбонъ*), между Херсонесомъ и «узкою гаванью Символонъ (Балаклава), кругомъ которой дистригоны тавро-скиѣскаго племени разбойничаютъ», на мысѣ Пароеніонъ находился храмъ Діаны Таврической**).

Можетъ быть здѣсь, у лиловаго мыса Фіолентъ, на недоступной теперь скалѣ, куда прежде, по словамъ Геродота, вели 40 ступеней, стоялъ жертвенникъ Діаны и ея жрица Ифигенія когда то готовилась принести въ жертву захваченныхъ мореплавателей.

Въ одномъ изъ нихъ, въ юношѣ съ завязанными руками и головой посыпанной солью и мукой — сообразно ритуалу — она узнала своего брата Ореста и его великодушнаго друга Пилада и опустила мечъ, готовый сразить ихъ головы.

Вѣтеръ колышетъ вѣчно зеленые мирты и туи, поросшіе на этомъ мѣстѣ, а гладь морская безконечна и нѣма.

На зарѣ туманной юности человѣчества, еще до Троянской войны, легкокрылые корабли древней Эллады уже бороздили Евксинскій Понтъ***).

Скудная почва Греціи, а впослѣдствіи и непомѣрный ростъ ея городовъ, заставлялъ древнихъ эллиновъ создавать свои колоніи въ чужихъ странахъ****).

*) Греческій географъ, жившій во время Іисуса Христа.

***) По разсказу Діодора Сицилійскаго, Амазонки, воинственныя женщины, появились въ Тавридѣ изъ Азіи ранѣе скиѣвъ и киммерійцевъ. Онѣ установили культъ Діаны. Обѣ Амазонкахъ говорятъ: Гомеръ, Гезіодъ, Геродотъ, Овидій и др.

****) Черное море. Евксинскій — гостепримный.

*****) По закону Солона населеніе города не должно было превышать 20.000 жителей.

Особенно славился Милеть*): у него 80 колоній и среди них богатѣйшая Пантикапея, Киммеріонъ, Нимфеумъ, Θεодосія, Партенить и др. на берегахъ древней Тавриды.

И везли отважные мореплаватели на своихъ корабляхъ въ новыя мѣста огонь своей родины, горѣвшій неугасимо на очагѣ ихъ общественнаго храма — пританея.

Они зажигали его во вновь основанной ими колоніи, какъ эмблему нерушимой связи съ метрополіей.

Аргонавты были первыми мореплавателями по Понту Евксинскому, оставившіе свои слѣды въ міеологіи**).

За 35 лѣтъ до Троянской войны, Язонъ со своими спутниками, аргонавтами, прозванными по имени своего корабля Арго, съ опасностью для жизни у береговъ Тавриды, гдѣ всѣхъ высадившихся иностранцевъ приносили въ жертву богинѣ Діанѣ, достигъ береговъ Колхиды (Кавказа).

Тамъ, при помощи дочери мѣстнаго царя Медеи, они убили стражу храма, состоявшую изъ тавровъ и похитили оттуда «золотое руно».

Очевидно, въ тѣ далекія времена пиратство считалось доблестью, такъ какъ Геродотъ говоритъ, что мореплаватели встрѣчаясь въ морѣ, привѣтствовали другъ друга возгласомъ: «Честный ли ты пиратъ?». Такимъ пиратомъ обезсмертившимъ себя былъ и Язонъ съ аргонавтами.

Новые пришельцы, гераклейцы***) и милетцы, встрѣтили въ Тавридѣ ея первоначальныхъ обитателей киммерійцевъ и тавро-скиѳовъ.

Тавры, вѣроятно, греки съ эллинской культурой, «насеждаютъ горную часть Тавриды до Херсонеса Трахейска-

*) На малоазіатскомъ берегу Эгейскаго моря.

***) За много тысячелѣтій до нашей эры, Понтъ Евксинскій привлекалъ къ своимъ берегамъ и финикійцевъ и древнихъ египтянъ.

****) Гераклея лежала на малоазіатскомъ берегу Чернаго моря, напротивъ Херсонеса.

го, — пишетъ Геродотъ, — скиѳы наоборотъ населяютъ степи*). У тавро-скиѳовъ особые обычаи: они приносятъ въ жертву своей богинѣ Дѣвѣ всѣхъ иностранцевъ и грековъ, которые высадятся на ихъ берегахъ».

Дюбуа де Монпере**) характеризуетъ тавровъ, какъ народъ безудержный и безпощадный къ иностранцамъ, безпокоившимъ ихъ берега, но мягкій и благородный въ своемъ домашнемъ быту.

Тавры отгѣснили киммерійцевъ***), первоначальныхъ обитателей Тавриды къ Керченскому проливу, а скиѳы, пришедшіе изъ южно-русскихъ степей, заставили киммерійцевъ совсѣмъ покинуть Таврической полуостровъ и переселиться на Кавказъ и въ Малую Азію.

Скиѳы смѣшались съ таврами, образовавъ единое племя и приняли такъ же, какъ ихъ позднѣйшіе сородичи по крови и языку, сарматы, легкую, радостную культуру и религію эллиновъ.

Недаромъ Овидій, давшій въ своемъ изгнаніи яркіе образы скиѳовъ и сарматовъ, рассказываетъ, какъ одинъ молодой сарматъ говорилъ ему: «Я родился въ Тавросѣ, въ Скиѳіи, которую любилъ болѣе, нежели отечество предковъ моихъ и гдѣ мы поклонялись сестрѣ Аполлона — Артемидѣ»****).

Тавро-скиѳы исконно занимались земледѣіемъ и вы-

*) Скиѳы, пришедшіе изъ Китаѣйскаго Туркестана въ южно-русскія степи, уже нашли осѣвшихъ тамъ киммерійцевъ. Геродотъ пишетъ, что онъ слышалъ изъ устъ скиѳа, что они пришли изъ Азіи за 1000 лѣтъ до похода Дарія въ Скиѳію (Геродотъ, IV, 17).

**) DUBOIS de Montpereux. Voyage au Caucase et en Crimée. 1839—43 г. г.

***) Черкесы на Кавказѣ прямые потомки киммерійцевъ. «Все пространство отъ Дона, до Дуная — скиѳское, частью кочевниковъ, частью осѣдлыхъ. За Дономъ — сарматы». Геродотъ.

****) Овидій говоритъ въ своихъ «Понтикахъ»: «Храмъ Артемиды поддерживался огромными колоннами; онъ доннынѣ существуетъ въ Тавридѣ». Сарматы какъ бы замѣняютъ скиѳовъ, послѣ покоренія послѣднихъ Митридатомъ, а затѣмъ сами вытѣсняются готами и гуннами.

возили свой хлѣбъ въ Грецію черезъ транзитныя древнія порты Ольвію, Херсонесъ, Θεοδοσίю, Пантикапею.

Первымъ царемъ тавро-скиѳовъ Геродотъ называетъ Фоаса, бѣжавшаго съ острова Лемноса, гдѣ женщины перебили всѣхъ мужчинъ.

Фоасъ былъ занесенъ вѣтрами въ Тавриду, гдѣ нашель уже греческое населеніе. При содѣйствіи своего экипажа онъ завладѣлъ храмомъ Діаны, жрицей котораго была Ифигенія и воцарился въ странѣ*).

Фоасъ, участникъ Троянской войны, былъ убитъ, по преданію, Орестомъ и Пиладомъ въ битвѣ за освобожденіе Ифигеніи.

Тавро-скиѳы были поражены героической дружбой Ореста и Пилада; простивъ имъ похищеніе золотой статуи Діаны и Ифигеніи, они воздвигли въ честь этой дружбы храмъ Орестеонъ, неподалеку отъ храма Діаны. Въ этомъ храмѣ, по свидѣтельству Лукіана (умершаго въ 193 г. по Р. Х.) на бронзовой колоннѣ была выгравирована надпись, а на стѣнахъ галлерей, окружавшей храмъ, фрески изображавшія сцены прибытія корабля Ореста и Пилада, ихъ плѣненіе, освобожденіе и похищеніе Ифигеніи вмѣстѣ со статуей Діаны.

Въ этомъ храмѣ тавро-скиѳы воспитывали своихъ дѣтей въ духѣ героической дружбы, возведенной въ степень первой добродѣтели.

Какой поучительный примѣръ этого первобытнаго народа!

Далеко отъ храма Орестеона на Аю-Дагѣ былъ найденъ амулетъ — медальонъ съ изображенемъ Ореста и Пилада.

«Не надо забывать, — говоритъ М. И. Ростовцевъ, — что греческій миѳъ тѣснѣйшимъ образомъ переплетается и съ географіей и съ этнографіей и исторіей.

Свѣдѣнія древнихъ историковъ и географовъ и поэтовъ были полны, точны и цѣльны.

Они запечатлѣли въ своихъ произведеніяхъ един-

ственную по своей полнотѣ и научности освѣдомленность въ государственномъ строѣ, нравахъ и обычаяхъ племенъ приходившихъ въ соприкосновеніе съ греками черноморскихъ городовъ».

«Наиболѣе близка грекамъ іонійскимъ, малоазіатскимъ, Скиѳія и греческія города Понта на зарѣ греческой исторіи, въ эпоху наибольшаго расцвѣта Скиѳіи и первыхъ этаповъ развитія греческихъ черноморскихъ колоній VII и VI вѣка до Р. Х. — эпохи повышеннаго интереса греческой науки и литературы къ нашему югу, и отзвуки этого интереса слышатся въ аѳинской литературѣ V вѣка до Р. Х.

Античная культура во все время своего существованія ввела Черноморское побережье и Кавказъ въ кругозоръ мышленія и фантазіи каждаго образованнаго грека и римлянина.

Всѣ историки Греціи и Рима съ большою симпатіей пишутъ о скиѳахъ.

Идеальныя скиѳы Эфора, ихъ вегетаріанство, общность имущества, отсутствіе частной собственности, равенство половъ, незнакомство съ завистью, ненавистью, страхомъ; ихъ благочестіе, высокая мораль и идеализація мудраго скиѳа Анахарсиса составляютъ лейтъ-мотивъ множества писателей древности.

Идеальныя образы скиѳовъ для римскаго поэта Горачія и географа Мелы» (Ростовцевъ. Скиѳія и Боспоръ).

Можетъ быть аѳиняне и римляне, отягощенные сложностью своей столичной и государственной жизни, идейно стремились къ скиѳамъ, полупастушескому народу такъ же, какъ въ XVIII-омъ вѣкѣ парижане старались разрѣшить сложныя человѣческія проблемы въ пасторальныхъ теоріяхъ Руссо.

Тавро-скиѳы столкнулись съ народами Эллинскаго міра во время греко-персидскихъ войнъ и время Дарія Гистаспа можетъ быть разсматриваемо какъ «эпоха созданія греческихъ колоній въ Крыму».

Юстинъ говорить, что скиѣи трижды могли завоевать Азію: побѣдой надъ Даріемъ, Киромъ и полководцемъ Александра Македонскаго — Зопріономъ.

Периплы*) — путеводители древнихъ мореплавателей говорятъ о природныхъ богатствахъ Скиѣи и Тавриды, ставшихъ поставщиками древняго міра рабами, хлѣбомъ, скотомъ, соленой рыбой, лѣсомъ, мѣхами, янтаремъ и золотомъ.

Греки взаимно ввозили въ Таврію: вино, оливковое масло, посуду, ткани, произведенія своего искусства и художественной промышленности.

ХЕРСОНЕСЬ.

Херсонесская республика, древнѣйшее и самое долговѣчное греческое государство Тавриды, ближайшее къ древней Греціи, было основано въ VI-VII в. до Р. X. выходцами изъ древне-греческаго города Гераклеи. Геродотъ упоминаетъ, что Дарій возвращался со своими войсками черезъ Херсонесъ въ 515 г. до Р. X.

Кромѣ этого историческаго Херсонеса, существовалъ еще болѣе древній, доисторическій Херсонесъ, о которомъ Страбонъ писалъ «за мысомъ Партеніонъ слѣдуютъ развалины древняго Херсонеса». При Страбонѣ — время жизни Иисуса Христа — этотъ городъ уже не существовалъ и впоследствии былъ объектомъ поисковъ многихъ археологовъ.

Первый Херсонесъ уплылъ въ туманную даль вѣковъ, не оставивъ послѣ себя никакихъ историческихъ свѣдѣній.

Связь историческаго Херсонеса со своей метрополіей продолжалась во все время существованія города, сильнаго этой связью и благодаря ей всегда бывшему и оставав-

*) Периплы: Скилакса — 500 л. до Р. X.; Арріена 131 послѣ Р. X.; анонимный — 500 г. послѣ Р. X.

шемуся эллинскимъ городомъ съ греческимъ населеніемъ и греческой культурой.

Во II-омъ вѣкѣ по Р. X. херсонесцы все еще называютъ Гераклею «мать наша» и получаютъ отъ нея помощь въ борьбѣ со скиѣями и варварами, смотрѣвшими на города, какъ на заманчивую, богатую добычу.

Страбонъ точно и подробно описавшій Херсонесъ, говоритъ, что Херсонесская республика съ пригородами занимала пространство на протяженіи 45 верстъ, окруженная ровомъ наполненнымъ водою и огромной стѣной съ многочисленными башнями отъ Балаклавы до Севастополя («отъ бухты Символонъ до бухты Ктенусъ»), отчего городъ и получилъ названіе Херсонесъ — руками сдѣланный островъ.

Эта оборонительная стѣна*), защищавшая городъ отъ многочисленныхъ кочевниковъ Тавриды, сохранилась до сихъ поръ. И теперь еще можно видѣть три различныя кладки стѣны, характерныя для трехъ періодовъ почти двухтысячелѣтняго существованія города.

Нижняя кладка — прекрасно облицованные и пригнанные огромные камни древне-греческаго періода (VI до Р. X.).

Средняя кладка — хуже и грубѣе пригнанные камни римскаго владычества (II-IV в. по Р. X.).

И еще хуже кладка позднѣйшаго Византійскаго періода до половины XIV в. по Р. X.

Къ счастью до насъ дошли описанія Херсонеса древними писателями.

Помпоній Мела (40 л. до Р. X.) описываетъ находившуюся въ центрѣ города цитадель, массу статуй на улицахъ и площадяхъ; онъ пишетъ, что почти въ каждомъ домѣ былъ свой колодезь или цистерна, кромѣ общественаго водопровода, акведукомъ доставлявшаго воду изъ рѣкъ Таврическихъ горъ.

*) Плиніи относитъ ея постройку къ IV в. до Р. X. Стѣны до 1 сажени толщины постоянно ремонтировались и указываютъ, какія средства тратилъ городъ на свою оборону.

Главная улица, шириною въ 20 локтей, съ домами, тѣсно прилежавшими другъ къ другу, вела отъ главныхъ воротъ, черезъ площадь рынка къ главному порту.

Благодаря обилію воды, окрестности города и его пригороды были покрыты цвѣтущими садами и виноградниками, гдѣ теперь повсюду видишь только пустынную, каменистую степь.

Занятія жителей, кромѣ торговли, состояли въ виноградарствѣ и винодѣліи, очень искуснаго, судя по оставшимся многочисленнымъ цистернамъ, глинянымъ амфора́мъ и каменнымъ колодамъ для давки винограда.

Во время постройки Севастополя, при Потемкинѣ, была найдена мраморная плита съ надписью IV в. до Р. Х. «Народъ — Агазеклиту, который содѣйствовалъ развитію винодѣлія въ деревняхъ».

Въ I-мъ вѣкѣ по Р. Х. Плиній Старшій говоритъ о Херсонесѣ, какъ объ очень благоустроенномъ городѣ.

Стробонъ описываетъ святилище Дѣвы и ея статую около пританея — алтаря города.

Были въ городѣ также храмы Афродиты, Діониса, Пана, Геракла — патрона города.

Херсонесъ — городъ республика съ демократическимъ образомъ правленія*). Верховная власть принадлежить народному Собранію и Совѣту на выборныхъ началахъ.

Общественная жизнь и гражданскія чувства очень развиты въ древнемъ городѣ. Херсонесецъ клянется: «ограждать свой городъ, свою свободу и свято хранить секреты своей республики отъ элиновъ и варваровъ».

Народъ вѣнчаетъ золотымъ вѣнкомъ извѣстнаго писателя III-го в. до Р. Х. Сириска за его историческій трудъ о Херсонесѣ, за то, что «явленіе богини Дѣвы онъ описалъ и съ городами и царями бывшія дружественныя отношенія изслѣдовалъ правдиво и согласно съ достоинствомъ государства».

*) «Копія съ Мегарской республики.

Эта надпись по постановленію Народнаго Собранія и Совѣта была выгравирована на мраморной доскѣ и выставлена у храма Дѣвы.

Аѳинская культура царитъ въ городѣ такъ же, какъ и въ другихъ греческихъ городахъ Тавриды время Перикла.

Жители Херсонеса ѣздятъ въ Аѳины на игры и состязанія и въ 1899 году была найдена великолѣпная ваза, привезенная херсонесцами изъ Аѳинъ, какъ трофея побѣды на играхъ.

Въ Херсонесѣ были свои философы*), поэты, писатели, историки, гимназій, школы.

Въ раскопкахъ, начатыхъ со времени покоренія Екатериной Крыма, найдена масса греческой чернолаковой посуды античнаго періода, а также вазы и золотыя издѣлія съ изображеніемъ культа древней жизни.

Много посуды и издѣлій со штемпелями острововъ Родоса, Александрій, Синопя.

Все свидѣтельствуетъ о высокой эллинской культурѣ города.

Найденныя монеты всего древняго міра говорятъ объ обширности торговли Херсонеса.

Въ блестящій періодъ своего существованія, въ I-мъ вѣкѣ до Р. Х. Херсонесу пришлось столкнуться съ мощью Скиѣскаго царства, достигшаго своего апогея при царѣ Скилурѣ.

Скиѣы вступили въ борьбу съ греками. Эта борьба была длительна и окончилась побѣдой Херсонеса, поддер-

*) Проф. Кэмбриджскаго универс. Кларкъ видѣлъ въ развалинахъ древняго Херсонеса барельефъ надъ склепомъ, внѣ стѣнъ города, изображавшій греческаго философа Теогена съ женой «великолѣпное произведеніе херсонскаго искусства» пишетъ Кларкъ. На барельефѣ подпись: Теогенъ, сынъ Хрестіона и его жена Ульпія Макарія, въ возрастѣ 65 и 52 года. У философа въ рукахъ манускриптъ. Онъ въ сандаляхъ. Жена одѣта по гречески въ длинномъ платьѣ въ складкахъ. У обоихъ цвѣтушій видъ. За 200 л. до Р. Х.».

жаннаго своеѣ метрополіей и могущественнымъ Босфорскимъ царемъ Митридатомъ, въ лицѣ его блестящаго полководца Діафанта.

Скилуръ воздвигъ противъ Херсонесской республики крѣпости: Палакіонъ — на мѣстѣ Балаклавы въ честь своего сына Палака, Хивонъ, можетъ быть, на высотахъ Инкермана, Неаполисъ — на мѣстѣ нынѣшняго Симфорополя и захватилъ часть владѣній Херсонесской республики.

Діафантъ разбилъ Скилура, взялъ Неаполисъ и Палакіонъ и въ честь этой побѣды херсонесцы поставили ему статую, пьедесталь которой хранится въ Эрмитажѣ.

Царь Скилуръ бѣжалъ, по преданію, въ Чуфуть-Калэ и, кончая жизнь самоубійствомъ, далъ знаменитый завѣтъ своимъ сыновьямъ — жить дружно и нераздѣльно. Его девизъ — не ломающійся снопъ прутьевъ — иллюстрація силы единенія черезъ много столѣтій былъ принятъ, какъ государственный гербъ Голландской республикой: «*Vis unita fortior*».

Послѣ пораженія Скилура, борьба между элинами и скиѣами продолжалась (между сыномъ Скилура Полакомъ и сыномъ Митридата Фарнакомъ) и закончилась поражениемъ скиѣовъ, захирѣвшее царство которыхъ недолго существовало, скиѣы растворились въ народахъ, населившихъ Тавриду.

Пока жилъ Митридатъ Великій, самъ грекъ, ненавидѣвшій Римъ и мечтавшій сдѣлать свое Босфорское царство центромъ древняго міра, Херсонесская республика была независима въ союзѣ съ Пантикапеей. Но Митридатъ погибъ въ героической борьбѣ съ Римомъ и его великое національное дѣло было предано Риму его любимымъ сыномъ.

Пантикапея, а съ нею и Херсонесъ, перестали существовать, какъ независимыя государства, и какъ провинціи вошли въ составъ Римской имперіи.

Римляне посылаютъ свои гарнизоны въ Пантикапею, Херсонесъ, Ай-Тодоръ и др. пункты для наблюденія за

греками и продвиженіемъ варваровъ на Таврической полуостровъ *).

Впослѣдствіи Херсонесъ разбилъ сарматовъ, смѣнившихъ скиѣовъ напавшихъ на римскія владѣнія и за это получилъ отъ имп. Діоклетіана «тѣнь былой независимости».

Юстиніанъ I-ый очень заботившійся о Тавридѣ, много помогаль Херсонесу.

Отдаленность Тавриды отъ Рима сдѣлала ее мѣстомъ ссылки преступниковъ и первыхъ христіанъ.

Христіанство стало распространяться на Таврическомъ полуостровѣ въ первые же годы апостольскаго вѣроученія, благодаря вѣками налаженному сношенію съ древнимъ міромъ.

По свидѣтельству іеромонаха Епифанія, первымъ проповѣдникомъ Евангелія въ Пантикапее и Θεодосіи былъ апостоль Андрей Первозванный, черезъ Херсонесъ возвратившійся въ Синопъ.

Херсонесъ, ближайшій къ западу цвѣтушій городъ, принималъ наибольшее количество проповѣдниковъ.

Исторія распространенія христіанства въ Тавридѣ, имѣющая для насъ такое большое значеніе, — такъ какъ мы отсюда получили крещеніе въ Православную вѣру, — эта исторія имѣла также своихъ мучениковъ и подвижниковъ.

По преданію, первый епископъ христіанскаго Рима, Климентій I-ый, ученикъ и молодой другъ апостола Петра, изъ рукъ котораго онъ принялъ священство, былъ посланъ императоромъ Трояномъ изъ Рима въ Таврію со слѣдующей резолюціей: «Да на заточеніе въ Понтъ на мѣсто пусто, близъ Херсонеса, посланъ будетъ».

*) «Послѣднія историческія свѣдѣнія о скиѣскомъ царствѣ относятся къ эпохѣ Александра» (М. Ростовцевъ). Таврида привлекала вниманіе Рима богатствомъ своего сырья и обширностью рынка для сбыта итальянскихъ издѣлій.

Климентъ I-ый, патрицій по рожденію, получившій прекрасное образованіе, талантливый писатель и сотрудникъ Ап. Павла въ его посланіяхъ къ Аѳинянамъ, благодаря своей энергіи и краснорѣчію, основалъ до 75 общинъ на Херсонесской землѣ. Услышавъ объ этомъ, имп. Траянъ послалъ своего вѣрнаго человѣка Алфидіона, который приплывъ въ Херсонесъ, схватилъ Климента, привязалъ ему якорь къ ногамъ и утопилъ его на глазахъ жителей Херсонеса, около 103 г. по Р. Х.

По преданію, друзья Климента вынули его тѣло изъ мелкой бухты и похоронили на островѣ, въ теперешней Казачьей бухтѣ, въ маленькой часовнѣ.

Объ этой церковкѣ упоминаетъ Рубруквизъ: «Мы видѣли, — пишетъ онъ, — въ странѣ Хозаріи*), имѣющей форму треугольника, городъ Херсонесъ, гдѣ св. Климентъ былъ замученъ, а проплывъ мимо города, видѣли островъ, гдѣ стоитъ церковь, построенная будто бы руками ангеловъ».

Позднѣе папа Римскій Мартинъ тоже былъ сосланъ въ Херсонесъ и скончался въ немъ. Въ концѣ I-го вѣка среди многочисленныхъ другихъ ссыльныхъ христіанъ была племянница имп. Тита Домиціана и мн. др.

Первые христіане, гонимые за свою вѣру, долгое время прятались въ пещерахъ Таврическихъ горъ. Тепе-Керменъ, со множествомъ готовыхъ пещеръ-келій, собралъ въ своихъ стѣнахъ особенно много первыхъ христіанъ, оставившихъ послѣ себя въ мѣстныхъ криптахъ массу своихъ костей и разваливъ часовень.

То-же было и въ другихъ пещерныхъ горахъ Крыма.

По утрамъ, когда бѣлыя, мѣловыя горы розовѣли отъ восходящаго солнца, колоколь пещерной церкви впервые будилъ зеленую долину, собирая «алчущихъ и жаждущихъ правды».

Въ IV вѣкѣ, имп. Константинъ провозгласилъ хри-

стіанство государственной религіей и Херсонесъ, перешедшій по наслѣдству отъ Рима къ Византіи, сталъ получать отъ нея своихъ епископовъ.

«Послѣдніе годы Константина Великаго, — говоритъ одинъ херсонесскій историкъ, — были прекрасной порой въ политической жизни херсонесцевъ».

Но это была уже послѣдняя «лебединая пѣсня» античнаго города.

Около 375 года съ нашествіемъ гунновъ, начинается рядъ послѣдовательныхъ вторженій азіатскихъ народовъ въ Тавриду и всѣ они грабятъ Херсонесъ, какъ завидную добычу, несмотря на то, что въ городѣ находится сильный византійскій гарнизонъ.

Гунны разграбили городъ, но имп. Юстиніанъ много вниманія удѣлявшій Тавридѣ, опять привелъ Херсонесъ въ «прекрасный и прочный видъ», какъ пишетъ Прокопій.

Дальнѣйшіе годы — годы длительной агоніи древняго города.

Сарматы, авары, хозары, русскіе, печенѣги, половцы, татары, генуэзцы и, наконецъ, литовцы, добавили Херсонесъ.

Въ IX вѣкѣ въ Таврію-Хозарію того времени, по зову императора византійскаго, братья Кирилль и Меѳодій, образованнѣйшіе люди своего времени, поѣхали въ Херсонесъ, дабы обратить въ христіанство хозаръ и перевезти мощи св. Климента въ Римъ.

Въ Херсонесѣ братья, благодаря своимъ исключительнымъ дарованіямъ, быстро изучили еврейскій, хозарскій и русскій языки*).

*) Еврейская колонія въ Херсонесѣ была многочисленна и вліятельна; у нихъ были синагоги въ Херсонесѣ и Пантикапесѣ.

Близъ Дербента въ найденномъ пергаментѣ говорится, что «Камбизъ обратилъ на нихъ милость. Израильтяне и Мидійцы, возвратившись съ войны, забрали своихъ и дѣтей, имущество и поселились въ Херсонесѣ, гдѣ отецъ Камбизъ оставилъ по себѣ славу и память». Въ Херсонесѣ въ У-омъ вѣкѣ родился извѣстный писатель-церкви, скиѳъ Іоаннъ Кассіанъ, обличитель несторіанцевъ.

*) Въ то время въ Крыму хозяйничали хозары.

Св. Кирилль избрѣлъ русскія письма — Кириллицу, братья перевели Евангеліе на славянскій языкъ, установили церковную службу и сдѣлались первыми просвѣтителями древней Руси.

Въ Херсонесѣ они крестили около 200 хозарь, встрѣтившихъ братьевъ очень дружелюбно, хотя сами праняли іудейскую вѣру.

Это было время исканія вѣры народами, населявшими Хозарію и часто посѣщавшими ее русскими славянами.

Вскорѣ братья возвратились на Балканы опять къ своимъ научнымъ трудамъ и св. Кирилль (Константинъ-философъ) умеръ въ 869 году и былъ похороненъ въ Римѣ въ церкви св. Климента, куда онъ ранѣе перевезъ его мощи.

Въ IX вѣкѣ Херсонесъ все еще сильная крѣпость, когда Кіевскій князь Владиміръ взялъ его, крестился въ немъ и захвативъ мощи св. Фавы, ученика св. Климента, а также «Корсунскія иконы Спаса, Божьей Матери, и ап. Петра и Павла*)» возвратился въ Кіевъ, гдѣ и произошло крещеніе Руси. Со времени похода св. Владиміра въ Херсонесъ есѣ иностранныя художественныя произведенія назывались въ Кіевской Руси — «корсунскими».

Присоединеніе христіанскаго Крыма, готской епархіи, къ Византійской церкви совпало съ Аріанскимъ и иконоборческимъ движеніемъ. Таврида стала убѣжищемъ аріанъ, прочно основавшихся въ Херсонесѣ и бѣгнущевъ отъ иконоборства. Сюда бѣжали со своими драгоценными иконами отшельники и аскеты, поселялись въ неисчислимыя пещерахъ и опять, какъ въ былыя времена первыхъ христіанъ, распространяли свою вѣру среди готовъ и другихъ народовъ. По преданію царь гунновъ Гордь крестился въ Θεодосіи въ 530 г. и былъ убитъ народомъ за то, что повелѣлъ уничтожить янтарные и золотые ихъ кумиры.

Аскетическая жизнь византійскихъ отшельниковъ въ

*) Первые двѣ иконы хранятся въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ, а послѣдняя въ Новгородѣ, въ Софійскомъ соборѣ.

пещерахъ, гдѣ по вечерамъ горѣла лампадка передъ иконами, а по утрамъ тихій звонъ пещерной церкви встрѣчалъ утреннюю зарю, гдѣ все располагало къ созерцанію и самоуглубленію, пришлось особенно по сердцу славянамъ древней Руси, поддерживавшихъ тѣсныя торговыя связи съ Тавридой.

Каждый народъ воспринимаетъ христіанство по своему и русскіе славяне перенесли отсюда въ свою страну стремленіе уйти отъ міра въ монастырь, въ скитъ и лучше всего въ пещеру, въ горы. И пошли по Руси скиты въ ея дремучихъ лѣсахъ, печерскіе (пещерные) монастыри и появились иконописцы съ неподражаемой силой изображенія религіознаго чувства.

Не было въ Россіи ни одной избы, гдѣ въ красномъ углу не пріютилась бы икона, долженствующая воспріять горести и радости русскаго человѣка.

Что не могли сдѣлать никакія полчища дикихъ и воинственныхъ кочевниковъ, сдѣлала обновленная итальянская культура и промышленность эпохи Возрожденія.

Херсонесъ не въ силахъ конкурировать съ ней и напрасно жалуется въ Византію на попустительство итальянцевъ въ Черное море.

Когда же при Махилѣ Палеологѣ, покровительствовавшемъ генуэзцамъ, Генуя добилась запрещенія входа коммерческихъ судовъ въ Херсонесскую бухту, городъ обдѣлѣлъ и захирѣлъ окончательно.

Наконецъ литовскій князь Ольгердъ разгромилъ Херсонесъ въ 1362 году и жители разбѣжались, кто куда могъ: на свою старую родину въ Малую Азію, въ Константинополь, въ богатѣвшія Кафу и Сугдаю.

Херсонесъ, существовавшій 2.000 лѣтъ, связавшій въ теченіе послѣднихъ вѣковъ свою судьбу съ Византіей, погибъ окончательно съ нею.

Турки, пришедшіе въ Крымъ послѣ завоеванія Константинополя, увезли архитектурные остатки Херсонеса

для украшения своихъ правительственныхъ и частныхъ зданій.

Мартинъ Броневскій, посѣтившій Херсонесъ вскорѣ послѣ разгрома турками южнаго берега Тавриды, нашель: «Нѣкогда славный и великолѣпный городъ грековъ, древнѣйшій на полуостровѣ и знаменитый своей отличной гаванью, уже много вѣковъ необитаемъ.

Его развалины показываютъ удивительное искусство и роскошь.

Все еще виденъ дворецъ, окруженный огромными стѣнами и великолѣпными воротами».

ЕКАТЕРИНА ВЪ ЛАСПИ, ВЪ СИМФЕРОПОЛѢ И ВЪ КАРАСУБАЗАРѢ.

Изъ Севастополя Екатерина въ сопровожденіи имп. Юсифа II-го посѣтила Байдарскую долину и прилегающую къ ней мѣстность Ласпи.

Въ шагръ подъ грецкимъ орѣхомъ въ деревнѣ Скеле, Екатерина принимала привѣтствія населенія Байдарской долины.

Старый орѣхъ съ обрубками когда то могучихъ вѣтвей, съ перекрученными корнями, омываемыми Черной рѣчкой все еще покрытъ душистыми зелеными листьями.

Этотъ орѣхъ видѣлъ на своемъ вѣку не только Екатерину, ханскихъ татаръ, но, навѣрное, готовъ, генуэзцевъ, а можетъ быть и тавровъ.

Изъ Скеле монархи поѣхали верхомъ черезъ переваль Яйлы въ Ласпи*), гдѣ любовались синими излучинами морского берега, кудрявыми лѣсами и полянами, полными цвѣтовъ.

Екатерина была въ восторгѣ отъ Ласпи, назвала Крымъ «жемчужина въ моей коронѣ» и поручила фран-

*) Ласпи — грязь по гречески. М. б. масса истачниковъ оправдываютъ это названіе.

цузу Рувье привезти изъ Испаніи мадерскихъ и малагскихъ сортовъ винограда, а также открыть здѣсь винодѣльческую школу.

Вернувшись въ Севастополь Екатерина поѣхала со своей свитой въ Симферополь, Карасубазаръ, Судакъ, Старый Крымъ, Кафу и Керчь.

Екатерина посѣтила Акъ-Мечеть, переименовавъ ее въ Симферополь.

Городъ утопалъ въ садахъ Салгира, гдѣ шумѣли четыре водяныя мельницы и на берегу стоялъ дворецъ Калги-хана съ тремя бѣлыми минаретами и куполомъ бани, возвышавшихся надъ густой зеленью сада.

Академикъ Палласъ, жившій въ Салгирскомъ дворцѣ, много способствовалъ сохраненію старины Акъ-Мечети и особенно ея фонтановъ.

Татарская крѣпость Керменчикъ была построена на развалинахъ древне-скиѣскаго города Неаполиса, укрѣпленнаго царемъ Скигуромъ въ I-омъ вѣкѣ до Р. Х.

Нѣсколько мраморныхъ платъ, найденныхъ на мѣстѣ древняго Неаполиса въ 1827 году хранятся въ Одесскомъ музеѣ древностей. На одной изъ нихъ надпись: «Царь Скилуръ, царъ великій въ 30 лѣтъ своего царствованія», на другой — «Юпитеру Атавирскому Посидей Посидеевъ посвящаетъ» и т. д.

Археологія обязана Султану Александру Ивановичу Крымъ-Гирею замѣчательной находкой барельефа, изображающаго царя Скилурѣ верхомъ на неосѣдланной лошади.

Скилуръ — въ скиѣской (фригійской) шапочкѣ, съ длинными волосами. Скиѣскіе штаны, перехваченные у ступни, поясъ, широкій плащъ въ глубокихъ складкахъ, спадаетъ съ праваго плеча.

Этотъ замѣчательный памятникъ, Султанъ Гирей купилъ у татарина, везшаго барельефъ на постройку.

Дюбуа де Монпере, жившій въ Симферополѣ въ 1830 году и производившій здѣсь свои замѣчательныя археоло-

гическія раскопки, пишетъ: «Достоинo вниманія, что тутъ въ одной и той же гробницѣ, мы нашли и римскую застежку (fibula) и ключъ греческаго ларчика и янтарь съ Балтійскаго берега и обручи и нашейники скиѣскіе, — и все это въ могилахъ время Скиѣскаго царя Скилура».

Для приѣма Екатерины, Потемкинъ устроилъ въ Карасубазарѣ паркъ въ англійскомъ вкусѣ съ элегантнѣмъ дворцомъ.

Когда Екатерина вышла въ паркъ, чтобы отдохнуть послѣ знойнаго дня въ свѣжести вечера и журчащихъ фонтановъ, она увидѣла всѣ окружающіе холмы иллюминированные, а въ центрѣ Ширинской горы блистала свѣтящійся шифръ императрицы. Съ вершины горы, гдѣ собирался родъ мѣстнаго вѣча подѣ предводительствомъ Ширинъ-беевъ, почитавшихся защитниками народной свободы, былъ зажегнъ великолѣпный фейерверкъ. Стоявшему подлѣ гр. де Сегюру Екатерина сказала, любуясь фееричнѣмъ зрѣлищемъ:

«Меня упрекаютъ въ расточительности. Но я устраиваю празднества не столько для любованія ими, какъ для знакомства съ мѣстными людьми».

Карасубазаръ славился въ ханскія времена своими богоугодными заведеніями, гостиницами, кофейнями, гдѣ играли музыканты и бродячіе пѣвцы «баладины» пѣли старыя сказанія.

Были гостиницы, содержавшіяся на средства богатыхъ беевъ и мурзь для бѣдныхъ странниковъ. Около нихъ, по рассказамъ мѣстныхъ стариковъ, продавались прекрасныя черкешенки. Иногда бей и мурзы «изъ жалости къ несчастнымъ невольницамъ, выкупали ихъ за большія деньги у алчныхъ торговцевъ».

Однажды купцы пригнали 1.100 дѣвушекъ отъ 12 до 15 лѣтъ. Онѣ силой были отобраны у торговцевъ и розданы всѣмъ, кто пожелалъ ихъ взять въ жены или дочери.

А купцы получили столько ударовъ по пяткамъ, сколько каждый изъ нихъ привелъ невольницъ.

«Съ тѣхъ поръ, — говорили старики, — никто не приводилъ въ Карасубазаръ невольницъ, неприятныхъ для нашихъ женъ и дочерей».

Карасубазаръ — городъ неограниченнаго вліянія князей Ширинскихъ, мѣстныхъ помѣщиковъ, первыхъ сановниковъ Крымскаго ханства, имѣвшихъ часто въ женахъ ханскихъ дочерей и свое особое знамя во время войнъ.

Въ ихъ имѣніяхъ разрабатывался порохъ и безконечны были княжескіе фруктовые сады по берегамъ р. Карасовки.

СУДАКЪ И СТАРЫЙ КРЫМЪ.

Судакъ — по русски Сурожъ, по гречески Сугдея, по генуэзски Солдая, издревле славился своей торговлей и назывался въ древней Руси «Великимъ торжищемъ».

Товары: китайскій шелкъ, венеціанскій бархатъ и бисеръ и прочіе «суровскіе» товары шли въ Сурожъ изъ Индіи, Китая, Персіи, Малой Азіи и море, омывающее Судакъ, называлось Сурожскимъ моремъ.

Кромѣ различныхъ товаровъ, продававшихся въ Москвѣ въ «Суровскихъ рядахъ», Русь покупала много прекраснаго Сурожскаго вина*).

Судакская долина, прекрасно защищенная отъ вѣтровъ, съ очень плодородной почвой и обиліемъ воды, самая большая на южномъ берегу Крыма привлекала съ давнихъ поръ разные народы.

Первыя свѣдѣнія о греческой Сугдеи попадаютъ въ 212 г. по Р. Х., а въ VIII вѣкѣ городъ выходитъ на всемірную арену въ лицѣ своего епископа Стефана Сурожскаго, просвѣтителя края и участника 2-го Никейскаго Собора 787 года.

*) И въ настоящее время Судакская долина собираетъ около 1/4 всего винограда въ Крыму.

Это было время иконоборчества, имѣвшаго такое вліяніе на только что слагавшуюся православную вѣру древней Руси...

Въ это время въ Тавридѣ хозяйничали хозары и полуостровъ назывался Хозаріей. Въ Судакѣ ихъ власть была не только мягка, — Стефану Сурожскому въ дѣлѣ распространения христіанства помогалъ хозарскій намѣстникъ Юрій Тарханъ — самъ христіанинъ.

Въ это время, т. е. за 100 лѣтъ до призванія варяговъ и пришествія Рюрика въ Кіевъ, Сурожъ уже былъ связанъ сношеніями съ древней Русью, хотя эти сношенія въ началѣ имѣли грабительскія цѣли.

Въ житіи Стефана Сурожскаго разсказывается, какъ: «По смерти святого мала лѣтъ мину, прійде рать велика русская изъ Новгорода, князь Бравлинъ, силенъ зѣло, плѣни отъ Коркуня до Керчи.

Со мною силою прійде къ Сурожу за десять дней бишася зѣло между себѣ. И по десяти дней вниде Бравлинъ силою, изломавъ желѣзныя врата и вниде въ градъ».

Далѣе разсказывается, какъ князь вошелъ въ церковь св. Софіи, построенной Стефаномъ Сурожскимъ, гдѣ онъ недавно былъ погребенъ. Князь, прельстившись покрываломъ, вышитымъ драгоценными камнями и жемчугомъ, лежавшимъ на гробницѣ святителя, сдернулъ его, чтобы унести и вдругъ упалъ пораженный падучей болѣзью.

Князь крестится и возвращаетъ все награбленное добро сурожанамъ.

Но новгородскіе ушкуйники не только разбойники: они несутъ въ свой Новгородъ знакомство съ новыми странами и новыми людьми и, главное, устанавливають торговныя сношенія съ ними.

И очень скоро по веснамъ стали появляться русскіе купцы съ пушшиной, янтаремъ, полотнами и обмѣнявъ ихъ въ Сурожѣ на заморскіе товары возвращались по сушѣ черезъ Салхатъ или на корабляхъ по морю и Днѣпру въ Кіевъ, а далѣе «волокомъ» въ свой родной торговый Нов-

городъ. Въ XI вѣкѣ это былъ уже привычный, крѣпко налаженный путь.

Русскіе купцы имѣли уже свои гостиницы и торговые склады въ Сурожѣ. Рубруквисъ, высадившійся на Судакскій берегъ въ 1253 г., проѣздомъ въ Золотую Орду къ Батью, пишетъ, что въ Сурожѣ много церквей и гостиницъ и что ему совѣтовали ѣхать дальше, взявъ въ попутчики русскихъ купцовъ.

Сугдея растетъ, богатѣетъ, населенная разнообразными народами: русскими, греками, армянами, генуэзцами, татарами.

Богатую Сугдею грабили кто могъ, и она по возможности откупалась отъ кочевниковъ данью, которую платила послѣдовательно всѣмъ временнымъ хозяевамъ Тавриды: готамъ, хозарамъ, печенѣгамъ, половцамъ, татарамъ.

Ее грабилъ Хоза-Булатъ и Мамай, убитый по преданію генуэзцами за грабежъ ихъ богатой колоніи и похороненный въ курганѣ по дорогѣ въ Салхатъ.

Дмитрій Донской отправляясь на войну съ Мамаемъ беретъ себѣ въ проводники десять сурожанъ, а разбитый Мамай «добеже, идеже есть градъ Кафа».

Таковы историческіе слѣды, ведущіе изъ древней Руси въ Сурожъ.

Вскорѣ послѣ татаръ пришли въ Крымъ венеціанцы и генуэзцы, захватившіе весь южный берегъ Крыма.

Несмотря на кратковременное пребываніе въ Крыму, генуэзцы и отчасти венеціанцы вписали самыя блестящія страницы въ исторію этого полуострова.

Первыми пришли въ Судакъ венеціанскіе купцы и открыли здѣсь свою факторію; въ числѣ ихъ былъ братъ знаменитаго путешественника вглубь Азіи Марко Поло.

Въ 1365 году Сугдея съ 18-ю окружными селеніями была присоединена генуэзцами къ Кафѣ послѣ упорной борьбы съ венеціанцами.

Генуэзцы начали посылать сюда своихъ консуловъ, отстроили вновь старый греческій Сугдейскій замокъ, воз-

вели стѣну для защиты города съ моря и украсили крѣпость своими гербами, эмблемами св. Георгія и надписями.

Укрѣпившись въ Судакѣ генуэзцы подчинили себѣ жившихъ здѣсь грековъ и латинское духовенство стало тѣснить греческое. Броневскій, посѣтившій Судакъ въ 1578 году, говоритъ, что слышалъ отъ тамошнихъ грековъ, что отцы ихъ, у которыхъ генуэзцы отняли Сугдею — строили церкви-часовенки при своихъ домахъ и ихъ было нѣсколько сотъ.

Въ 1475 году турки разворили городъ, перерѣзали всѣхъ не успѣвшихъ бѣжать, оставивъ, по описанію Броневского, «3 огромныя крѣпости, множество греческихъ церквей и массу развалинъ».

Уже не суждено было оправиться Судаку послѣ турецкаго разоренія. Турки заперли Черное море для иностранныхъ кораблей, торговля пала, Судакъ хирѣлъ и разрушался такъ, что во время присоединенія Крыма къ Россіи представлялъ изъ себя груду развалинъ.

Екатерина обратила вниманіе на Судакскіе виноградники и винодѣліе и Палласъ всталъ во главѣ вновь открытой здѣсь винодѣльческой школы, выписавъ подходящія къ Судакской долинѣ венгерскія лозы винограда. Но школа захирѣла послѣ смерти такъ много сдѣлавшаго для нея и вообще для Крыма Палласа.

И опять Судакъ становится излюбленнымъ мѣстомъ поселенія первыхъ русскихъ помѣщиковъ, пришедшихъ вслѣдъ за Екатериной въ Крымъ къ теплому морю, солнечному югу.

«Первымъ помѣщикомъ былъ, конечно, Потемкинъ, всеобщій крымскій помѣщикъ, особенно возлюбившій Судакъ, — пишетъ въ своихъ «Крымскихъ Очеркахъ» С. Елпатьевскій. — Были и отчасти существуютъ Ривеліотти, Паскевичи, Капнисты, принцъ Нассаускій и другіе. Пріѣзжавшій въ Судакъ въ 1825 году Грибоѣдовъ ночевалъ въ домѣ своего пріятеля барона Бодэ. Грибоѣдовъ писалъ о веселыхъ домикахъ, судакскихъ помѣщиковъ, «всеобщихъ

наслѣдниковъ», какъ онъ ихъ называетъ. С. Елпатьевскій засталъ еще въ этомъ домѣ остатки прошлаго: «старинная мебель, старинные часы и зеркала, старыя декоративныя деревья, фамиліные склепы — я нашелъ старую бібліотеку; хранится бюстъ Александра I-го съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ въ садикѣ того дома, гдѣ останавливался Грибоѣдовъ».

«Судакская долина была единственная, куда давно, больше ста лѣтъ, проникла русская культура, дворянская, помѣщичья, старая культура..»

Кто знаетъ точно, — заканчиваетъ С. Елпатьевскій — когда возникла древняя греческая Сугдея?

Здѣсь все — сны, все — сонныя видѣнія»*).

СТАРЫЙ КРЫМЪ.

Изъ Судака Екатерина поѣхала въ Старый Крымъ, Салхатъ, столицу первыхъ Крымскихъ хановъ, въ сопровожденіи имп. Іосифа II-го.

Историкъ Крымскаго ханства проф. Смирновъ пишетъ, что «Старый Крымъ буквально стоитъ на древностяхъ, которыя частью видны на поверхности, частью еще покоятся въ нѣдрахъ земли.

Старый Крымъ долженъ былъ бы быть цѣлымъ музеемъ древностей, если бы не хищничество нынѣшнихъ обитателей».

На мѣстѣ Старога Крыма по Птоломею находился городъ киммерійцевъ Киммеріонъ, одинъ изъ центровъ хлѣбной торговли въ древности.

Ориенталистъ Дегинъ писалъ о Салхатѣ: «Это былъ великолѣпный городъ, Рибарсъ, который царствовалъ въ Египтѣ, и который былъ родомъ изъ Крымскаго ханства, захотѣлъ увѣковѣчить свое имя и мѣсто своего рожденія, построилъ въ Салхатѣ съ разрѣшенія хана Менгу-Тимура

*) С. Елпатьевскій. «Крымскіе очерки». Книгоиздательство писателей въ Москвѣ. 1815 г.

прекрасную мечеть съ бѣлыми мраморными стѣнами и порфировымъ потолкомъ.

Каффа, менѣе украшенная зданіями, сдѣлалась знаменитой своей торговлей.

Менгу-Тимуръ, вступившій на престолъ въ 1269 году воевалъ побѣдносно противъ Михаила Палеолога. А рускіе князья, покоренные монголами, обязанные появляться при его дворѣ, сопровождали хана въ его войнахъ противъ болгаръ и румынъ»^{*)}).

Де Пейссонель видѣлъ въ городѣ большіе заброшенные колледжи, гдѣ преподавались, по его словамъ, всѣ науки.

«Страна полного благоденствія, — пишетъ онъ, — вездѣ были гостиницы, гдѣ теперь видишь только козъ и дикихъ барановъ. Прежде здѣсь торговля обогащала жителей. Теперь это жалкое мѣстечко съ нѣсколькими татарскими и еврейскими домиками.

Генуэзцы, бывшіе въ то время очень сильными на морѣ, завладѣли сосѣдней Кафой и сдѣлали ее цвѣтущимъ городомъ».

Де Бай пишетъ, что ханы, царствовавшіе въ Старомъ Крыму были очень богаты своими торговыми сношеніями съ Азіей и старинная великолѣпная мечеть хана Узбека, съ богатой скульптурой — памятникъ азіатской цивилизаціи татаръ^{**)}).

Въ 1820 году Вертанезъ Медици, настоятель армянской церкви въ Карасубазарѣ, видѣлъ около Старога Крыма «огромную равнину, покрытую остатками зданій, хорошо сохранившійся ханскій дворецъ на берегу маленькой рѣчки — резиденція русскаго архіерея.

На горѣ въ живописной мѣстности — старинный армянскій монастырь, построенный въ 1340 году, роскошныя бани и множество гробницъ».

Во время своего пребыванія въ Старомъ Крыму Ека-

*) Desguines. Voyage en Tatarie. 1754 г.

***) De Baye. Les Goths en Crimée.

терина и Потемкинъ, остановились въ построенной для императрицы красивой и обширной виллѣ.

Особенно интересны записки о Старомъ Крымѣ англійскаго путешественника Кларкъ, профессора Кембриджскаго Университета, посѣтившаго Крымъ въ 1801 году, т. е. черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ присоединенія его къ Россіи.

Персѣхавъ бѣло-каменный массивный мостъ, напоминающій римскіе мосты, въ окрестностяхъ Θεодосіи, Кларкъ со своими спутниками, тоже учеными англичанами, въѣхалъ въ цвѣтущую долину Солхата среди руинъ разныхъ зданій и мечетей «съ остатками большого великолѣпія».

«Мы вошли, — пишетъ онъ, — въ одно зданіе, еще совершенно удѣлѣвшее, окруженное восемью комнатами и покрытое прекраснымъ куполомъ. На старинной штукатуркѣ, покрывающей стѣны — фрески въ краскахъ. Точь въ точь въ стилѣ храмовъ Венеры и Діаны въ Италіи. Бани, построенныя римлянами!

Фрески и скульптура съ отвратительными изображеніями оргій, о которыхъ писатели древности насъ осѣдомляютъ, украшаютъ эти теплыя бани».

Среди руинъ покрытыхъ чудной зеленью стояла вилла для пребыванія Екатерины въ Старомъ Крыму. Вилла со спальней, великолѣпной ванной — Екатерина брала ежедневно холодную ванну — съ большимъ заломъ, съ маленькой часовней и нѣсколькими апартаментами для свиты.

Лѣкарственныя травы, растущія безъ всякаго ухода въ изобиліи въ этой долинѣ — лежали сухія въ одной изъ комнатъ.

Эти травы во множествѣ собирали и сушили монахи армянскаго монастыря для лѣкарственныхъ надобностей населенія.

Въ главѣ о Крымскомъ ханствѣ, я упоминала о томъ, что ориенталистъ Дегинъ, говоря о зеленой прелести Салхата, упоминаетъ, что «особой славой пользовались здѣш-

нія цвѣточныя ванны изъ луговыхъ цвѣтовъ, покрывавшихъ окрестности города».

Можетъ быть эти теплыя бани Салхата еще въ древности славились своими ваннами изъ окрестныхъ цвѣбныхъ травъ.

Давно заброшена Екатерининская вила и ничто не нарушаетъ меланхоличнаго заустѣнія этого уединеннаго чарующаго уголка.

ΘЕОДОСІЯ — КАФА.

Изъ Стараго Крыма, Екатерина поѣхала въ Кафу, возстановивъ ей древне-греческое имя Θεοδοσία — въ переводѣ съ греческаго — «богомъ данная».

Это самый долговѣчный городъ Крыма, насчитывающій за собой уже болѣе 2.500 лѣтъ!

У тавро-скиѳовъ Θεοδοσία называлась Ардава — «городъ семи холмовъ» и анонимный авторъ перипла Понта Евксинскаго, сообщаетъ, что тавро-скиѳы вели торговлю съ Индїей черезъ Ардаву.

Θеοδοσία уже существовала въ VI-омъ вѣкѣ до Р. Х., основанная милетцами и это уже былъ ея блестящій періодъ существованія.

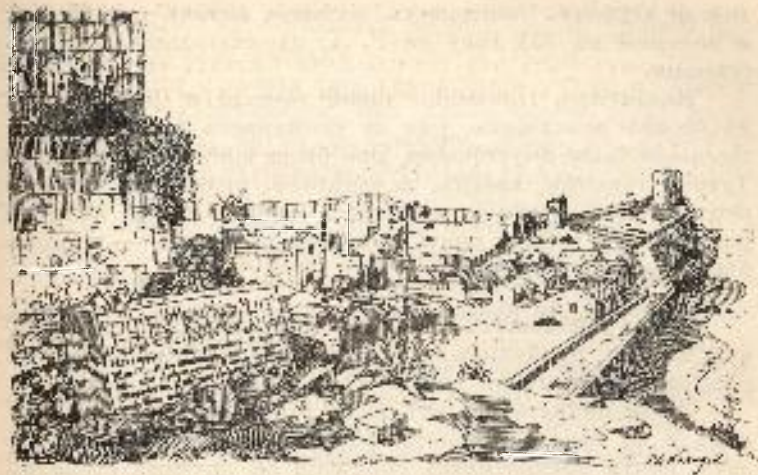
Тогда Θεοδοσία была самымъ большимъ портомъ Тавриды, вывозившимъ хлѣбъ въ скудную древнюю Элладу.

Въ IV-омъ вѣкѣ до Р. Х. царь сосѣдняго могущественнаго Босфорскаго царства Сатирусъ I-ый, желая присоединить Θεοδοσία къ Пантикапеевѣ, осадилъ ее и погибъ подъ ея стѣнами въ 393 году до Р. Х.

Его сынъ, знаменитый своей государственной дѣятельностью, Левконъ присоединилъ Θεοδοсію къ Босфорскому царству, а также и Нимфеумъ, лежавшій въ прекрасной гавани между Θεοδοсіей и Пантикапеей.

Демосѳенъ*) въ своихъ рѣчахъ восхваляетъ Левкона за то, что онъ устроилъ новый портъ въ Θεοδοσίи, «по

*) Знаменитый Аѳинскій ораторъ (384-322 до Р. Х.).

Θеοδοσία XVIII в.

словамъ моряковъ, ничуть не хуже Пантикапейскаго, и даровалъ городу безошлинную свободную гавань».

Далѣе Демосѳенъ восхваляетъ Левкона за то, что во время голода въ Элладѣ, онъ отправилъ черезъ Θεοδοсію въ Аѳины 375.000 четвертей пшеницы. «Θеοδοσία, — говорилъ онъ, — прислала изъ сочувствія къ страдающему народу гораздо болѣе зерна, чѣмъ кто-либо».

Во время Перикла, Аѳины посылали помпезную экспедицію въ приморскіе города Понта Евксинскаго съ дѣлюю закрѣпленія съ ними дружественныхъ отношеній и для развѣдки относительно хлѣбныхъ и рыбныхъ богатствъ Θεοδοсії, Пантикопей, Киммеріона, Херсонеса.

Во время Страбона и Плинія Θεοδοσία все еще греческій городъ, но со смертью Митридата Понтійскаго переходитъ, вмѣстѣ съ Босфорскимъ царствомъ во власть римлянъ, а въ царствованіе имп. Адриана — это уже умирающій городъ, о которомъ Константинъ Парфирородный

только вскользь упоминаетъ, называя городъ уже Кафой и который въ 355 году по Р. Х. окончательно разоренъ гуннами.

Византиецъ Прокопій, такой точный и достовѣрный въ своихъ описаніяхъ, уже не упоминаетъ города. Мѣсто Θεодосія было опустошено. Это было время нашествія на Таврію гунновъ, хазарь, печенѣговъ, половцевъ и наконецъ татаръ. Θεодосія покоилась въ эти долгіе вѣка въ развалинахъ и была опять призвана къ жизни — и опять блестящей — генуэзцами.

Эпоха крестовыхъ походовъ всколыхнула средневѣковую Европу, пробудивъ ее отъ сна, послѣдовавшаго послѣ разрушенія античной жизни нашествіемъ варваровъ.

Люди попрятались отъ нихъ за каменные стѣны замковъ и въ города-крѣпости, общественная жизнь замкнулась, почти прекратились сношенія съ другими странами и народами.

Крестовые походы впервые столкнули Западную Европу съ Востокомъ и обнищавшая и разоренная, она была поражена пышностью Византии, которой нашествіе варваровъ коснулось только слегка.

Предпримчивые венеціанцы и генуэзцы, обладавшіе по тому времени огромнымъ флотомъ, оцѣнили царственную Византию, съ которой установили оживленную торговлю и не могли не обратить вниманія на Крымъ, тѣсно связанный съ Константинополемъ.

Они пришли въ Крымъ почти одновременно съ татарами и отлично ужились съ ними, такъ какъ ихъ территориальные и экономическіе интересы не сталкивались другъ съ другомъ, а взаимоотношенія способствовали обоюдному обогащенію: татарамъ нужны были хлѣбныя поля и фруктовые долины Крыма, итальянцамъ — портовые города и морская торговля.

Придя изъ Средней Азіи съ награбленнымъ богатствомъ въ Китаѣ, Индіи и Персіи, татары скопили у себя

массу золота, драгоценныхъ камней — не даромъ ихъ царство получило названіе «Золотой Орды».

Генуэзцы открыли имъ европейскіе рынки и обмѣнивали ихъ драгоценности, ихъ хлѣбъ, шестъ, кожи, медь, конскій волосъ, воскъ и особенно мѣха, до которыхъ итальянцы были особенные любители, на фабричныя издѣлія Западной Европы: стекло, посуду, венеціанскій бархатъ и парчу, ожерелья, пояса, всяческія бездѣлушки и германскія сукна, получившія большой спросъ въ Татаріи.

Чтобы вымѣнять свои товары на богатства «Золотой Орды» практичныя генуэзцы проникали въ Донскія степи и на Сѣверный Кавказъ.

Черезъ 30 лѣтъ послѣ основанія генуэзской Кафы, новгородскіе и даже архангельскіе русскіе купцы уже везли въ нее свои мѣха, ленъ, пеньку, желѣзо, смолу и сало*).

Татары охотно приняли генуэзцевъ: ихъ привлекала красота итальянской культуры, ханы начали строить въ генуэзской Кафѣ свои великолѣпные дворцы, мечети, впоследствии бани, стали предпочитать итальянскій судъ своему и охотно ѣздили судиться въ Кафу.

Татары разрѣшили генуэзцамъ чеканить собственныя монеты (въ 1453 году). На одной сторонѣ былъ изображенъ св. Георгій Побѣдоносецъ, — на другой «тамга» Гиреевъ, эмблема княжескихъ правъ хановъ, и помогали генуэзцамъ въ ихъ войнѣ съ венеціанцами за обладаніе Черноморскими коулніями; они располагали къ себѣ итальянцевъ своей щедростью, гостепріимствомъ, отсутствіемъ религіозной нетерпимости. Кафяне скоро открыли училище для обученія татаръ и разныхъ народовъ, населявшихъ Кафу и ея окрестности.

Въ 1234 г. явились къ татарскому хану Тимуру, жив-

*) Царь Иванъ Вас. III, бывшій въ дружбѣ съ ханомъ Менгли-Гиреемъ, послалъ своего боярина Беклемишева къ хану, жившему тогда въ своемъ дворцѣ въ Кафѣ, чтобы онъ заступился передъ подестомъ — генер. консуломъ Кафы за русскихъ купцовъ, у которыхъ отняли на 2000 руб. товаровъ.

шему въ Салхатѣ два генуэзца Доріа и Дель-Орто и попросили позволенія открыть торговую контору. Это было начало будущихъ цвѣтушихъ генуэзскихъ колоній. Въ 1280 г. Кафа переходитъ изъ частныхъ рукъ въ собственность могущественнаго генуэзскаго банка св. Георгія и начинаеть быстро расширять поле своей коммерческой дѣятельности.

Эта экономическая экспансія встрѣтила сопротивленіе со стороны венеціанцевъ, захватившихъ Азовское море въ 1203 г. Венеціанцы высадили съ галеръ десантъ въ Кафѣ въ 1296 г., сожгли генуэзскія факторіи, но послѣднія, поддержанныя татарами, прогнали венеціанцевъ. Генуэзцы получили обѣщаніе отъ имп. Византіи Михаила Палеолога не впускать болѣе венеціанцевъ въ Черное море.

Кафа расцвѣла и стала центромъ многочисленныхъ колоній Генуи въ Крыму.

Въ 1380 году, на площади «Трехъ фонтановъ», кафе-скій подеста — консулъ да Боско, съ увѣреніемъ въ вѣрнопоподданническихъ чувствахъ къ хану, заключилъ договоръ съ довѣреннымъ хана Тохтамыша, комендантомъ Салхата Черкесъ-беемъ, «отъ имени всѣхъ генуэзцевъ Хозаріи и Великаго Общества Генуи». По этому договору вся Готія и все Крымское побережье отъ Балаклавы до Керчи (Черкію) перешли во власть Генуи*).

Генуэзцы стали хозяевами всѣхъ крымскихъ портовыхъ городовъ, населенныхъ греками и готами, платившими дань Крымскому хану.

Также горная Готія должна была признать власть генуэзцевъ; въ пещерныхъ городахъ Монгунъ-Калэ, Тепе-кермень и Инкермана остались мрачныя тюрьмы генуэзцевъ (Сестренкевичъ).

Генуэзцы стали обстраиваться, защищать свои коммерческіе порты могучими стѣнами съ моря и замками, построенными во всѣхъ горныхъ ущельяхъ, черезъ которыя

*) Де Сосси, видѣвшій этотъ договоръ въ подлинникѣ въ Генуѣ въ 1805 г., приводитъ его полностью.

кочевники Тавриды могли проникнуть на южный берегъ и возстановили крѣпости Юстиніана. Эти грандіозныя развалины укрѣпленій, оставшихся кое гдѣ въ Крыму, показываютъ могущество генуэзцевъ.

Они открывали все новыя и новыя факторіи: Алу-стонъ (Алушта), Гурзобитъ (Гурзуфъ), Джалита-Калита (Ялта), Мизикори (Мисхоръ), Фори-Форось и множество другихъ, построенныхъ на мѣстахъ поселенія древнихъ грековъ и готвъ.

Въ этомъ же 1380 году Гримальди окончилъ постройку Кафской стѣны, со рвомъ и двумя башнями по концамъ.

Кафа была сильно укрѣплена, городъ былъ хорошо отстроенъ, снабженъ водопроводомъ, украшенъ множествомъ фонтановъ. Домъ консула, построенный въ крѣпости, сохранился до вѣзда Екатерины въ Феодосію*).

Консулъ смѣнялся Генуей ежегодно, во избѣжаніе злоупотребленій властью, очень ограниченной: онъ не могъ вмѣшиваться въ судъ, въ распредѣленіе налоговъ, не могъ получать подарковъ даже отъ хана и черезъ годъ своего консульства везъ полный отчетъ въ Геную. Политически власть консула была ограничена Сенатомъ; Совѣтъ назначенія, комитетъ продовольствія города и цѣлый штатъ чиновниковъ-синдиковъ заправляли административной частью города. Къ сожалѣнію власть и деньги, со временемъ развратили генуэзскихъ консуловъ, на стяжательство которыхъ сильно жалуется финансировавшая свои Черноморскія колоніи банкъ св. Георгія**).

Когда только что созидалась генуэзская факторія, консулъ обязанъ былъ имѣть въ своемъ замкѣ постоянно горящій каминъ, гдѣ бы жители могли отогрѣться въ зиму и особую комнату для пытки провинившихся — характерная дань средневѣковью!

*) Къ сожалѣнію на фортификацію города брали готовые тесанные камни, оставшіеся отъ античной Феодосіи, Киммеріона и др. древнихъ руинъ, окружавшихъ Феодосію.

**) По архиву банка съ 1289 до 1475 г. въ Кафѣ перебивало 70 консуловъ. Первымъ былъ Доріо, послѣднимъ — де Леванто.

Въ эти разбойные и тревожные средніе вѣка, начальникъ кафскаго гарнизона обходилъ каждый вечеръ всѣ укрѣпленія города вдоль стѣнъ, играя на дудкѣ и турецкомъ барабанѣ, — жители могли мирно спать, — въ сопровожденіи восьмерыхъ всадниковъ и 20 солдатъ.

Особенно богатѣла Кафа до открытія новаго пути въ Индію Васко де Гама, пока Крымъ и Кавказъ служили тразитными пунктами для всей Европейской торговли съ Персіей, Китаемъ и Индіей.

Генуэзецъ Пеголотти установилъ маршрутъ въ Пекинъ изъ Кафы черезъ Астрахань, Сарай, Ургенць, Караби, Кинсай и Пекинъ въ 240 дней.

Изъ этихъ странъ, европейскіе купцы везли черезъ Кафу жемчугъ, золотой песокъ, драгоценные камни, хлопчатую бумагу, ткани, индиго, ультрамаринъ, лакъ, ладанъ, мускусъ, взаменъ своихъ суконъ, бархата, полотна, стеклянныхъ издѣлій.

Такимъ же образомъ были разработаны маршруты изъ Кафы въ Индію, Аравію, Персію и Египеть, откуда вывозились: шелковыя ткани, затканная серебромъ, ковры, жемчугъ, шерсть ангорскихъ козъ, рисъ, сухія фрукты, шафранъ, сандаловое дерево, коренья и спеціи, кофе.

Дорога изъ Персіи въ Индію шла черезъ островъ Ормузь, что при входѣ въ Персидскій заливъ. На этомъ островѣ, по словамъ современниковъ, находился «самый великолѣпный, прекрасный и пріятный городъ Востока».

Сюда направлялись пряныя коренья, ароматы и драгоценные камни Индіи, плоды Персіи, благовонныя вина Ширазы, ковры, оружіе, бирюза; сюда свозился мѣшками жемчугъ и наконецъ тутъ продавались такія прекрасныя женщины, что, по сказанію арабовъ, Магометъ не соглашался посѣтить этотъ городъ, боясь не устоять противъ обольщенія.

Улицы города были устланы цыновками и коврами и молодья дѣвушки, съ малолѣтства обученныя всѣмъ хитростямъ разнообразія сладострастія, подавали въ роскош-

ныхъ чашахъ прохладительные напитки важнымъ персидскимъ и разноплеменнымъ купцамъ въ длинныхъ шелковыхъ и парчевыхъ одеждахъ, съ кинжалами на драгоценныхъ поясахъ и съ раззолоченными луками.

Многіе же, побывавшіе тамъ, называли городъ «проклятымъ Содомомъ».

«Такого великолѣпія и богатства городъ достигъ благодаря мудрому городскому управленію, — говорятъ современники, — городъ самъ сортировалъ и оцѣнивалъ товары и строго слѣдилъ, чтобы не было злоупотребленій и обмановъ.

«Правосудіе въ городѣ было нелицепріятно для всѣхъ и всѣ національности и ихъ религіи пользовались одинаковымъ почетомъ»*).

Кафана вѣдили на островъ Ормузь черезъ Тавризъ, гдѣ у нихъ была своя контора, завѣдовавшая торговлей Кафы съ Индіей и Персіей.

Понятны ростъ и богатство Кафы и другихъ Крымскихъ колоній генуэцевъ.

Кафа была бы баснословно богата, если бы Тамерланъ**), не пресѣкъ ея сообщенія съ Востокомъ, если бы послѣдніе крестовые походы не возбудили бы противъ кафянъ (итальянцевъ) мусульманскій міръ и съ другой стороны, если бы папскія буллы не стали запрещать, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, сношеніе съ «сарацинами», т. е. съ мусульманскимъ міромъ.

Крымъ многимъ обязанъ генуэзцамъ помимо своего вторичнаго экономическаго расцвѣта послѣ гибели античнаго періода.

Они сокрушили недовѣріе татарь-магометанъ къ христіанскому міру и вполнѣтвіи, въ теченіи всего владычества надъ Крымомъ и разноплеменными народами, ихъ власть всегда отличалась удивительной вѣротерпимостью въ жестокіе средніе вѣка.

*) Пьеръ Шарденъ.

**) (1336—1405).

Генуэзцы развили у татаръ правосознаніе, расширили ихъ кругозоръ, развили ремесла.

Константинополь палъ въ 1453 году подъ ударами турокъ, вмѣстѣ съ нимъ палъ и Крымъ. Взявши Византию султанъ Магометъ II-ой захотѣлъ сдѣлаться хозяиномъ Чернаго моря и, конечно, маленькая горсточка пришлыхъ итальянцевъ не могла удержаться передъ военной мощью турокъ.

Напрасно Кафскій дожъ обращался за помощью и защитой къ королямъ венгерскому, французскому, английскому и португальскому — всѣ его просьбы были безуспѣшны.

Въ 1475 году султанъ Магометъ II-ой, послѣ пятидневной бомбардировки Кафы, высадилъ десантъ, несмотря на отчаянное сопротивленіе города.

Въ русской лѣтописи такъ описывается это событіе: «Лѣта 6983 туркове взяша Кафу и гостей московскихъ много побиша, а иныхъ поймаша и иныхъ, пограбивъ, на откупъ даваша».

40.000 жителей отправлено было въ Константинополь, 1500 юношей было взято въ янычары, лучшихъ дѣвочекъ и мальчиковъ — въ султанскій сераль и гаремъ. Остальное населеніе — перебито.

Броневскій, посѣтившій Кафу въ 1578 году пишетъ о томъ, что «Христіанскія церкви уничтожены турками, дома разрушены, городъ все еще опустошенъ».

Всѣ генуэзскія колоніи въ Крыму были уничтожены до гла. Жители бѣжали, кто куда могъ и принимали массами магометанство, чтобы уцѣлѣть на мѣстахъ и спасти свою жизнь.

Крымскій ханъ сдѣлался вассаломъ турецкаго султана, который заперъ Черное море для всѣхъ иностранныхъ судовъ. Промышленность и торговля замерли.

Объединѣла и Кафа, хотя турки сдѣлали ее центромъ работорговли. Не даромъ де Бопланъ въ 1660 году пи-

саль о томъ, что въ Кафѣ на невольничьемъ рынкѣ скопилось иногда до 30.000 рабовъ, которыхъ въ большомъ количествѣ продавали «на галеры».

Но время шло, раны заживали. Кафа — по прозванію Кучукъ-Стамбуль — сдѣлалась совершенно турецкимъ городомъ и опять приобрѣла свой блескъ и значеніе, главнымъ образомъ, среди магометанскаго Востока.

Крымскіе ханы и мурзы строили въ Кафѣ свои дворцы и помѣщали здѣсь свои серали; фонтаны опять зашумѣли на площадяхъ, торговая жизнь опять забила ключемъ, роскошныя кофейни и бани — полны народа.

Сюда стали стекаться поэты, музыканты, сказочники Востока.

Мы имѣемъ описаніе Кафы (Кучукъ-Стамбула) въ турецкій времена Пьеромъ Шарденемъ, предпринявшимъ путешествіе изъ Парижа въ Испагань, въ Персію въ 1663 и 1671 году, черезъ Крымъ и Кавказъ.

Это путешествіе онъ совершалъ дважды въ качествѣ поставщика брилліантовъ персидскаго шаха. Кромѣ того онъ поѣхалъ, по его словамъ, съ цѣлью «столько же, чтобы расширить мое познаніе о языкахъ, о нравахъ, о религіяхъ, объ исторіи восточныхъ народовъ, какъ и для устройства моего благосостоянія». Онъ сѣлъ въ Константинополь на турецкій корабль, чтобы ѣхать въ Крымъ.

«Турки, — пишетъ онъ, — почти не употребляютъ ни компасовъ, ни картъ и вмѣсто ихъ везутъ диліи, котормы, по ихъ словамъ, всегда обращены цвѣткомъ къ сѣверу».

Приѣхавъ въ Кафу Пьеръ Шарденъ видѣлъ во время своего сорокодневнаго пребыванія въ городѣ, около 400 прибывавшихъ кораблей, не считая маленькихъ филоговъ.

Городъ окруженъ стѣнами, — пишетъ Шарденъ, — съ двумя замками на обоихъ концахъ. Въ одномъ изъ нихъ живетъ турецкій паша. — Я не знаю, есть ли на свѣтѣ другой городъ, гдѣ продукты стоили бы такъ дешево, какъ

въ Кафѣ. Барашекъ здѣсь очень вкусный, другое мясо, тоже, какъ и хлѣбъ, птицы, масло и фрукты. Понятно, что Кафа считалась въ древнія времена житницей Греціи!».

Наконецъ Франція начинаетъ посылать своего консула въ Кафу и одинъ изъ нихъ, де Пейссонель, пріѣхавшій въ Крымъ въ 1753 году, прожившій долго въ Кафѣ, написалъ нѣсколько книгъ-рапортовъ французскому королю*).

«Навигация и торговля въ портахъ Чернаго моря, — пишетъ де Пейссонель, — эти двѣ вещи болѣе всего интересовавшія меня въ теченіи всей моей жизни, такъ я былъ пораженъ огромнымъ значеніемъ и выгодой, которую могла имѣть отъ нихъ Франція».

Онъ указываетъ на выгодность положенія народовъ, населяющихъ Крымъ и на обиліе ресурсовъ этого полуострова.

«Воздухъ въ Крыму прекрасный, — пишетъ онъ, — пастбища и стада безчисленны, почва необыкновенно плодородна», — и Пейссонель перечисляетъ всѣ товары, которые Франція могла бы ввозить въ Крымъ:

«Хлопокъ, ткани, кружева изъ золоченыхъ и серебряныхъ нитокъ для дамскихъ воротничковъ. Краски, кофе, немного сахара, — въ Крыму очень много прекраснаго меда, изъ него дѣлаютъ варенье и консервы.

Немного лѣкарства, — воздухъ такъ здоровъ въ Крыму, жизнь, которую ведутъ татары такъ хорошо поддерживаетъ ихъ здоровье, что тутъ очень мало докторовъ, больныхъ почти совсѣмъ нѣтъ, какъ нѣтъ и аптекъ, и лѣкарства продаются въ мелочныхъ лавкахъ.

«Краски для лица, — всѣ магометанки и еврейки красятся, исключеніе представляютъ только христіанки.

«Драгоценные камни, жемчугъ, иголки, стекла, фарфоръ и пр.

*) 1) *Traité sur le commerce de la Mer Noire*, 2) *Mémoires sur l'état civil politique et militaire de la Tatarie*, 3) *Observations aux mémoires de baron de Tott*.

«Крымъ со своей стороны можетъ доставлять во Францію шелкъ, конскій волосъ, кожи, шагрень, порохъ, ножи, ружья крымскія, которыя очень цѣнятся въ Европѣ, сѣдла, фетръ, масло, медъ, жиры, пшеницу, овесъ, рожь, ячмень, соль, соленую рыбу, стерлядь, икру.

«Торговля рабами, — продолжаетъ Пейссонель, — очень значительна; рабы — четырехъ націй: черкесы, грузины, калмыки и абхазцы — все кавказскіе народы.

Черкешенки особенно цѣнятся. Онѣ очень красивы и по своей прирожденной граціи самыя обольстительныя женщины въ мірѣ. Ихъ всегда берутъ въ сераль Султана и Крымскаго хана.

«Мѣха: соболя, котикъ, бобры, чернобурья лисицы и горностаи надо покупать здѣсь у русскихъ купцовъ, пріѣзжающихъ сюда на Пасху со своими мѣхами.

«Французы, пожелавшіе пріѣхать въ Крымъ для торговли, будутъ очень хорошо здѣсь приняты», — заканчиваетъ де Пейссонель.

Пейссонель говорить, что генуэзцы начали извлекать золото изъ Чатыръ-Дага въ довольно большомъ количествѣ, но ханское правительство запретило эту добычу изъ за боязни алчности Султана, что все золото утечетъ въ Стамбуль, а также боязни развитія алчности у населенія. Эти соображенія заставили хана и его правительство подчинить свои собственные интересы общественному спокойствію.

«Цѣной общаго блага и бѣдности они заслужили себѣ славу», — восклицаетъ Пейссонель.

Де Пейссонель пишетъ также, что армяне, пріѣхавшіе въ Кафу въ 14 вѣкѣ послѣ землетрясенія и разоренія Арменіи персидскимъ шахомъ, очень оживляютъ торговлю. Въ Кафѣ ихъ 12.000 человекъ, и у нихъ 24 церкви въ городѣ.

Послѣдній Крымскій ханъ Шагинъ-Гирей мечталъ перенести столицу въ Кафу. Онъ началъ строить для себя

дворецъ на берегу моря въ европейскомъ вкусѣ и особенно любилъ вблизи стоявшую на древней площади города огромную мечеть, вмѣщавшую до 2.000 чел. и передѣланную изъ древне-греческаго храма*), выложенную внутри мраморомъ. Къ сожалѣнію эта драгоценная старина, также какъ и великолѣпныя турецкія бани, построенныя турецкимъ архитекторомъ Хаджи-Синани были разобраны русскими на новыя постройки въ 1834 году.

Сумароковъ**) говоритъ, что Кафа имѣла 6 верстъ въ длину, 20.000 домовъ, 55 греческихъ и армянскихъ церквей, 56 мечетей, до 100 фонтановъ, 9 бань и 4 кладбища.

Онъ описываетъ 2 еврейскія синагоги; одной — 1.000 лѣтъ, другой — 800. Въ послѣдней былъ найденъ манускриптъ 800-лѣтней давности и прекрасныя мраморныя колонны, поддерживавшія потолокъ.

Но не успѣлъ Шагинъ-Гирей-ханъ докончить постройку своего дворца въ Кафѣ — пришли русскіе, эти «всеобщіе наслѣдники», по выраженію Грибоѣдова, и раззорили Кафу и присоединили ее къ своей имперіи вмѣстѣ со всемъ Крымскимъ полуостровомъ.

Въ 1771 году кн. Долгорукій бомбардировалъ Кафу и разрушилъ старинный городъ.

Послѣ Кучукъ-Кайнаржійскаго мира Кафа сразу опустѣла: плѣнные и рабы разбѣжались и въ началѣ 19-го вѣка въ Θεодосіи было всего 290 жителей. Города въ сущности не было и только въ десяткахъ лачугахъ, прилѣпившихся къ стѣнѣ генуэзской крѣпости теплилась жизнь. И опять Кафа пала, разграбленная и опустошенная, какъ при султанѣ Магометѣ II-омъ. И опять воскресла въ 1859 г., когда была соединена желѣзной дорогой съ Москвой и золотая пшеница потекла въ трюмы иностранныхъ парохо-

*) Айвазовскій видѣлъ и помнилъ эту прекрасную мечеть и турецкія бани, сплошь облицованныя орнаментированнымъ мраморомъ.

**) Сумароковъ. Записки крымскаго судьи.

довъ, Θεодосійскій портъ сталъ продолжать свою вѣковую роль.

Но времена измѣнились: мировое величіе, значеніе и роскошь Θεодосіи — Кафы отошли въ невозвратное прошлое.

Путешественникъ англичанинъ Эд. Кларкъ, пишетъ о своемъ пребываніи въ Θεодосіи. «Великолѣпна Θεодосійская бухта! Городъ поднимается огромнымъ амфитеатромъ со своими банями, мечетями, легкими и стройными минаретами... Въ немъ было 20.000 домовъ, 11 мечетей и около 100 фонтановъ*).

Теперь все населеніе состоитъ изъ 50 жалкихъ семействъ».

«Во время нашего пребыванія въ Кафѣ, — продолжаетъ Кларкъ, — мы видѣли, какъ русскіе солдаты разрушали минареты, разбивали фонтаны, обращали мечети въ склады. Я былъ въ турецкой кофейнѣ, когда упалъ старинный, самый главный минаретъ города. Мы почувствовали странный толчекъ и грохотъ при его паденіи. Турки, пившіе кофе, вскочили и на своемъ языкѣ проклинали русскихъ. Даже греки, находившіеся тоже въ кофейнѣ выразили свое негодованіе. Одинъ изъ нихъ, повернувшись ко мнѣ крикнулъ съ презрѣніемъ «скионы!»...

Особенно плачевно разрушеніе фонтановъ, питавшихъ городъ водой, проведенной далеко съ горъ. Нѣкоторые фонтаны очень древніе, великолѣпно украшенные мраморными резервуарами, барельефами и надписями. Фонтаны для питья, фонтаны для умовенія ногъ передъ мечетями... Остатки античныхъ колоннадъ брались на постройку бараконъ для войскъ.

Я вошелъ въ древнюю армянскую церковь и отломавъ кусокъ слабо державшейся штукатурки на стѣнѣ, увидѣлъ подъ ней прекрасную древнюю фреску, совершенно схожую съ той, которую недавно открыли въ Помпеяхъ.

*) Edward Clarke. Voyage en Russie et en Tatarie. Paris, 1812.

Сохранились аркады торговых рядовъ, построенныхъ генуэзцами, гдѣ лѣтомъ прохладно, а зимой защищено отъ дождей, а далѣе руины монетнаго двора».

Такъ переплелись разныя эпохи древней Θεодосіи — античной, византійской, арабо-персидской, генуэзской, турецкой.

Палласъ, бывший въ Θεодосіи вскорѣ послѣ посѣщенія ея Екатериной, описываетъ: «Высокіе рвы, крѣпости, многочисленныя каменные мосты, масса развалинъ зданій. толстыя стѣны, крѣпкія башни; домъ консула генуэзскаго все еще существуетъ въ оградѣ крѣпости. Остатки огромной мечети и турецкой бани довольно хорошо сохранились, правильныя улицы, красивая греческая церковь, армянская, католическая, Монетный дворъ, дворецъ хана Шагинъ-Гирея, стоящій неоконченнымъ внѣ городской стѣны.

И безлюдье кругомъ такое, что всѣ эти огромныя руины могутъ потрясти всякую чувствительную душу!».

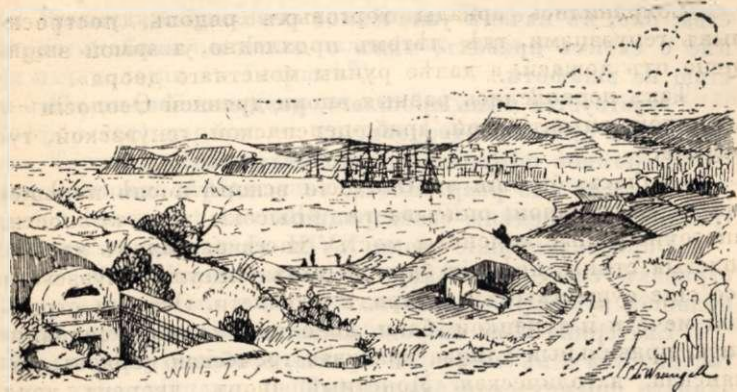
Для пребыванія Екатерины былъ построенъ на набережной деревянный дворецъ, существовавшій еще во время «Крымской кампаніи».

Таковы же впечатлѣнія и графа де Сегюра, при вѣздѣ его въ Θεодосію въ свитѣ Екатерины.

«Скоро мы остановились около огромной стѣны знаменитой, несчастной Θεодосіи, которой Екатерина вернула ей древнее имя.

Мы нашли въ городѣ жителей, потерянно бродившихъ посреди всѣхъ остатковъ церквей, дворцовъ, великолѣпныхъ зданій.

*) Раскопки древнихъ кладбищъ, предпріятыя уже послѣ Екатерины, дали одинаковые предметы, какъ въ Пантикапее. (Кипарисовыя гроба, слезницы, вазы, лампы, глиняная посуда, римскія и босфорскія монеты, мраморный пьедесталъ съ надписью: «Ксенокрита, жрица Цереры, посвящаетъ се богинѣ за здравіе дочери ея Дитрїи». Большинство этихъ находокъ хранится въ Одесскомъ Историческомъ музеѣ.

Керчь. — Археологическія раскопки въ началѣ XIX в.

Нѣмая тишина опустошенія царила всюду.

При видѣ этого мрачнаго спектакля императрица не могла удержаться отъ слезъ.

Разрушеніе, отъ котораго не могли спастись самыя огромныя имперіи, здѣсь торжественно свидѣтельствовало о кровавыхъ распряхъ и жестокостяхъ челоувѣчества.

Мы поѣхали въ Керчь-Пантикапею, гдѣ нашли только одну старинную греческую церковь, крѣпость и нѣсколько домиковъ, населенныхъ рыбаками-греками».

ПАНТИКАПЕЯ.

Феерическое путешествіе въ Тавриду — апоэозъ Екатерины II-ой, когда судьба народовъ не только въ Крыму, но и въ Европѣ разрѣшалась въ атмосферѣ оперныхъ триумфовъ и блеска празднествъ.

Въ этой атмосферѣ подготавлилась Французская Революція, когда, какъ говоритъ графъ де Сегюръ: «Все старое зданіе трещало, но радостно. Что касается дворян-

ства, оно, въ началѣ увлеченное революціей, думаетъ меньше о своихъ правахъ, чѣмъ о долгахъ и умираетъ съ честью на эшафотѣ...

Чувствуется пыль прошлаго; раздущенная, но тѣмъ не менѣе это прахъ мертвецовъ.

Огромное потрясеніе готовится»...

А когда оно разразилось, то выкинуло многихъ эмигрантовъ за предѣлы своей родины.

Образованнѣйшіе люди XVIII вѣка, они во многихъ странахъ своего разсѣянія оставили послѣ себя слѣды большой культурной работы.

Екатерина II-ая широко распахнула имъ двери своего государства и въ частности Крыма, особенно многимъ обязаннаго французской эмиграціи*).

«Какъ это ни удивительно, — пишетъ Ростовцевъ въ своей книгѣ о Боспорскомъ царствѣ, — но наиболѣе полное изслѣдованіе населенныхъ пунктовъ и античныхъ руинъ Тавриды дали путешественники и ученые конца XVIII вѣка и начала XIX: Дюбрюксъ, Палласъ, Дюбуа де Монпере, Кешпенъ».

Особенно много обязана археологія Пантикапеи и открытіе древнихъ гробницъ Павлу Дюбрюксу — французскому эмигранту, поступившему на русскую службу въ Керчь въ 1797 г. Французскій историкъ Соломонъ Рейнакъ, самый большой знатокъ Пантикапейской археологіи, называетъ Дюбрюкса «создателемъ Босфорской археологіи».

Къ сожалѣнію его труды не были напечатаны полностью, а его рукопись хранится въ Публичной библиотекѣ.

Дюбрюксъ вмѣстѣ со своими сотрудниками-археологами Бларамбергомъ, Стемповскимъ и ген. Потье создалъ въ Керчи Археологическій музей, и сталъ его хранителемъ.

*) Александръ I-ый во время своего посѣщенія Крыма сказалъ де Рейи: «Я обязанъ французской революціи, такими государственными людьми, какъ Ришелье, Лапжеронъ и марк. де Траверсе.»

Греческая Пантикапея, столица Босфорскаго царства, вѣроятно, была основана милетцами тогда же, когда и другія ихъ колоніи въ Тавриду*).

Керченскій полуостровъ — будущее Боспорское (или Босфорское) царство — еще до Геродота было отдѣлено отъ Таврическаго полуострова глубокимъ валомъ, начинавшимся отъ Арбатской стрѣлки и кончавшимся за Теодосіей, тамъ, гдѣ начинается цѣпь Таврическихъ горъ, населенныхъ таврами.

Этотъ ровъ, очень древняго происхожденія, возстановивался всѣми народами вплоть до турокъ, поставившихъ тамъ же крѣпость Арбатъ съ подземнымъ ходомъ въ Азовское море. Геродотъ говоритъ, что ровъ былъ вырытъ киммерійцами, рабами скивовъ.

Босфорскій царь Ассандръ**) укрѣпилъ его длиною въ 360 стадій съ башнями на каждой стадіи для защиты Босфорскаго царства отъ тавровъ и пр. народовъ.

Въ первое время своего существованія, Пантикапея, какъ и другія греческія колоніи, была демократической республикой, управляемой архонтами. Впослѣдствіи власть архонтовъ стала наследственной и они стали именоваться Боспорскими царями.

Первые архонты, по словамъ Страбона, были отличные правители, съ твердымъ характеромъ, демократическихъ принциповъ, предприимчивые и терпимые къ иностранцамъ. Они опирались на Верховный Совѣтъ, съ представителями всѣхъ классовъ населенія и на Народное Собраніе, контролировавшее постановленія и исполненіе законовъ Верховнаго Совѣта.

Администрація республики состояла изъ чиновни-

*) Стефанъ Византійскій считаетъ основателями Пантикапеи -- ранѣе этого — грековъ, получившихъ отъ скинскаго царя Агатая страну, лежавшую при устьѣ рѣки Пантикапеи, такъ называемый Керченскій проливъ въ древности. Онъ носилъ также названіе Боспора Киммерійскаго, соединявшаго Меотійское (Азовское) море съ Евксинскимъ (Чернымъ).

**) 49—14 г. до Р. X.

ковъ культа, торговли, продовольствія, архивовъ, гимназій и пр.

Отгородясь валомъ отъ тавровъ и кочевниковъ степной части Тавриды, пантикопейцы обратили свои взгляды на родныя имъ по крови и культу Аѳины и подражали имъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Здѣсь почти вся міѳологія древней Греціи во главѣ съ богомъ Паномъ съ ослиными ушами и козлиными ногами, покровителя скотоводства, земледѣлія и рыбнаго промысла.

Зимою Пантикопея, приглашала къ себѣ изъ Аѳинъ лучшихъ актеровъ, руководителей народныхъ игръ и состязаній, художниковъ, мастеровъ, которые оставили намъ множество драгоценныхъ памятниковъ времени процвѣтанія Пантикапеи.

Свободный портъ и отменная пошлина, о чемъ было объявлено на колонахъ, выставленныхъ въ гаваняхъ Пирея, Геллеспонта и Босфора Киммерійскаго, сдѣлали Пантикопейскую гавань такой же торговой, какъ Теодосія.

Послѣдній изъ архонтовъ, сдѣлавшійся первымъ Босфорскимъ царемъ Левконъ, былъ, по словамъ Страбона, «добрымъ человѣкомъ, пользовавшимся всеобщимъ уваженіемъ»^{*)}.

Поліэнь въ своихъ разсказахъ о Левконѣ даетъ яркую картину строя Босфорскаго царства, съ большой ролью въ немъ иностранныхъ купцовъ, съ его сильнымъ флотомъ и наконецъ борьбы Левкона съ Гераклею за обладаніе Теодосіей.

Босфорское царство объединяло подъ своей властью Теодосію Киммеріонъ, Нимфею, Мирмикіонъ и Фанагорію на Таманскомъ полуостровѣ.

Особенно прославилъ Босфорское царство Митридатъ Понтійскій и Епаторъ, — побѣдитель скийскаго царя Скилура.

^{*)} Въ Керчи были найдены мраморныя плиты съ надписями времени его царствованія.

Своей героической борьбой съ Римомъ, Митридатъ выдвинулъ на первый планъ исторіи свое царство.

Митридатъ былъ исключительной исторической личностью, образованнѣйшій человѣкъ своего времени, онъ зналъ всѣ языки древняго міра — «16-ый царь послѣ Дарія Гистаспа и 8-ой послѣ того Митридата, который овладѣлъ Понтійскимъ царствомъ. Жилъ 69 лѣтъ, а царствовалъ 57 лѣтъ. Прозванный Евпаторомъ и Діонисомъ, умеръ весной 63-го года до Р. Х., во время консульства Марка Цицерона и Гая Антона. Покончилъ съ собою, приведенный въ отчаяніе измѣной единственнаго своего сына Фарнака», — такъ пишетъ о немъ древній историкъ.

Страстный поклонникъ эллинизма, грекъ по рожденію и царь греческаго царства, онъ ненавидѣлъ Римъ, покорившій Грецію и мечталъ перенести центръ древняго міра изъ Рима въ Пантикопею.

Онъ бросался ко всѣмъ народамъ, ища поддержки и задумывалъ пробраться къ кельтамъ и съ ними итти на Римъ.

Онъ боролся со скивами, окружавшими греческія колоніи въ Тавридѣ и послалъ своего талантливаго полководца Діафанта на помощь херсонесцамъ, разбившаго скифовъ.

Но преданный своимъ сыномъ и видя гибель своего національнаго дѣла Митридатъ предпочитаетъ умереть, «чѣмъ жить въ униженіи и безславіи», какъ пишетъ о немъ Діонъ Кассій во 2-омъ вѣкѣ по Р. Х.

Митридатъ побѣжденъ Римомъ, вся греческая Таврія становится римскою провинціей и миѳическіе гриффоны — эмблема Пантикопеи — на ея городскихъ воротахъ и на монетахъ Босфорскаго царства замѣнены римскимъ орломъ^{*)}.

Пантикопея замерла.

^{*)} Въ дальнѣйшемъ Пантикапея — дозорный пунктъ Рима отъ степныхъ хищниковъ и о ихъ передвиженіи гарнизонъ даетъ знать Риму.

Народъ хотѣлъ было свергнуть новую власть, но былъ усмирень Маркомъ Агриппой.

Противъ Фарнака, оставленнаго на Босфорскомъ престолѣ Римомъ, возсталъ Ассандръ, женатый на его дочери внучкѣ великаго Митридата, и Фарнакъ умираетъ, раненный въ бою въ 47 г. до Р. X.

Ассандръ на престолѣ

Онъ защищаетъ свое царство валомъ, носящимъ его имя.

Послѣ его смерти царствуетъ его жена. Ея бронзовый прелестный бюстъ съ одухотвореннымъ, благороднымъ лицомъ, похожимъ на ея изображенія на монетахъ, хранится въ Эрмитажѣ*).

Подъ властью Рима Босфорское царство хирѣетъ и осармачивается, о чемъ говоритъ и найденная надпись того времени: «Жрецъ Нептуна, Макарій, желая почтить великаго царя царей всего Босфора Тиверія Юлія Савромата и прочее, воздвигнулъ ему эту статую».

Въ IV вѣкѣ по Р. X. Пантикопа разгромлена гуннами и, не имѣя метрополи и поддержки малоазійскихъ грековъ, погибаетъ.

Жители разбѣжались кто куда могъ и большею частью на Таманскій полуостровъ, на Кавказъ, въ Малую Азію и Грецію.

Ея прекрасныя постройки и памятники замѣчательнаго искусства и художественной промышленности обращены въ груду развалинъ и на мѣстѣ столицы Босфорскаго царства у подножія Митридатовой горы пріютилась бѣдная, греческая, рыбацкая деревушка.

Въ 1318 году портъ Черкіо (прежняя Пантикопа) уступленъ татарами генуэзцамъ.

*) По преданію, Ассандръ, прославленный своимъ царствованіемъ, уморилъ себя голодомъ въ 14 г. до Р. X., обидѣвшись на императора Августа за присылку начальникомъ военныхъ силъ Пантикопа, римлянина Скрибонія. Скрибоній, завладѣвшій было престоломъ, былъ убитъ босфорцами.

Въ XV-омъ вѣкѣ турки выгоняютъ генуэзцевъ и строятъ свою сильную крѣпость Эникалэ.

По Кучукъ-Кайнаржійскому миру Керчь переходитъ во власть русскихъ и при Екатеринѣ начинаются раскопки античнаго города.

Пантикопа развивалась богаче, чѣмъ Херсонесъ, такъ какъ имѣла за собой сырье Приазовья и Кавказа.

Все, что нужно для ея промышленности и торговли, она получала съ Кавказа и изъ прилегающихъ къ ней необозримыхъ южно-русскихъ степей, бывшихъ житницей древняго міра.

Она получала золото съ Алтая и Урала и вывозила массу соленой рыбы — не даромъ древнія Пантикопейскія монеты носили эмблему колоса и рыбы!

Керченскія сельди имѣютъ тысячелѣтній успѣхъ у человечества!

Раскопки кургановъ южно-русскихъ степей показываютъ, какъ Пантикопа перерабатывала въ художественныя издѣлія золото и стекло во всевозможныя украшенія для скифовъ.

«По дорогѣ между Керчью и Эникалэ, — пишетъ де Рейи, — находятся нѣсколько развалинъ языческихъ храмовъ, посвященныхъ Діанѣ и Нептуну».

А кругомъ степи, населенныя киммерійцами, скивами, аланами, степи о которыхъ Страбонъ говоритъ, что они «богаты зерномъ и очень населены».

Около Пантикопа Дюбрюкъ раскопалъ древній городъ Мирмикіонъ, что былъ въ 20 стадій отъ Пантикопа (въ 4-хъ верстахъ) по словамъ Страбона. Византіецъ Левъ діаконъ современникъ кievскаго вел. кн. Святослава отмѣчаетъ: «Аріанъ говоритъ, что Пелеевъ сынъ Ахиллъ былъ родомъ скивъ изъ небольшого городка Мирмикіонъ, стоявшаго близъ озера Меотиса*), что послѣ изгнанный скивами за необузданность, жестокость и высокомеріе, онъ

*) Азовское море.

поселился въ Эссалии. Яснымъ доказательствомъ того служилъ покрой его плаща съ пряжкой, навѣкъ сражаться пѣшимъ, свѣтлорусые волосы, голубые глаза, безумная отвага, вспыльчивость и жестокость, за что порицаетъ его Агамемнонъ въ сихъ словахъ: «тебѣ пріятны всегда споры, раздоры и битвы» (Илліада. Гомеръ. Пѣснь I стихъ 177).

И далѣе идутъ города открытые Дюбрюксомъ: Пареніонъ, Геракліонъ и Нимфея — все это цвѣтушія колоніи древне-эллинскаго періода, которымъ не суждено было воскреснуть въ будущемъ.

Такова Нимфея, основанная милетцами одновременно съ Пантикопеей. Въ вѣкъ Перикла, и его пышной экспедиціи въ Евксинское море, городъ перешель во власть Аонинъ, потомъ Босфорскаго царства, а послѣ смерти Митридата, его уже болѣе не существуетъ. Послѣ Нимфеи не осталось ни одной медали, но на мѣстѣ ея подъ глубокими песками нашли этрусскія вазы и массу осколковъ посуды*). Ея прекрасная гавань, о которой упоминаетъ Страбонъ, разоренная войнами, покинутая жителями, занесена давно сыпучими песками. По дорогамъ, идущимъ отъ Пантикопеи въ степь стоятъ курганы — хранители остатковъ древнихъ культуръ и народовъ. Ихъ превосходныя усыпальницы изъ керченскаго камня — типа египетскихъ сооружений. Много скиѣскихъ, сарматскихъ, греко-римскихъ. Попадаютъ усыпальницы, увѣшанныя коврами, очевидно кочевниковъ Тавриды.

Эти курганы, открытые Дюбрюксомъ, Бларамбергомъ, ген. Потье и Стемпковскимъ, заключали въ себѣ цѣлую исторію народовъ, населявшихъ Тавриду, цѣлые музеи греческаго искусства, по богатству и своему значенію не уступающимъ египетскимъ пирамидамъ.

«Количество погребеній одного Римскаго періода на

*) Этруски выходцы, м. б., съ Ванскаго озера.

до считать въ Пантикопееѣ тысячами», — пишетъ М. Ростовцевъ.

Почти всѣ открытыя гробницы и курганы эллинскаго періода V-IV в.в. и I-го вѣка римской власти очень богаты. Особенно богаты женскія гробницы съ золотыми украшениями и драгоценными камнями.

Въ курганѣ Кюль-Оба стояли два кипарисовыхъ саркофага Босфорскаго царя и его жены. Царь съ золотымъ щитомъ, около покойника лежатъ музыкальные инструменты, на головѣ золотой вѣнокъ изъ лавра, сельдерея, маслины; женскія украшенія настоящія шедевры художественной промышленности эллинскаго періода.

Въ усыпальницахъ иногда были ниши для урнъ, иногда мраморные или кипарисовые саркофаги, стѣны покрывались фресками или барельефами, смотря къ какой національности принадлежалъ покойникъ. Много художественныхъ издѣлій изъ электрона (сплавъ золота и серебра эллинской эпохи) вазъ, свѣтильниковъ, предметовъ домашняго обихода съ остаткомъ пищи и косточекъ орѣховъ и каштановъ; перстней съ надписями: «Отъ души и сердца», «Помни обо мнѣ прекрасная душа!» и т. п.

Дюбрюксъ со своими помощниками раскопалъ древній акрополь Пантикопеи, храмъ Геркулеса у подошвы горы, въ долинѣ среди роши, — быть можетъ, зародившейся отъ древнихъ деревьевъ, — знаменитый Золотой Курганъ, богатства котораго описаны С. Рейнакомъ въ его обширномъ трудѣ «Керченскія древности».

Масса найденныхъ статуй, скульптурнаго мрамора, лучшіе изъ которыхъ принадлежатъ IV-му вѣку до Р. Х., — расцвѣта Пантикопеи, — хранятся въ Эрмитажѣ.

Гора Митридата — центръ Пантикопеи — Керчи и ея склоны до того изрыты могилами, что на нихъ нѣтъ живого мѣста.

На горѣ — 214 ступени и наверху, по преданію, вырубленное въ горѣ кресло Митридата, откуда онѣ любовался городомъ и моремъ. Богатство кургановъ и могилъ

Пантикапей указывают на ея несмѣтныя богатства и несмотря на это вѣкъ Босфорскаго царства несравненно короче и Херсонесскаго и Θεодоссійскаго: никто не помогъ ему въ борьбѣ съ Римомъ, никто не помогъ встать на ноги послѣ разгрома Босфорскаго царства гуннами.

Екатерина и ея свита посѣтили церковь Иоанна Предтечи — всю собранную изъ обломковъ глубокой старины. На двухъ мраморныхъ колонахъ остались древне-греческія надписи. Алтарь — совсѣмъ древняго происхожденія. Въ церковной библіотекѣ греческія рукописи XII и XV в.в.

«Я хотѣлъ купить эти рукописи, — пишетъ Кларкъ, — но русское правительство запретило ихъ продажу. Эта церковь стоитъ на мѣстѣ храма Ескулапа. Полузарытыя въ землѣ лежатъ античныя колонны. При входѣ въ крѣпость опять мраморные львы Генуи. Одинъ изъ барельефовъ я привезъ въ Кэмбриджъ».

Изъ Керчи Екатерина возвратилась въ Перекопъ, гдѣ милостиво простившись съ населеніемъ, пожертвовала большія деньги на возстановленіе разрушенныхъ мечетей и прослѣдовала далѣе въ Санктъ-Петербургъ.

ИНОСТРАНЦЫ ВЪ КРЫМУ.

Владычество турокъ было временемъ упадка гражданской и промышленной жизни въ Крыму такъ же какъ и во всѣхъ другихъ странахъ, попавшихъ въ ихъ подданство.

Турки заперли входъ въ Черное море всѣмъ иностраннымъ кораблямъ и жизнь портовыхъ городовъ замерла.

Освободивъ Крымъ отъ турецкой власти, Екатерина разрушили замкнутый міръ отуреченнаго Крыма и въ открытое ею окно влился свѣжій воздухъ.

На опустошенныя мѣста переселеніемъ татаръ въ Турцію, а грековъ и армянъ въ Приазовскія степи, Екатерина переселила 7.000 крестьянъ Екатеринославской губерніи. За ними потянулось въ Крымъ и сѣверное русское

населеніе, ища заработковъ во вновь строящихся городахъ и свободы у теплаго синяго моря.

По зову Екатерины появились новые пришельцы: нѣмцы, итальянцы, анатолійскіе греки, болгары, поляки и наконецъ ученые иностранцы и французскіе эмигранты.

Начиналась новая стройка Крыма, появились новые люди, слышались новыя рѣчи.

Ломалась вѣками налаженная жизнь, возникала новая, часто болѣзненно отзывавшаяся на оставшемся древнемъ исконномъ населеніемъ Тавриды.

У насъ есть свидѣтельства иностранныхъ и русскихъ путешественниковъ объ этомъ переходномъ періодѣ Крыма.

Молодой человекъ, проѣзжая черезъ Крымъ въ 1793 году въ качествѣ аташѣ при русскомъ посольствѣ въ Константинополь, пишетъ:

«Татарамъ немного трудно привыкать къ европейскимъ нравамъ и къ новой русской власти, несмотря на безпрестанное вниманіе, полное мягкости и доброты Таврическаго губернатора, старающагося сдѣлать новую власть пріемлемой населенію и заставить себя полюбить...»

«Каждая деревня еще управляется своимъ мирзой или старостой, котораго населеніе имѣетъ право само выбирать.

Я былъ свидѣтелемъ проявленій мягкости, лояльности и благородства татарскаго населенія».

Де Рейи — французъ, предпринявшій свое путешествіе въ Крымъ въ 1803 г.*), замѣчаетъ, что промышленность заглохшая съ переселеніемъ армянъ въ приазовскія степи, должна опять расцвѣсть при отеческомъ отношеніи имп. Александра I-го къ народностямъ населяющимъ Крымъ.

«Я встрѣтилъ императора Россіи, — рассказываетъ онъ, — на другой день моего пріѣзда. Его Величество за»

*) Принятый ласково Палласомъ, «этимъ милымъ старцемъ», пишетъ де Рейи, «онъ поправилъ мои Крымскія записки и обогатилъ ихъ своими замѣчаніями».

дать мнѣ нѣсколько вопросовъ, — очень любезныхъ, — относительно моего путешествія; о странахъ, которыя я видѣлъ проѣздомъ и спросилъ мое мнѣніе о Крымѣ.

«Государь! — сказала я, — природа дала все этой прекрасной странѣ».

«Вы правы, — отвѣтилъ императоръ, — но мы пока ничего не сдѣлали, чтобы содѣйствовать природѣ».

Черезъ нѣсколько дней де Рейи посѣтилъ князя Ширинскаго — соратника Крымъ-Гирея, о которомъ князь говорилъ, что ни одинъ ханъ не былъ такъ любимъ народомъ, какъ Крымъ-Гирей.

Старый Кая-бей Ширинъ обѣднѣлъ вслѣдствіи перемѣнъ происшедшихъ въ Крыму: многія его деревни опустѣли, населеніе ихъ бѣжало въ Турцію и некому было обрабатывать его поля.

Де Рейи былъ принятъ княземъ со всей восточной деликатностью и ласковостью.

День прошелъ въ восхитительныхъ верховыхъ прогулкахъ и въ упражненіяхъ въ стрѣльбѣ изъ лука.

«Вездѣ журчатъ прозрачныя горныя ручьи, повсюду видишь многочисленныя стада. Пѣніе птицъ, наполняющихъ фруктовые сады сливается съ журчаніемъ воды въ прелестную мелодію, а татарскія кладбища на холмахъ воплощаютъ чудесныя полотна Пуссена».

И только брошенныя греками древнія оливковыя роши навѣваютъ грустныя мысли.

Послѣ прекраснаго обѣда, наша бесѣда заполнила весь остатокъ дня и она вращалась главнымъ образомъ около Франціи и Наполеона.

«Со времени его Египетской экспедиціи, — говорилъ мнѣ Ширинъ-бей, — я думалъ, что Великій возстановитъ Польшу и высадитъ десантъ въ Черномъ морѣ. Но онъ имѣлъ другія задачи... Я не знаю, ошибаюсь-ли я въ моихъ предчувствіяхъ, — но я думаю, что менѣе чѣмъ черезъ четыре года будетъ всеобщая Европейская война».

Предсказаніе стараго татарина исполнилось.

«На слѣдующій день мы продолжали нашу дружескую бесѣду и когда я ему началъ говорить объ огромности Россіи, Ширинъ-бей быстро меня прервалъ: «Эта имперія, конечно, обширна, но я бывалъ въ русскихъ полкахъ, тамъ почти нѣтъ русскихъ офицеровъ, все иностранцы... Такъ и вся Россія... Да, Александръ добръ, онъ хотѣлъ бы, чтобы были справедливы къ татарамъ»...

Въ это время вошелъ Исламъ-Гирей мирза Ширинъ, племянникъ моего добраго хозяина, двадцатитрехлѣтній красавецъ.

Представитель новаго, немного детатаризованнаго поколѣнія, онъ говорилъ немного по французски и по русски, служа въ одномъ изъ русскихъ полковъ. Одаренный живымъ умомъ, онъ началъ горячо спорить со своимъ дядей о настоящихъ и прошедшихъ временахъ и въ этихъ спорахъ меня больше всего поразила ихъ любовь и привязанность другъ къ другу.

Передъ отъѣздомъ старый князь мнѣ сказалъ: «Я старъ, я бѣденъ, раньше я принялъ бы Васъ лучше. Не забывайте Ширинскихъ и скажите Вашимъ компатріотамъ, что у нихъ есть искренніе друзья татары...»

Я хочу видѣть великаго Бонапарта и съѣздить въ Парижъ, — хорошо ли примутъ меня тамъ?

Я хорошо помню Вашего посланника барона Тотта, онъ нѣкоторое время жилъ среди насъ»...

Но времена мѣняются и вышло такъ, что въ Отечественную войну 1812 года князь Кая-бей Ширинскій самъ организовывалъ татарское войско для защиты Россіи отъ Наполеона.

Екатерина и Потемкинъ привлекали ученыхъ, художниковъ, писателей для изученія новаго покореннаго края. Многіе изъ нихъ, посѣтившіе Крымъ въ первые годы его присоединенія къ Россіи, оставили чрезвычайно цѣнныя свои воспоминанія объ этой эпохѣ*).

*) Въ свитѣ Екатерины слѣдовалъ художникъ капитанъ Ивановъ, написавшій около 200 видовъ Крыма.

Особенно много сдѣлали для изученія Крыма и его историческаго прошлаго Дюбрюксъ, Палласъ, Кеппень, Габлицъ, приглашенный Потемкинымъ для описанія физической географіи Крыма*).

Велики заслуги Палласа возстановившаго планъ древняго Херсонеса, обследовавшаго весь южный берегъ Крыма въ археологическомъ отношеніи.

И если Дюбрюксъ былъ «творцомъ Босфорской археологіи», то Палласъ можетъ быть названъ отцомъ историческаго и доисторическаго Херсонеса. Около обоихъ скоро образовались цѣлыя кружки ученыхъ и людей, увлеченныхъ археологическими изысканіями въ Крыму.

Всѣ они находили нужную поддержку въ администраціи края той эпохи.

Екатерина подарила Палласу имѣніе при деревнѣ Шули, около Чоргуна, знаменитой своими орѣховыми рощами. Палласъ началъ постройку великолѣпнаго дома, но вскорѣ забросилъ ее изъ за земельныхъ недоразумѣній съ татарами и переселился въ предоставленный ему Екатериной прелестный дворецъ подъ Симферополемъ.

Туда считали своимъ долгомъ заѣхать съ визитомъ къ старому гостепріимному Палласу каждый путешественникъ и ученый посѣтившій Крымъ.

Пріѣхавшій къ нему профессоръ Кэмбриджскаго Университета Кларкъ попалъ на свадьбу его дочери съ барономъ Вимфельдомъ, состоявшемъ на русской службѣ и тщетно уговаривалъ Палласа уѣхать въ Англію.

«У Палласа жилище похоже на дворецъ, — пишетъ Кларкъ. — Онъ насъ встрѣтилъ, какъ отецъ; мы отказывались останавливаться у него, но онъ перетащилъ насъ въ амфиладъ комнатъ своего дворца и когда я былъ бо-

Потемкинъ былъ страстный садоводъ и любитель лѣсовъ. Въ 1787 г. онъ далъ указъ «усугубить старанія и развести лѣса въ степяхъ Крыма».

*) Карлъ Габлицъ. Физическое описаніе Таврической области. СПб. 1785 г.

лень лихорадкой, схваченной въ Инкерманской низменности, онъ ухаживалъ за мной, какъ за сыномъ.

Онъ показывалъ намъ свои книги, карты, археологическія находки, минералы...

Когда мы покидали этого удивительнаго 70-лѣтняго старика, вся жизнь котораго была посвящена наукамъ, онъ намъ говорилъ, что рѣшилъ остатокъ своей жизни употребить на культуру винограда и развитіе винодѣлія южнаго берега Крыма.

Вмѣстѣ съ Палласомъ Кларкъ и его компаніоны дѣлаютъ археологическія развѣдки древнѣйшаго Херсонеса, обхаживаютъ каждый мысъ, каждую бухту, ища мѣстоположеніе доисторическаго города.

Они идутъ на Аія Бурунь — мысъ между Балаклавой и Георгіевскимъ Монастыремъ, древній Партеіумъ, о которомъ Страбонъ говоритъ, что онъ «отстоитъ отъ Херсонеса на 100 стадій, миновавъ три бухты», гдѣ стоялъ одинъ изъ четырехъ (по подсчету Палласа) храмовъ Діаны Таврической.

«Священный мысъ Партеіонъ передъ нами!» — восклицаетъ Палласъ. — «Вотъ пьедесталъ золотой статуи Діаны, увезенной Орестомъ. Передъ нами долина, откуда поднимались къ храму по 40 ступенямъ... а подъ скалой — гротъ нимфъ».

Мы съ ужасомъ заглядывали въ пропасть, куда сбрасывали останки несчастныхъ жертвъ.

Эта огромная скала доминируетъ надъ всѣми. И можетъ быть за ней прятался Орестъ, выжидая удобнаго момента для нападенія. Тысячелѣтія прошли съ тѣхъ поръ, а мысъ все еще зовется Священнымъ». (Аія-бурунь)!

Они бродили среди древнихъ развалинъ, ночуя въ нихъ, или въ хуторахъ прямо на соломѣ. Крестьяне собирали имъ древнія монеты и однажды принесли «мѣдныя монеты Владиміра Великаго», — пишетъ Кларкъ. — «Онѣ очень интересны и тѣмъ болѣе, что очевидно относятся къ эпохѣ крещенія этого князя».

На одной сторонѣ монеты видно русское В., а на обратной — крестъ, символъ крещенія».

«Палласъ искалъ мѣсто доисторическаго Херсонеса...

Послѣ одной тяжелой для стараго ученаго ночи на соломѣ, въ одной изъ развалинъ Трахейскаго полуострова, раннимъ утромъ, пока я съ товарищами готовили кофе, Палласъ ушелъ на развѣдку Фонарейскаго мыса (Херсонесскій маякъ) и вскорѣ вернулся радостный и объявилъ намъ, что весь мысъ покрытъ руинами. Мы пошли за нимъ и дѣйствительно нашли древнѣйшій Херсонесъ съ остатками стѣнъ, улицъ, мощеныхъ площадей доисторическаго города».

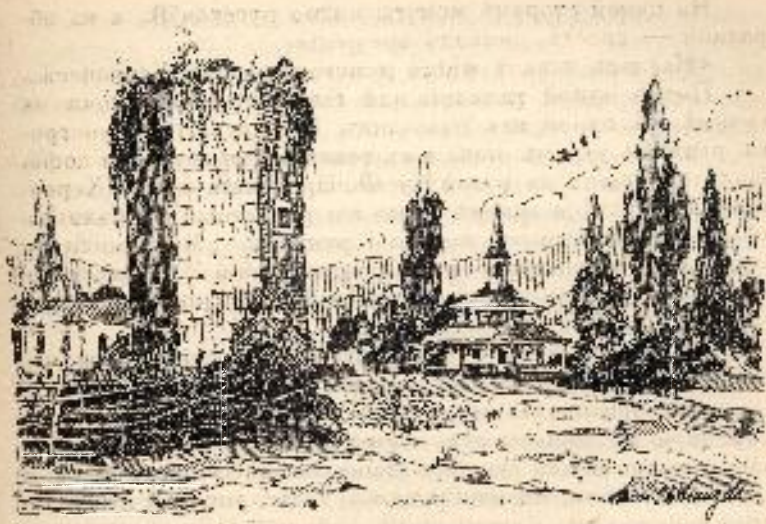
Уставъ рыться въ античностяхъ Херсонеса, мы поѣхали къ Габлицу въ Чоргунъ на отдыхъ.

«Въ оригинальномъ домѣ Габлица, отдѣланномъ съ турецкой роскошью, окруженнымъ высокими тополями, которые посадилъ турецкій паша, съ бассейномъ воды и виноградниками, мы нашли самый гостепріимный и радушный пріемъ». Въ своемъ домѣ Габлицъ часто принималъ своего друга Палласа, написавшаго въ этомъ чудесномъ мѣстѣ деревенскаго уединенія самыя прекрасныя страницы своей работы.

У Габлица Палласъ видѣлъ замѣчательную мраморную доску съ надписью въ честь Зенона, производившаго починку въ крѣпостныхъ стѣнахъ древняго Херсонеса.

Къ дому примыкала живописная восьмигранная башня «Генуэзскихъ или, можетъ быть, болѣе раннихъ временъ (Палласъ)». По старымъ преданіямъ въ эту башню заключались бунтари противъ ханской власти, мусульмане гласно не вѣровавшіе въ чудеса Магомета, помилованные разбойники, а позднѣе она служила мѣстомъ ссыпки пшеницы.

*) До завоеванія Крыма русскими, знаменитый Киль — мыльная глина, добываемая въ горахъ близъ Чоргуна, вывозился въ Константинополь (мыло Киль), а оттуда въ Германію, гдѣ изъ него дѣлали славъ — пѣнку для мундштуковъ, обжигая киль въ печи, кипяча въ молокѣ и полируя его.

Чоргунъ XIX в.

Палласъ и Кларкъ со своими друзьями провели пасхальные праздники въ гостепріимномъ домѣ Габлица и въ эти времена Чоргунъ сдѣлался маленькимъ центромъ свиданія людей науки, пріѣзжавшихъ неизмѣнно сюда для отдыха, обмѣна мнѣній и наблюдений.

Теперь ничто уже не напоминаетъ встрѣчи этихъ замѣчательныхъ друзей и только восьмиугольная башня одинокая говорить о прошломъ.

Въ 1830 г. Дюбуа де Монпере еще видѣлъ домъ Габлица и «недалеко отъ него маленькій очень элегантный домъ, выстроенный изъ кирпича въ 1796 году, немеблированный изъ за отсутствія хозяина дома»*).

*) Этотъ домъ построилъ кап. 1-го ранга Степанъ Мавро-Михайли, грекъ по національности, приглашенный гр. Панинымъ на

РАЗДАЧА ЗЕМЕЛЬ ЕКАТЕРИНОЙ.

Для войны съ Турціей нуженъ былъ мощный флотъ, своихъ моряковъ не хватало и Екатерина приглашала на службу иностранцевъ *).

Всѣхъ ихъ и особенно грековъ, помогавшихъ побѣдамъ русскаго флота при Чесмѣ, Наваринѣ и пр. морскихъ сраженіяхъ, Екатерина щедро одарила землями. Такъ, появились крымскіе помѣщики Ревеліоти, Ставраки, Мавро-Михайли, Мартыно и пр.; появились цѣлыя деревни около Балаклавы, населенныя греками Черноморскаго флота: Корань, Комары, Кадыковка.

Кромѣ этого, на пиру побѣды Екатерина расточительно-щедро раздавала крымскія земли, понравившіяся ей во время путешествія, лицамъ изъ своей свиты. Потемкинъ взялъ себѣ Байдарскую долину, Гурузь и Судаць, гр. Безбородко земли деревни Мшатка; гр. Олизарь-Артекъ у Аю-Дага, Понятовскій-Суукъ-Су. На опустѣвшія послѣ бѣгства татаръ Салгирскія земли подъ Симферополемъ

службу въ Черноморскій флотъ, и соратникъ Орлова въ битвѣ при Чесмѣ. Ему была пожалована часть Чаргунской долины и отъ его дочери, вышедшей замужъ за Бларамберга, племянника археолога, имѣніе перешло въ семью моего тестя бар. Ал. Кар. Врангеля.

Двѣ другія дочери Ст. Мавро-Михайли переселились въ старую башню, отдѣлали ее внутри въ восточномъ вкусѣ, увѣшавъ коврами и оружіемъ, соотвѣтственно романтическому духу совего времени.

Тамъ онѣ жили въ полномъ уединеніи и по праздникамъ пушка палила съ высоты платформы старой башни.

Во время войны за освобожденіе родной Греціи, онѣ бросили свою романтическую башню и поѣхали сестрами милосердія на войну, пожертвовавши большія деньги на борьбу за освобожденіе своей родины.

*) Де Рейи перечисляетъ главныхъ иностранцевъ (не считая грековъ) рус. арміи и флота того времени:

Англичане: ген. Коблэ, Фенчъ, адмиралъ: Грейгъ, Гарлингъ, Вильсонъ Прейзманъ, Маккензи (Маккензіевы горы). Французы: маркизъ де Траверсэ, прослужившій Черном. флоту 20 лѣтъ, гр. де Бальмэнъ, Мейденъ, Бардакъ, и пр. и пр.

(объявленнымъ губ. городомъ), особенно много осѣло иностранцевъ и, въ частности, французскихъ эмигрантовъ: де Вокланъ, Лангъ, гр. де Мезонъ и, наконецъ, графиня Лаваль, прожившая въ имѣніи при деревнѣ Саблы отъ 1798 до 1850-го года. Здѣсь жила въ дѣтствѣ ея дочь Каташа, будущая жена декабриста князя Трубецкаго, воспитанная Некрасовымъ.

Одинъ изъ приближенныхъ Императрицы, князь де Линь, знаменитый куртизанъ и замѣчательный писатель XVIII вѣка получилъ въ подарокъ древній Партенитъ и Никита на южномъ берегу Крыма.

Усталый отъ празднествъ и парадовъ, онъ покидаетъ на нѣсколько дней дворецъ Императрицы и ѣдетъ верхомъ черезъ Четырь-Дага въ пожалованныя ему помѣстья и нагоняетъ Екатерину уже въ Θεодосіи.

Князь де Линь встрѣчаетъ на каждомъ шагу самья блестящія остатки исторіи и міаа.

Онъ въ восторгѣ отъ знакомства со своими «вассалами» татарами и Партенитомъ *). Онъ ходитъ изъ одной бухточки въ другую, изъ Партенита въ Никиту, старается разговаривать съ татарами и дать имъ понять, какъ хотѣлъ бы онъ сдѣлать ихъ счастливыми.

Онъ мечтаетъ, что ему двадцать лѣтъ **), что онъ поэтъ и пишетъ прекрасныя вещи и далеко уносится мыслью въ Гомеровскія времена.

Однажды вечеромъ сидя въ Партенитѣ у разбитой античной колонны ***), подъ старымъ орѣхомъ, онъ пишетъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ своихъ писемъ маркизѣ де Куаньи, «самой умной и наименѣе сентиментальной изъ своихъ парижскихъ пріятельницъ».

*) Кларкъ упоминаетъ, что Потемкинъ увезъ изъ Партенита 2 античныя колонны и отправилъ ихъ для постройки православнаго храма въ гор. Херсонъ, гдѣ впоследствии и былъ погребенъ.

**) Въ это время кн. де Линь было 55 лѣтъ.

***) Де Рейи и Палласъ видѣли эту колонну, оставшуюся отъ храма Діаны въ 1803 году, и остатки его фундамента.

«Здѣсь въ тѣни двухъ огромныхъ орѣховъ, старыхъ, какъ мѣръ, у подошвы скалы, гдѣ еще виднѣтся одинокая колонна храма Діаны, изъ самой прекрасной и интересной страны міра, я Вамъ пишу это письмо.

Я сижу на турецкомъ коврѣ, окруженный татарами, они смотрятъ, какъ я Вамъ пишу и поднимаютъ на меня свои глаза, полные восхищенія, какъ будто-бы я былъ второй Магометъ.

Фиги, сливы, оливы, черешни, абрикосы и персики всѣ въ цвѣту; они распространяютъ самый нѣжный запахъ и защищаютъ меня отъ солнца, волны морскія шуршатъ блестящими камешками у моихъ ногъ.

Я растягиваюсь на коврѣ, погружаюсь въ раздумье и чувствую себя новымъ существомъ.

Вдали отъ великолѣпія двухъ Императорскихъ Величествъ, которыя я оставилъ по другую сторону горъ, вдали отъ празднествъ мірской суеты, пресыщенный удовольствіями, я, наконецъ, чувствую себя самимъ собой.

Я спрашиваю себя: гдѣ я и какъ попалъ сюда?

Я спрашиваю себя, почему не любя ни почести, ни деньги, ни милости, ни стѣсненія, — я провелъ мою жизнь при дворахъ всѣхъ европейскихъ государей? Я вижу, что могу быть счастливымъ только въ независимомъ покоѣ...

Обытальная довѣрчивая простота Екатерины Великой (le grand) меня покорила, а ея геній привелъ меня въ эти очаровательныя мѣста...

Ночь будетъ прекрасна: море тихо, поверхность его гладка, какъ зеркало. Вечеръ удивительный и я чувствую такую же ясность мысли, какая царитъ на небесахъ и на морской глади.

Можетъ быть, Овидій стоялъ на этомъ же мѣстѣ и писалъ тутъ свои Понтійскія элегіи. Вотъ онъ Понтъ Евксинскій; эти мѣста принадлежали Митридату Понтійско-му.

Недалеко отсюда, въ Херсонесѣ, я собиралъ остатки

колоннъ, я видѣлъ тамъ развалины акведука и стѣны, которые длиннѣе Лондона и Парижа вмѣстѣ взятыхъ. Эти оба города исчезнутъ такъ же, какъ Херсонесъ. Въ немъ были тѣ же интриги любовныя и политическія. Многіе въ немъ думали тоже совершить необыкновенное, что могло бы измѣнить мѣръ, а между тѣмъ, даже имена въ этой странѣ извращены Татаріей и Крымъ давно преданъ забвенію.

Прекрасныя размышленія для господъ правящихъ міромъ!

Обернувшись, я одобряю лѣнь моихъ милыхъ мусульманъ. Они сидятъ на крышахъ домовъ, скрестивъ свои руки и ноги.

Я нахожу среди нихъ одного албанца, который знаетъ немного итальянскій языкъ.

Я прошу его спросить татаръ, счастливы-ли они, могутъ ли я быть имъ полезенъ и знаютъ-ли они, что Императрица отдала ихъ мнѣ?

Они мнѣ передаютъ, что въ общемъ они знаютъ, что ихъ подѣлили, но не понимаютъ хорошенько, что это значитъ; что до сего времени они были счастливы и что, если станутъ несчастны, то сядутъ на двѣ большія філюги, построенныя ими самими и убѣгутъ въ Турцію.

Я прошу имъ передать, что я люблю лѣнливыхъ, но что я хотѣлъ бы знать, чѣмъ они живутъ.

Они мнѣ указываютъ на стадо барановъ, лежащихъ на травѣ, какъ и я, и я благославляю лѣнливыхъ.

Они указываютъ мнѣ на фруктовые деревья и говорятъ, что когда фрукты поспѣютъ, каймазанъ пріѣдетъ изъ Бахчисарая, увезетъ на продажу половину урожая и что каждая семья продаетъ фруктовъ на 200 рублей ежегодно. Они прибавляютъ, что въ Партеницѣ (такъ зовутъ они Партенитъ) и въ Никитѣ, — другомъ небольшомъ имѣніи мнѣ принадлежатъ, греческое названіе котораго обозначаетъ «побѣду», — всего 46 семействъ.

Я благославляю лѣнливыхъ, я имъ обещаю защищать

ихъ.

Они приносят мнѣ масло, сыръ и молоко, совсѣмъ не кобылье, какъ это водится у ногайцевъ.

Я благославляю лѣнвивыхъ и опять погружаюсь въ мои размышленія.

Еще разъ спрашиваю я себя, что я здѣсь дѣлаю?

Императрица мнѣ предложила ее сопровождать въ зачарованный край, которому она возвратила его античное имя Тавриды и во вниманіе къ моему влеченію къ Ифигеніи, отдала мнѣ мѣсто храма, въ которомъ дочь Агамемнона была жрицей....

И я опять мечтаю и дѣлаю проэскты.

Пресыщенный почти всѣмъ извѣданнымъ, почему бы мнѣ не остаться здѣсь? Я обращаю въ свою вѣру этихъ мусульманъ, научивъ ихъ пить вино, я построю дворець, который свѣтилъ бы далеко въ море мореплавателямъ...

Какая досада, — думаю я: преслѣдованія античной религіи уничтожили эти прекрасные остатки культа боговъ, такіе драгоценные для фантазіи и воображенія.

Уже падаютъ ночныя тѣни и начинаютъ покрывать землю. Муэдзинъ съ высоты своего минарета призываетъ къ молитвѣ.

Я ищущу лѣвой рукой свою бороду, которой у меня нѣтъ, я прижимаю правую къ груди и благославляю лѣнвивыхъ.

И я ухожу отъ нихъ и они въ удивленіи смотрятъ на меня, своего господина и слушаютъ о томъ, что я хочу оставить ихъ свободными...

Я съ грустью смотрю вокругъ себя, на эти прекрасныя мѣста, которыя я никогда болѣе не увижу и которыя подарили мнѣ самые восхитительные дни моей жизни.

Свѣжій вѣтеръ, вдругъ поднявшійся, отвратилъ меня отъ мысли ѣхать по морю на шлюпкѣ въ Θεодосію и я ѣду верхомъ на татарской лошади, чтобы черезъ 48 часовъ нагнать Ихъ Императорскія Величества.

Императрица оставляетъ въ каждомъ городѣ болѣе 100.000 рублей на подарки, балы, фейерверки и иллюми-

націи на десять лье въ окружности. Она говоритъ, что ея обязанность «благодарить и вознаграждать».

Второе письмо князь де Линь отправляетъ маркизу изъ Кафы или Θεодосіи.

«Вотъ большой городъ, замѣчательный своими мечетями, банями, храмами, старинными торговыми рядами, знаменитой гаванью.

Я входилъ во многія лавки и кафэ. Я видѣлъ здѣсь грековъ, турокъ, фабрикантовъ оружія изъ Персіи и Кавказа.

— Истинно культурные люди, подумалъ я, принадлежать не къ такъ называемымъ цивилизованнымъ націямъ.

Языкъ ихъ благороденъ: въ немъ нѣтъ ни свиста, ни грубости, ни безобразія европейскихъ языковъ. Здѣшній татаринъ былъ бы очень удивленъ, услышавъ на площади Моберъ торговку изъ рынка, болтающей со своей сосѣдкой.

Какое сравненіе между надоѣдливостью, скупостью и грязью европейскихъ народовъ съ благодушіемъ и чистотой этихъ.

Я видѣлъ одну татарскую женщину, принцессу по крови, племянницу послѣдняго хана Шагинъ-Гирея.

Императрица, передъ которой она сняла свою вуаль, меня спрятала за ширмы; она была прекрасна, какъ утро и на ней было болѣе брилльянтовъ, чѣмъ на всѣхъ дамахъ Вѣны вмѣстѣ взятыхъ, а этимъ много сказано.

Я видѣлъ также батальонъ албанокъ, маленькой македонской колоніи, живущей въ Балаклавѣ: 200 красивыхъ женщинъ и дѣвушекъ, вооруженныя ружьями и копьями, съ грудями амазонокъ и длинными волосами, красиво заплетенными въ косы, встрѣтили Императрицу и насъ почетнымъ эскортомъ при вѣздѣ въ Балаклаву.

Тамъ все соотвѣтствуетъ Гомеровской Одиссеѣ.

Вотъ у этого источника прѣсной воды, называемомъ Гомеромъ фонтаномъ Тилеоти-Артакія, гдѣ балаклавскіе

греки поятъ теперь свой скоть, Уллисъ увидѣлъ дочь Скиѣскаго царя, Новзикаю, моющую бѣлье своего отца. Жители Балаклавы не бѣжали за нами, но и не избѣгали насъ, а встрѣчали съ безразличіемъ, безъ презрѣнія, а скорѣе доброжелательно, когда мы останавливались, чтобы задать имъ нѣкоторые вопросы.

Благодарю Бога: здѣсь совсѣмъ нѣтъ ни нищихъ, ни капудиновъ.»

Своеобразна судьба татарскихъ деревень южнаго берега Крыма, расположенныхъ далѣ Алушты по направленію къ Судаку. Онѣ живутъ на отшибѣ, вдали отъ Ялты, съ ея курортнымъ шумомъ и весельемъ; сюда не заходятъ пароходы и эти мѣста сохранили свой вѣковѣчный укладъ жизни.

На ихъ долины не нашлось охотниковъ изъ свиты Екатерины, земли у деревень осталось много и подъ пашней и подъ садами, виноградниками, пастбищами, табаками и отсюда татары не бѣжали въ Турцію. Деревни огромны: въ Туакѣ 1074 ж.; въ Ускютѣ — 2062, въ Капсихорѣ — 1500, въ Воронѣ — 1400, — такъ велики были татарскія деревни до завоеванія Крыма Россіей.

Конечно, въ этихъ долинахъ тоже жило древне-греческое населеніе, но тотъ, кто не пожелалъ выселиться въ Мариуполь, принялъ мусульманство, вслѣдствіе чего нѣкоторыя здѣшнія татарскія имена-фамиліи, вмѣсто отчества «оглы» (по татарски — сынъ), носятъ греческую приставку «Барба» и «Паралать».

Природа этихъ мѣстъ тоже другая и не походить на знаменитый нарядный пейзажъ южнаго берега.

Вмѣсто серебристыхъ скалъ съ сосновыми лѣсами, здѣсь голыя горы съ легкими и мягкими очертаніями; вмѣсто приморскихъ дачъ и курортовъ — пустынные пляжи, зеленые тихіе сады и виноградники.

Много развалинъ храмовъ съ сохранявшимися до половины прошлаго столѣтія древними фресками.

Повсюду здѣсь были греческія колоніи, входившія частью въ «Сугдейское княжество», а частью во владѣнія консуловъ-подестовъ, строившихъ здѣсь свои загородныя виллы.

Долина Козы издревле была населена греками, античныя развалины сохранялись еще во времена путешественника и археолога Дюбуа де Монпере. Онъ останавливался въ Козахъ у своего соотечественника, доктора француза Граперона и тотъ показывалъ ему мраморный торсъ античной женской статуи, найденной имъ у себя на виноградникѣ.

«Въ прилегающей къ Козамъ пустынной долинкѣ, я нашель», — пишетъ Дюбуа, — «остатки очень древняго кладбища, непохожаго на другія кладбища Крыма. Десять гробницъ стояли въ рядъ; татары говорятъ, что это древне-еврейское кладбище. Я же думаю, какъ и Палласъ, что онѣ принадлежатъ другой націи, очень древней и малочисленной. Вблизи — развалины греческой церкви, а кругомъ старые виноградники, и въ одномъ изъ нихъ стоятъ каменные бабы, памятники первобытнаго человѣка.»*)

Въ Отузской долинкѣ, по мнѣнію археолога Бларамберга, находилось третье укрѣпленіе скиѣвъ Хавонъ, а въ сосѣдней Коктебельской долинкѣ, извѣстной своимъ пляжемъ съ халцедонами и сердаликами, заканчивались южнобережныя владѣнія тавро-скиѣвъ.

Печать тихаго уюта и очаровательной самобытности, вдали отъ жизненной сутолки, поражаетъ высадившагося изъ лодки на пустынный низкій берегъ Капсихора. И море здѣсь тихое, мелкое у берега, прозрачное, какъ стекло со свѣтло-сѣрымъ гравіемъ.

По берегу вѣтся изъ одной долины въ другую дорога, тоже безлюдная, а у отроговъ горъ подъ старыми орѣхами огороды мѣстныхъ татаръ со знаменитыми даже въ Стамбулѣ длинными сладкими капсихорскими огурцами древней культуры.

*) Де Рейи говоритъ о нахожденіи въ Козахъ желѣзной руды.

Деревня Капсихоръ лежитъ вдали отъ моря въ доли-
нѣ, окруженная виноградниками своихъ особыхъ сортовъ;
здѣшніе татары считаются лучшими виноградарями Кры-
ма.

Здѣсь существуетъ еще шелководство и мѣстные та-
тарки славятся своими тканями и вышивками.

Вы встрѣчаете ихъ недалеко отъ деревни съ дѣтьми
и съ кувшинами на плечѣ; онѣ идутъ отъ фонтана и при-
вѣтливо встрѣчаютъ рѣдкихъ посѣтителей. Ихъ фесочки
съ монетами блестятъ на солнцѣ, а бѣлоснѣжныя домоткан-
ныя рубашки съ плетеными кружевами пахнутъ свѣжимъ
бѣльемъ.

За Вороновской долиной горы начинаютъ спускаться
къ морю, давая переломы причудливыхъ очертаній.

Въ синей дымчатой дали онѣ принимаютъ фантасти-
ческія картины: то каравана верблюдовъ, тянущагося къ
морю напиться, то огромнаго пастуха, гонящаго свое ста-
до въ долину, — и навѣваютъ библейскія видѣнія. А да-
лѣ черныя острыя пики скалъ маячатъ надъ моремъ и
потухшими кратерами вулкановъ и напоминаютъ необи-
таемые острова океановъ.

Около огромнаго мыса Меганонъ покоятся развалины
многочисленныхъ человѣческихъ пепелищъ. Какихъ вре-
мень? Какихъ народовъ?

Крымъ быстро европеизировался. Севастополь и Сим-
ферополь росли; въ 1787 году уже были открыты въ Сим-
ферополь — губернскомъ городѣ — «присутственные мѣ-
ста» и гимназія, въ прочихъ городахъ — училища.

Въ Севастополь — главномъ Черноморскомъ порту,
въ Феодосіи, въ Евпаторіи и въ Керчи строили фрегаты,
филоги, для надобностей торговаго пароходства.

Это оживленіе морского строительства сильно безпо-
коило Турцію, бывшую до этого хозяйкой Чернаго моря.

Александръ I-ый способствовалъ умиротворенію за-
воеваннаго края своей благожелательной политикой.

Во время своей поѣздки въ Крымъ онъ открылъ въ

Симферополь гимназію специально для татарскихъ дѣтей,
первое правильное судоходство на Черномъ морѣ и пове-
лѣлъ беречь и сохранять историческія и археологическія
цѣнности Тавриды.

Приглашенный имъ химикъ де Серосси, уже въ 1807
году сдѣлалъ анализъ Сакскихъ грязей и предсказалъ имъ
блестящую будущность.

Удачное назначеніе гр. Воронцова намѣстникомъ
Крыма способствовало развитію края. Онъ былъ внимате-
ленъ къ нуждамъ татаръ, часто посѣщалъ ихъ деревни и
безпошадно преслѣдовалъ чиновниковъ и полицію, экс-
плуатировавшихъ населеніе и скоро сдѣлался очень по-
пулярень въ Крыму. Графъ Воронцовъ хотѣлъ привести
Крымъ въ цвѣтущій видъ. Онъ построилъ южнобережное
шоссе, школу садоводства въ перешедшемъ къ нему отъ
академика Палласа Салгирскомъ дворцѣ, подарилъ горо-
ду Ялтѣ богатѣйшій источникъ воды своего Массандров-
скаго имѣнія и построилъ чудесный дворецъ въ своей лю-
бимой Алулкѣ*).

Ему помогалъ герцогъ Ришелье, столько сдѣлавшій
для Одессы и основавшій образцовый ботаническій садъ
при деревнѣ Никита.

Въ своихъ замѣткахъ о путешествіи по Крыму въ
1823 году, Муравьевъ-Апостоль описываетъ «огромный
замокъ въ Гурзуфѣ, въ какомъ то необыкновенномъ сти-
лѣ: это домъ дюка Ришелье, которому и деревня Гурзуфъ
принадлежитъ**). Татары съ умиленіемъ произносятъ его
имя. Руины гурзуфской крѣпости, построенной импер.
Юстиніаномъ, подновленныя генуэзцами, еще хорошо со-
хранились. Множество путешественниковъ посѣщаетъ
Тавриду осенью».

*) Массандровскіе греки были выселены Екатериной въ Мариу-
польскій уѣздъ; Потемкинъ подарилъ имѣніе гр. Потоцкой, у ко-
торой его купилъ гр. Воронцовъ. Много помогалъ гр. М. С. Ворон-
цовъ академику Келпены въ его археологическихъ работахъ.

***) Герц. Ришелье купилъ Гурзуфъ за 3000 руб. въ 1817 г. и
продалъ его гр. Воронцову, а послѣдній Губонину, превратившаго
Гурзуфъ въ прекрасный курортъ.

Для нихъ Монгандонъ пишетъ интересный путеводитель, ставшій въ настоящее время библиографической рѣдкостью.

Много всякаго люда потянулось въ Крымъ. Рабочіе во вновь обстраивающійся край, чиновники, путешественники. А разъ пріѣхавъ, застревали въ этомъ зачарованномъ полуостровѣ, какъ застревали многіе народы, проходившіе черезъ древнюю Тавриду.

О маленькой колоніи французовъ въ Ласпи, приглашенныхъ Екатериной и навсегда оставшихся тамъ, мы имѣемъ свѣдѣнія отъ Дюбуа де Монпере и отъ научной экспедиціи для изученія Донецкаго бассейна и Крыма, снаряженной Демидовымъ въ 1837 году*).

Съ высоты Ласпійскаго амфитеатра, откуда Екатерина любовалась Ласпи, переваливъ черезъ Яйлу, спускалась веселая кавалькада этой экспедиціи, состоявшей изъ ученыхъ французовъ (геологъ Юо, докторъ Левайе, известный художникъ Раффе и пр. и пр.).

Весь горизонтъ заполняло синее море и снизу издалека доносился его мягкій прибой. Направо — каменная грудь великана Кокія-Исаръ — древне-греческой крѣпости, а далѣе виднѣлся утесъ, обрывающійся въ море мыса Айя, «историческое мѣсто всѣхъ вѣковъ», по словамъ Дюбуа де Монпере.

Кавалькада минуетъ церковь св. Ильи на вершинѣ того же имени, оставленную греками; руины домовъ, улицы, одичавшія фруктовые сады, повсюду остатки древнихъ часовенъ и подъѣзжаютъ къ Ласпійской «экономіи».

Въ лѣсной тиши журчитъ вода у фонтана, а сбоку подъ кудрявыми дубками лежатъ плиты готскаго кладбища съ высѣченными на нихъ серпами, сохами, топорами — орудіями готскаго производства.

*) Ихъ «Путешествіе въ Крымъ въ 1837 г.», иллюстрированное Раффе, выдержало 3 изданія во Франціи, столько-же въ Англии и была переведена на нѣмецкій и испанскій языки.

Розовый дикій горошекъ въ тѣни дубовъ украшаетъ своими яркими цвѣтами эти древности.

Приглашенный Екатериной, французъ Рувье, насадилъ здѣсь испанскія лозы винограда; его дочь вышла замужъ за француза генерала Потье, купившаго Ласпи и служившаго комендантомъ въ Керчи, любителя археологій. Онъ пригласилъ управляющимъ Ласпи тоже француза Компера, агронома, сразу вросшаго въ жизнь своего хозяйства.

Съ нимъ пріѣхалъ и его старшій братъ, окончившій блестящую Политехническую школу въ Парижѣ, отецъ восьмерыхъ дѣтей, воспитаніемъ которыхъ онъ усердно занимался.

Быль-ли онъ послѣдователемъ Руссо, идеи котораго имѣли такое вліяніе въ то время? Во всякомъ случаѣ, онъ уединился со своей семьей въ Ласпи, убѣжденный въ благодатномъ вліяніи природы на развитіе его дѣтей и въ растлевающемъ города съ его искусственной жизнью и эфемерной культурой. Въ своемъ уединеніи онъ много занимался естественными науками и его богатѣйшіе гербаріи, коллекціи минераловъ и окаменѣлостей — сокровища его терпѣливыхъ научныхъ изысканій, плоды иногда горькаго одиночества.

«Шумный и веселый нашъ пріѣздъ» — пишетъ авторъ «Экспедиціи въ Крымъ» — «такой неожиданный визитъ его соотечественниковъ, видимо, очень взволновалъ Компера. Его радостная улыбка, освѣтившая его меланхолическое лицо, была такъ трогательна и, видимо, ему было пріятно, что мы понимаемъ и его отшельническую жизнь и то утѣшеніе, которое ему приносятъ его дѣти и наука».

Впослѣдствіи оба брата купили сосѣднее съ Ласпи имѣніе, получившее названіе «Комперія». Оба брата были похоронены тутъ, гдѣ продолжали жить ихъ дѣти, внуки и правнуки, какъ то особенно и ревниво любившіе свое уединенное имѣніе. Дюбуа де Монпере, гостившій здѣсь,

пишетъ: «2 недѣли, которыя я провелъ у Компера, прошли, какъ сонъ среди массы интересныхъ геологическихъ и археологическихъ коллекцій. Во дворѣ его дома стояла бѣлаго мрамора капитель въ стилѣ барокко, находившаяся въ развалинахъ одной изъ церквей Ласпи».

ЯЛТА И «ЮЖНЫЙ БЕРЕГЪ».

Ялта была, вѣроятно, основана въ древнія времена греческой колонизаціей V—VI в.*). Не обладая хорошей бухтой, она никогда не была значительнымъ портомъ и свѣдѣнія о ней отрывочны и бѣдны.

Въ XI вѣкѣ южный берегъ подвергался нападенію половцевъ и арабскій географъ Ибнъ Эдризѣ, жившій въ Сициліи въ XII вѣкѣ, упоминаетъ впервые о Ялтѣ. «Отъ Корсуни до Джалиты (Ялта) въ странѣ кумановъ (половцевъ) 30 миль; отъ Джалиты до Гарзуни, цвѣтущаго приморскаго города, 12 миль**).

Во время завоеванія Крыма Екатериной, въ Ялтѣ жилъ Бекъ-Мурза, получавшій отъ Крымскаго хана 540 рублей въ годъ, какъ начальникъ мѣстечка.

Въ 1800 г. въ Ялтѣ было всего 13 домиковъ древнихъ грековъ, уцѣлѣвшихъ на мѣстѣ; по распоряженію Потемкина ихъ не выселили въ Приазовскій край, а какъ спеціалистовъ по разведенію и ловли устрицъ, оставили въ Ялтѣ. На ихъ древніе Анатолійскіе танцы подъ музыку и пѣніе: «Любовь безъ горя, любовь безъ слезъ, — что сине море безъ серебристаго прибоя», на ихъ Лампадидромию (бѣгство молодыхъ людей съ зажженными факелами — въ древности до жертвенника), на ихъ древніе обычаи и блюда сходились смотрѣть любопытные жители Ялты.

По разказамъ Кондараки, во время Крымской кампаніи, вся Ауткинская долина была еще полна остатками

*) Ялосъ — по гречески берегъ.

**) Генуэзцы звали Ялту Калита.

своей древней жизни. На мѣстныхъ кладбищахъ и виноградникахъ находили много греческихъ амфоръ, посуды, закаленныхъ стрѣлъ половцевъ, греческихъ и даже египетскихъ бездѣлушекъ, и фундаментовъ церквей первыхъ христіанъ. Въ ауткинской Успенской церкви была реставрирована древняя мраморная капитель и замѣчательныя украшенія изъ яхонта. По дорогѣ изъ Ялтинской долины въ горы, въ пещерѣ Евграфъ - хаясы Кондараки видѣлъ алтарь на мѣстѣ древняго жертвенника; кругомъ росли сталоктиты и древняя часовня св. Евграфа приняла со-вѣмъ фантастическій видъ.

Но эти историческіе этапы многократно стирались съ лица Ялтинской земли и я застала новый этапъ возрождающейся Ялты, главнымъ образомъ, какъ всероссійской санаторіи.

Климатическія условія Ялты, необыкновенно благоприятныя для лѣченія нѣкоторыхъ формъ туберкулеза, были впервые оцѣнены знаменитымъ Боткинымъ.

Прекрасна Ялтинская зима. Горы покрыты снѣгомъ, а въ садахъ на дачахъ цвѣтутъ розы, зимо-цвѣты и фіалки, пахнутъ буксусомъ и смѣсь запаха снѣговыхъ горъ съ морскимъ, создавала тотъ особый, присущій только Ялтѣ, крѣпкій, бодрящій воздухъ.

Тихо было тогда въ городѣ: сезонная публика уѣхала по домамъ и покашливанія больныхъ на балконахъ дачъ и проѣздъ докторовъ въ фаэтонахъ говорили о томъ, что Ялта становится всероссійской санаторіей. Огромная Россія начинала сознавать значеніе для нея маленькаго Крыма.

Южный берегъ еще былъ полонъ воспоминаній о первыхъ годахъ заселенія его русскими.

Передавали подробности о Крюденерѣ, о кн. Голицыной, высланной въ Крымъ за «обращеніе къ народу», внучкѣ фельдмаршала гр. Минихъ. Вмѣстѣ съ гр. Гашеръ, которую нѣкоторые принимали за гр. де Ламоттъ, замѣшан-

ную въ громкое дѣло о колье королевы Маріи Антуанетты, онѣ основали въ Крыму религіозно-мистическое Общество и ходили по татарскимъ деревнямъ въ одеждѣ монахинь проповѣдывая Евангеліе.

Помнили пріѣзды въ Ялту Александра II-го, его простоту на народныхъ гуляньяхъ, какъ онѣ ѣлъ пирожки въ палаткахъ медицинскаго персонала въ пользу первой строящейся санаторіи Краснаго Креста. Еще сохранилась дача въ Зарѣчьи, гдѣ жила кн. Долгорукая, куда каждый день пріѣзжалъ Александръ II-ой изъ Ливадіи и часто собственноручно отворялъ и затворялъ ворота ея дачи «Караванъ-Сарай» за своимъ кабриолетомъ.

На ряду съ санаторной жизнью развивалось недавно открытое Ялтинское земство. На одномъ изъ холмовъ города, въ одноэтажномъ домикѣ «временъ Очаковскихъ и покоренія Крыма» — помѣстилось Управленіе уѣздной Ялтинской земской Управы.

Низенькій домикъ со стрѣльчатыми окнами смотрѣлъ въ даль голубого моря. Старая глицинія крѣпко обняла его своими могучими вѣтками и покрывала весною сиреневыми цвѣтами. Въ дни земскихъ собраній здѣсь собиралась вся интеллигенція Ялтинскаго уѣзда: помѣщики и ихъ жены, полныя желанія работать на просвѣтительномъ и больничномъ поприщѣ съ непочатымъ запасомъ общественной энергіи. Строили новый благоустроенный Крымъ.

И такъ какъ населеніе Ялтинскаго уѣзда было преимущественно татарское, то они становились центромъ вниманія земства и гласные — татары встрѣчали особенно внимательное отношеніе къ своимъ нуждамъ.

Строились дороги, земскія школы, больницы, санаторіи, мечети; открывались почтовые отдѣленія въ глухихъ татарскихъ деревняхъ и т. д.

Весь южный берегъ застраивался дворцами, курортами, дачами; на мѣстахъ древнихъ пещелищъ человѣческаго жилья, разбивались великолѣпные парки и вырубались

древнія оливковыя рощи, живые свидѣтели античнаго Крыма*).

ГОРНЫЙ КРЫМЪ.

Но стоило перевалить Яйлу и попасть въ Байдарскую или Коккозскую долину, какъ характеръ не только природы, но и человѣческаго жилья сразу мѣняется. Тамъ въ татарскихъ и греческихъ деревняхъ сохранился старый укладъ жизни. Сельская тишина и просторъ такъ разительны послѣ курортной жизни южнаго берега.

Палласъ былъ въ гостяхъ у Меметша-бея въ Коккоз-

*) «Важные населенные пункты древняго періода Крыма», говоритъ М. Ростовцевъ, — «были: Алушта, Кагель, Ламбать, Партеинъ, Аю-Дагъ, Ай-Тодоръ, Ласпи».

О древнемъ маякѣ-городѣ Лампадіонѣ-Ламбатѣ упоминается въ I-омъ вѣкѣ до Р. Х.

Всѣ склоны мыса Паллака, на которомъ находился древній городъ, долгое время послѣ перехода къ Россіи, были усыяны черепками античной посуды.

Впослѣдствіи Ламбать былъ купленъ принцемъ Мюратомъ. Ливадія — по гречески поляна, принадлежавшая Ревеліоти, перешедшая гр. Поттокому, а затѣмъ Удѣльному Вѣдомству. Ореанда, гдѣ Дюбуа де Монпере нашель остатки стѣнъ языческаго храма тавровъ, а м. б. киммерійцевъ; Ай-Тодоръ, гдѣ въ Римскія времена стоялъ сильный гарнизонъ для наблюденія за покоренной страной, стражъ Римской Имперіи съ древнимъ маякомъ, съ остатками храма для гарнизона и путниковъ, съ огромнымъ бассейномъ для воды, проведенной изъ Ай-Петри, съ остатками зала *caldarium*, въ которомъ подъ поломъ было устроено отопленіе горячимъ воздухомъ, съ кирпичами Херсонесскаго производства, барельефами, изображавшими кентавровъ, Херсонесскими и Пантикапейскими монетами... Въ одномъ изъ подземелій, которыми полна вся вершина Ай-Тодора, гр. Шуваловъ нашель античную мраморную статую и пр., и пр.

Въ Алушкѣ были найдены барельефы Амура въ объятіяхъ Психеи, римскаго орла, двѣ мраморныя статуи безъ головъ, греческая колонна и мраморная доска 512 г. до Р. Х.

Въ Гаспрѣ, Олейзѣ, Мисхорѣ, Мухолаткѣ и Форосѣ — остатки древнихъ поселеній, крѣпостей и монастырей.

ской долины и описалъ гостиницу, построенную беємъ для путешественниковъ, гаремъ «въ турецкомъ вкусѣ» и красивую мельницу.

Въ мое время наслѣдникъ Меметши-бея, Булгаковъ сохранилъ лишь небольшую часть прежняго помѣстья, былъ очень гостепріименъ и какъ фамильную реликвию показывалъ своимъ гостямъ шубу, подаренную его дѣду съ «Екатерининскаго плеча».

Однажды раннимъ утромъ я поѣхала верхомъ въ Каралезскую долину навѣстить старую княгиню изъ рода князей Балатуковыхъ.

Моя «байдарка» — горная лошадка осторожно цѣпляясь и лавируя между камнями, поднималась вверхъ горнаго перевала. Чѣмъ выше, тѣмъ рѣже попадались обработанные чаиры и табачныя плантаціи — ихъ замѣняли пастбища и лѣса; пахло чебрецомъ, горными полынными травами; здѣсь въ старину водились серны, олени, вепри, медвѣди, а теперь только въ заповѣдникѣ кн. Юсупова великолѣпные свѣтло-сѣрые олени подходили къ изгороди, смотря на рѣдкихъ верховыхъ путниковъ Яйлы.

На перевалѣ, среди буковыхъ лѣсовъ спряталась маленькая татарская деревня Узенбашикъ, вдали отъ большихъ проѣзжихъ дорогъ.

На площади — мечеть, медресе, кофейня и лавочка. Передъ мечетью сидятъ старики татары, нѣкоторые въ чадмѣ, заслуженной путешествіемъ въ Мекку, отработавшіе свою трудовую жизнь, молчаливые и важные.

Въ соблазнительной деревенской лавочкѣ развѣшаны на веревкѣ вышитые золотомъ разноцвѣтные бахчисарайскіе чуйаки и все что нужно деревнѣ съ ея особенными вкусами: тонкія, какъ паутинки платочки, красныя фески, смушковые шапочки, ситецъ съ фантастическими цвѣтами, посталы, баранина, кнуты, веревки.

Въ лавкѣ стоялъ покупатель: въ бѣлой рубахѣ, выпущенной изъ подъ жилета, въ штанахъ, заправленныхъ въ высокія голенища сапогъ, съ расчесанными на обѣ сторо-

ны волосами. Онъ оказался орловскимъ плотникомъ, уже 10 лѣтъ жившемъ въ этой татарской деревнѣ. Онъ дѣлалъ мажары, деревянные колеса, ярма для упряжки воловъ. Обжившись въ Узенбашикъ, хвалилъ татаръ, на жизнь не жаловался и показывая на мечеть, рассказывалъ, какъ мулла отвелъ ему уголокъ въ мечети, гдѣ онъ поставилъ иконку, лампадку и устроился на молитву. И татаринъ, слушая его рассказъ, промолвилъ: «Алла одинъ»... и посмотрѣлъ на небо.

Въ кофейнѣ, куда мы всѣ пошли пить кофе, было уютно. Молодой опрятный кафеиджи разносилъ кофе отдыхающимъ посѣтителямъ, играющимъ въ шашки и кости.

Меня спрашиваютъ: откуда я, каковъ урожай въ Байдарской долинѣ, какія цѣны на фрукты, и неожиданно:

— Петербургъ былъ?

— Была...

— Стамбулъ былъ?

— Нѣтъ...

— А что больше?

— Петербургъ.

Татары цокаютъ, качаютъ головой и одинъ изъ нихъ говоритъ на распѣвъ:

— Ай, ай Стамбулъ да красивъ... такой городъ, какъ Стамбулъ нигдѣ нема...» и въ виду безспорнаго окончанія разговора, нахлобучиваетъ свою барашковую шапочку съ затылка на глаза и умолкаетъ.

«Алла, Алла»... — слышится тихій возгласъ, прерываемый зѣвкомъ и вздохами.

Получивъ угощеніе дѣтвора наперерывъ бѣжитъ отворять мнѣ деревенскія ворота на одномъ колесѣ и я спускаюсь въ Каралезскую долину.

По обѣимъ бокамъ ея тянутся одна за другой усѣченныя круглыя бѣлыя скалы. Вотъ самая большая, а около нея такая же кругленькая маленькая. «Мама, я боюсь», — говоритъ маленькая, прижимаясь къ большой. — «Не бойся, мое дитя», — успокаиваетъ ее большая, и мать и дитя

каменѣютъ, чтобы не попасться чудовищу, гнавшемуся за ними по долину. Такова татарская легенда Каралеза.

Вдешь вдоль серебристаго Бельбека мимо безпрерывныхъ фруктовыхъ садовъ и видишь: высоко на скалѣ сидитъ пастухъ-татаринъ въ бѣлой рубашкѣ и красной фескѣ, любитъ своей родной долиной и слышится его гортанная, о чемъ то молящая, пѣснь.

Вотъ показался въ полугорѣ большой двухъ-этажный бѣлый домъ княгини, съ рѣзными деревянными балконами и террасами, построенный еще въ ханскія времена.

Комнаты въ домѣ убраны по восточному. Въ большой гостиной потолоки расписаны зеленой и желтой краской, полъ устланъ коврами. По стѣнамъ — диваны съ подушками сплошь вышитыми золотомъ и пышными розами. На низенькихъ столикахъ, на серебряныхъ подносахъ закуски: сардины съ крутыми яйцами, сыры, жареная форель и розовое варенье съ густымъ кофе въ маленькихъ старинныхъ чашечкахъ съ видомъ Бахчисарая.

Мужчинамъ предложень кальянъ въ серебряныхъ кувшинахъ и длинныя трубки, напоминающія наши помѣщичьи времянь крѣпостного права. На стѣнахъ — тузлукъ зеркала въ восточныхъ деревянныхъ рамахъ и шелковые коврики съ изображеніемъ Ай-Софіи и Стамбула.

На карточкахъ у стѣны сидѣли слуги: одинъ съ подносомъ, другой съ кальяномъ, третій уносилъ чашки. На нашъ пріѣздъ сошлись сосѣди, мѣстные мурзы, и разсѣлись по рангу на диванахъ.

Княгиня была уважаема всѣми за свой справедливый, непреклонный характеръ и широкую благотворительность.

Это была художавая старуха съ умнымъ лицомъ и полуопущенными глазами. На ней были шаровары, вышитыя золотомъ чуваки, темно-красный бархатный кафтанчикъ, опущенный мѣхомъ и чадра, вышитая серебромъ. Она была чрезвычайно гостепрѣимна и послѣ потчеванія зашелъ разговоръ о земскихъ дѣлахъ, объ урожаѣ фруктовъ, о цѣ-

нахъ на табакъ и вспоминали «доброе старое время», когда табакъ давали огромные доходы.

Было много общаго въ характерѣ жизни русскаго и татарскаго помѣщика: ненужное обиліе слугъ, пренебреженіе всякой работой и службой, кромѣ военной, страсть къ охотѣ и лошадямъ.

Наверху, гдѣ прежде помѣщался гаремъ, дѣвушки княгини, какъ бывало наши боярышни, почти не выходили изъ усадьбы и цѣлыми днями вышивали и ткали полотенца, чадры, рубашки и пр. И какія это были чудесныя рукодѣльницы!

Затворницы были рады появленію неожиданной гостьи, побросали свою работу и обступили меня, весело гуторя съ восхищеніемъ разсматривая и трогая невиданный ими мой европейскій костюмъ амазонки.

Мы сошли въ зеленый садъ съ грецкими орѣхами, розами и небольшимъ проточнымъ прудомъ, гдѣ мелькали бархатныя спинки съ красными крапинками форелей.

А подъ вечеръ сынъ княгини, офицеръ Крымскаго коннаго полка показывалъ гостямъ свои фруктовые сады, конюшни и своего любимаго Арабчика.

Онъ былъ чистой арабской крови: свѣтло-сѣрый въ «яблокахъ», съ сухой маленькой головой, игриво перебирая точеными ногами, не знающими тихаго равномернаго шага, онъ танцевалъ на поводу молодого татарина, не спускавшаго съ него своихъ восхищенныхъ глазъ.

Арабчикъ нервно фыркалъ, косилъ на насъ свои фіолетовый глазъ и его ноздри пламенѣли на солнцѣ.

Хозяинъ вскочилъ ему на спину и они понеслись по полю и невозможно было поймать моментъ, когда Арабчикъ касался земли. Живая иллюстрація восточной сказки!

Я спала наверху на диванѣ около открытаго окна. Внизу бѣлѣли сакли и минареть Каралеза. Протяжно, сливаясь съ тишиной, пропѣлъ муэдзинъ свою призывную молитву: «Алла... Нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Магометъ про-

рокъ его».. и звѣзды, какъ лампы, мерцали на синемъ небѣ.

На другой день, поздно вечеромъ, я вернулась въ Байдарскую долину.

Изъ сосѣдняго ущелья дулъ сильный вѣтеръ, нагибалъ огромныя осокори у мельницы и заглушалъ веселый шумъ колесъ и заунывную пѣснь мельника Григорія.

Безпокойный пришелецъ съ сѣвера, одинокій — «отъ бабы одинъ соръ въ избѣ», — говаривалъ онъ, работая на мельницѣ по ночамъ, онъ пѣлъ теноркомъ свои грустныя русскія пѣсни: «Не шумите сосны, не гудите ели»... и его голосъ терялся въ порывахъ вѣтра.

Изъ за черной конической горы, похожей на Фузи-Яму, выплывала желтая огромная, какъ мѣдный тазъ, луна, такъ страшно низко надъ землей, не освѣщая долины. Въ чернотѣ ночи она спала со своими долменами, каменными бабами, греческой церковкой и озисами татарскихъ святыхъ.

КОНЕЦЪ.

О Г Л А В Л Е Н І Е :

	Стр.
Введеніе.	5
Байдарская долина и татары	15
Первые ханы въ Салхатѣ	20
Караимы и готы	27
Крымское ханство	38
Французскій посоль при ханахъ Максудъ-Гиреѣ и Крымъ-Гиреѣ	50
Присоединеніе Крыма къ Россіи	63
Екатерина въ Бахчисараѣ и Севастополѣ	72
Античная Таврида и Херсонесъ	80
Екатерина въ Ласпи, въ Симферополѣ и въ Карасу-базарѣ	96
Судакъ и Старый Крымъ	99
Ѳеодосія — Кафа	106
Пантикапея	121
Иностранцы въ Крыму и раздача земель Екатериной.	130
Ялта и «Южный берегъ»	150
Горный Крымъ	153

ТОГО-ЖЕ АВТОРА

„ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ“

(Отрывки изъ Разказовъ моей матери)

Стр. 124 Долл. 0.40

Издание YMCA-PRESS

YMCA PRESS
29, rue Saint-Didier, Paris — XVI.